

№ 1

2022

НАСЛЕДИЕ ВЕКОВ

HERITAGE
OF CENTURIES

ЭЛЕКТРОННЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
ЮЖНОГО ФИЛИАЛА
ИНСТИТУТА НАСЛЕДИЯ

**СПЕЦИАЛЬНАЯ ТЕМА НОМЕРА:
НЕМАТЕРИАЛЬНОЕ КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ
НАРОДОВ РОССИИ**

ISSN 2412-9798

9 772412 979809

16+

№ 1
(29)

●
2022

16+

НАСЛЕДИЕ ВЕКОВ

HERITAGE
OF CENTURIES

ЭЛЕКТРОННЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ ЮЖНОГО ФИЛИАЛА
ИНСТИТУТА НАСЛЕДИЯ

УЧРЕДИТЕЛИ:

ФГБНИУ «Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева»

АНО Центр духовного развития и патриотического воспитания «Родные традиции»

ИЗДАТЕЛЬ:

Южный филиал
ФГБНИУ «Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева»

Выходит 4 раза в год

Свидетельство о регистрации
средства массовой информации:

ЭЛ № ФС 77 - 76198
от 19 июля 2019 г.

ISSN 2412-9798

Адрес редакции:

350063, г. Краснодар,
ул. Красная, д. 28, оф. 28
Тел. +7 (861) 268-22-98

E-mail:

heritage.krasnodar@gmail.com

Мнение авторов может
не совпадать с точкой зрения
редакции

Номер сверстан: 30.03.2022
Размещен в сети Интернет: 31.03.2022

Главный редактор:

ГОРЛОВА

Ирина Ивановна,
доктор философских наук,
профессор, директор
Южного филиала Института
Наследия

Заместитель главного редактора:

КОВАЛЕНКО

Тимофей Викторович,
кандидат философских наук,
заместитель директора
Южного филиала
Института Наследия

Выпускающий редактор:

КРЮКОВ

Анатолий Владимирович,
кандидат исторических
наук, ученый секретарь
Южного филиала Института
Наследия

Распоряжением Минобрнауки России от 12 февраля 2019 г. № 21-р электронный журнал «Наследие веков» включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

БОНДАРЬ

Виталий Вячеславович

кандидат исторических наук, начальник отдела изучения культурного наследия и экспертной деятельности Южного филиала Института Наследия

ГУЦАЛОВ

Александр Анатольевич

ответственный секретарь редакции, кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник отдела изучения культурного наследия и экспертной деятельности Южного филиала Института Наследия

ЕРЕМЕЕВА

Анна Натановна

доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник отдела комплексных проблем изучения культуры Южного филиала Института Наследия

КОСТИНА

Наталья Анатольевна

кандидат педагогических наук, доцент, ведущий научный сотрудник отдела комплексных проблем изучения культуры Южного филиала Института Наследия

НАУМЕНКО

Владимир Емельянович

кандидат исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник отдела комплексных проблем изучения культуры Южного филиала Института Наследия, заслуженный деятель науки Республики Ингушетия

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

АБДУЛЛАЕВА Рена Габиб кызы	доктор искусствоведения, профессор, заведующая отделом культурологии Института архитектуры и искусства Национальной академии наук Азербайджана, Баку, Азербайджанская Республика
АКАЕВ Вахит Хумидович	доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник отдела гуманитарных исследований Комплексного научно-исследовательского института имени Х. И. Ибрагимова РАН, действительный член Академии наук Чеченской Республики, Грозный, Российская Федерация
АРАКЕЛОВА Александра Олеговна	доктор искусствоведения, ректор Российской государственной академии интеллектуальной собственности, заслуженный работник культуры Российской Федерации, Москва, Российская Федерация
БОЛААН Маицео Мгадла	PhD в области истории, доцент кафедры истории гуманитарного факультета Университета Ботсваны, Габороне, Республика Ботсвана
ВЛАДИМИРСКИ Ирена	PhD в области истории, профессор, заведующая кафедрой истории общественной мысли Академического колледжа Ахва, Ахва, Государство Израиль
ГАПУРОВ Шахрудин Айдиевич	доктор исторических наук, профессор, Президент Академии наук Чеченской Республики, заведующий кафедрой новой и новейшей истории Чеченского государственного университета, заслуженный деятель науки Чеченской Республики, Грозный, Российская Федерация
ДЕМИН Вадим Петрович	действительный член Российской академии образования, доктор искусствоведения, профессор, академик-секретарь отделения образования и культуры Российской академии образования, заслуженный деятель искусств Российской Федерации, Москва, Российская Федерация
ДЖИВЕНСКА Малгожата Цецилия	Ph. D. в области географии, доцент Нижнесилезской высшей школы социальных служб «Ассесор», Вроцлав, Республика Польша
КУДРЯВЦЕВ Александр Абакарович	доктор исторических наук, профессор, кафедры зарубежной истории, политологии и международных отношений Северо-Кавказского федерального университета, заслуженный деятель науки Российской Федерации, Ставрополь, Российская Федерация
КУМАР Капил	профессор истории, декан исторического факультета Высшей школы социальных наук Индийского национального открытого университета имени Индиры Ганди, директор Центра по исследованию борьбы за свободу, Советник индийского конгресса туризма и гостеприимства, Нью-Дели, Республика Индия
КУПЦОВА Ирина Валентиновна	доктор исторических наук, профессор кафедры регионального и муниципального управления Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация
МАКГАЛА Кристиан Джон	Ph. D. в области истории, профессор кафедры истории гуманитарного факультета исторического факультета Университета Ботсваны, Габороне, Республика Ботсвана
МАТВЕЕВ Олег Владимирович	доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Кубанского государственного университета, главный научный сотрудник Научно-исследовательского центра традиционной культуры Кубанского казачьего хора, Краснодар, Российская Федерация
НЕРЕТИН Олег Петрович	доктор экономических наук, директор Федерального института промышленной собственности, лауреат премии Правительства Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

НИСТОЦКАЯ Марина Сергеевна	Ph. D. в области политологии, старший преподаватель кафедры политологии; научный сотрудник Института качества государственного управления Гётеборгского университета, Гётеборг, Королевство Швеция
ОРЛОВА Надежда Хаджимерзановна	доктор философских наук, научный сотрудник Института философии Университета Зелена Гура, Зелена Гура, Республика Польша
ПАТИНЬО Хуан Карлос	доктор экономических наук, профессор факультета политических и социальных наук Автономного Университета штата Мехико, Толука, Мексиканские Соединенные Штаты
ПЕТРОВ Владимир Михайлович	доктор философских наук, профессор, Вице-Президент Международной ассоциации эмпирической эстетики, Москва, Российская Федерация
ПРАБХАКАРА Джантхьяло Рао	профессор лингвистики, директор Центра изучения иностранных языков Высшей школы гуманитарных наук Центрального университета Хайдерабада, Хайдарабад, Республика Индия
РАТУШНЯК Валерий Николаевич	доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Кубанского государственного университета, заслуженный деятель науки Российской Федерации, Краснодар, Российская Федерация
РАХАЕВ Анатолий Измаилович	доктор искусствоведения, профессор, ректор Северо-Кавказского государственного института искусств, заслуженный деятель искусств Российской Федерации, кавалер Ордена Дружбы, Нальчик, Российская Федерация
РЫБАК Кирилл Евгеньевич	доктор культурологии, ведущий научный сотрудник отдела государственной культурной политики Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева, Москва, Российская Федерация
САЛАМЗАДЕ Эртегин	доктор искусствоведения, профессор, директор Института архитектуры и искусства Национальной академии наук Азербайджана, член-корреспондент Национальной академии наук Азербайджана, Баку, Азербайджанская Республика
ХАНГЕЛЬДИЕВА Ирина Георгиевна	доктор философских наук, профессор кафедры истории и философии образования факультета педагогического образования Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация
ЩЕРБАКОВА Анна Иосифовна	доктор культурологии, доктор педагогических наук, ректор Московского государственного института музыки имени А. Г. Шнитке, Москва, Российская Федерация

NO.4

(28)

2021

HERITAGE НАСЛЕДИЕ OF CENTURIES ВЕКОВ

THE ONLINE RESEARCH JOURNAL OF THE SOUTHERN BRANCH
OF THE INSTITUTE OF HERITAGE

FOUNDERS:

Likhachev Russian Research Institute
for Cultural and Natural Heritage

Autonomous Not-for-Profit
Organization Center for Intellectual
Development and Patriotic Education
“Native traditions”

PUBLISHER:

Southern Branch of the Russian
Research Institute for Cultural
and Natural Heritage

Published four times a year

Mass Media Registration Certificate:

ЭЛ № ФС 77 - 76198

on July 19, 2019

ISSN 2412-9798

Editorial Office:

Address:

Office 5, 28 Krasnaya Street,
Krasnodar, Russia, 350063.

Telephone:

+7 (861) 268-22-98

E-mail:

heritage.krasnodar@gmail.com

The views expressed in the Journal
are those of the authors, and do not
necessarily coincide with those of the
Editors, the Editorial Board
or the Publications Council.

Imposed on 30 December 2021
Published online on 31 December 2021

Editor-in-Chief:

Irina I. **GORLOVA**

Dr. Sci. (Theory and History
of Culture), Prof., Director,
Southern Branch, Russian
Research Institute for Cultural
and Natural Heritage

**Deputy
Editor-in-Chief:**

Timofey V. **KOVALENKO**

Cand. Sci. (Theory and History
of Culture), Deputy Director,
Southern Branch, Russian
Research Institute for Cultural
and Natural Heritage

Managing Editor:

Anatoly V. **KRYUKOV**

Cand. Sci. (National History),
Academic Secretary, Southern
Branch, Russian Research
Institute for Cultural and
Natural Heritage

**By Order of the Ministry of Science and Education
of the Russian Federation No. 21-r of 12 February
2019, the electronic scientific journal *Heritage of Cen-
turies* was included into the List of Reviewed Scientific
Journals in which main scientific results of disserta-
tions for obtaining candidate (Cand. Sci.) and doctoral
(Dr. Sci.) degrees should be published.**

EDITORIAL BOARD

Vitaliy V.

BONDAR

Cand. Sci. (National History), Head, Department for the Study of Cultural Heritage and Expert Activities, Southern Branch, Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage

Aleksandr A.

GUTSALOV

Executive Editor, Cand. Sci. (History of Philosophy), Leading Researcher, Department for the Study of Cultural Heritage and Expert Activities, Southern Branch, Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage

Anna N.

EREMEEVA

Dr. Sci. (National History), Prof., Chief Researcher, Department for Complex Problems of Cultural Research, Southern Branch, Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage

Natalya A.

KOSTINA

Cand. Sci. (Library Science, Bibliography and Bibliology), Assoc. Prof., Leading Researcher, Department for Complex Problems of Cultural Research, Southern Branch, Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage

Vladimir E.

NAUMENKO

Cand. Sci. (National History), Prof., Leading Researcher, Department for Complex Problems of Cultural Research, Southern Branch, Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage, Honoured Worker of Science of the Republic of Ingushetia

PUBLICATIONS COUNCIL

Rena Habib gizi ABDULLAYEVA	Dr. Sci. (Theory and History of Arts), Prof., Head, Department of Culturology, Institute of Architecture and Art, Azerbaijan National Academy of Sciences, Baku, Republic of Azerbaijan
Vakhit Kh. AKAEV	Dr. Sci. (History of Philosophy), Prof., Chief Researcher, Department of Humanities, Complex Research Institute, Russian Academy of Sciences; Academician, Academy of Sciences of the Chechen Republic, Grozny, Russian Federation
Aleksandra O. ARAKELOVA	Dr. Sci. (Musical Art), Rector, Russian State Academy of Intellectual Property, Honoured Worker of Culture of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation
Maitseo M.M. BOLAANE	PhD in History, Associate Professor in History, Faculty of Humanities, History Department, University of Botswana, Gaborone, Republic of Botswana
Shakhrudin A. GAPUROV	Dr. Sci. (National History), Prof., President, Academy of Sciences of the Chechen Republic; Head, Department of Modern and Contemporary History, Chechen State University, Honoured Worker of Science of the Chechen Republic, Grozny, Russian Federation
Cecylia Malgorzata DZIEWIECKA	PhD in Geography, Assoc. Prof., Lower Silesian Higher School of Public Services 'ASESOR', Wroclaw, Republic of Poland
Vadim P. DEMIN	Academician, Russian Academy of Education; Dr. Sci. (Theatrical Art), Prof.; Academic Secretary, Department of Education and Culture, Russian Academy of Education, Honoured Art Worker of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation
Irina G. KHANGELDIEVA	Dr. Sci. (Aesthetics), Prof., Department of History and Philosophy of Education, Faculty of Educational Studies, Moscow State University, Moscow, Russian Federation
Aleksandr A. KUDRYAVTSEV	Dr. Sci. (National History), Prof., Department of Foreign History, Political Science and International Relations, North Caucasus Federal University, Honoured Worker of Science of the Russian Federation, Stavropol, Russian Federation
Kapil KUMAR	Professor of History, Dean, Faculty of History, School of Social Sciences, Indira Gandhi National Open University (IGNOU); Director, Indira Gandhi Centre for Freedom Struggle Studies; Advisor, Indian Tourism and Hospitality Congress, New Dehli, Republic of India
Irina V. KUPTSOVA	Dr. Sci. (National History), Prof., Department of Regional and Municipal Management, Moscow State University, Moscow, Russian Federation
Christian John MAKGALA	MPhil & PhD in History, Associate Professor in History, Faculty of Humanities, History Department, University of Botswana, Gaborone, Republic of Botswana
Oleg V. MATVEEV	Dr. Sci. (National History), Prof., Department of History of Russia, Kuban State University; Chief Researcher, Research Centre for Traditional Culture, The Kuban Cossack Choir, Krasnodar, Russian Federation
Oleg P. NERETIN	Dr. Sci. (Economics and Economic Management), Director, Federal Institute of Industrial Property, Laureate of the Prize of the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Marina S. NISTOTSKAYA	PhD in Political Science, Senior Lecturer, Department of Political Science; Research Fellow, Quality of Government Institute, University of Gothenburg, Gothenburg, Kingdom of Sweden
Nadezhda Kh. ORLOVA	Dr. Sci. (Religious Studies, Philosophical Anthropology, and Philosophy of Culture), Researcher, Institute of Philosophy, University of Zielona Góra, Zielona Góra, Republic of Poland
Juan Carlos PATIÑO	Dr. of Economics, Prof., Faculty of Political and Social Sciences, Autonomous University of Mexico State, Toluca, United Mexican States
Vladimir M. PETROV	Dr. Sci. (Theory and History of Culture), Prof., Vice-President, International Association of Empirical Aesthetics, Moscow, Russian Federation
Jandhyala PRABHAKARA RAO	Dr., Professor of Linguistics, Coordinator, Centre for Study of Foreign Languages, School of Humanities, University of Hyderabad, Hyderabad, Republic of India
Valeriy N. RATUSHNYAK	Dr. Sci. (National History), Prof., Department of History of Russia, Kuban State University, Honoured Worker of Science of the Russian Federation, Krasnodar, Russian Federation
Anatoliy I. RAKHAEV	Dr. Sci. (Musical Art), Prof., Rector, North Caucasus State Institute of Arts, Honored Worker of Arts of the Russian Federation, Cavalier of the Order of Friendship, Nalchik, Russian Federation
Kirill E. RYBAK	Dr. Sci. (Museology, Conservation and Restoration of Historical and Cultural Objects), Leading Researcher, Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage, Moscow, Russian Federation
Ertegin SALAMZADE	Dr. Sci. (Theory and History of Arts), Prof., Director, Institute of Architecture and Arts, Azerbaijan National Academy of Sciences; Corresponding Member, Azerbaijan National Academy of Sciences, Baku, Republic of Azerbaijan
Anna I. SHCHERBAKOVA	Dr. Sci. (Theory and History of Culture; Theory and Methods of Professional Education), Rector, Moscow State Institute of Music, Moscow, Russian Federation
Irena VLADIMIRSKY	Prof., PhD in History, Head, History Department, Achva Academic College, Achva, State of Israel

СОДЕРЖАНИЕ

СПЕЦИАЛЬНАЯ ТЕМА НОМЕРА:
«НЕМАТЕРИАЛЬНОЕ НАСЛЕДИЕ НАРОДОВ РОССИИ»
(РЕДАКТОР А. В. КРЮКОВ)

ОТ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА	13
НЕМАТЕРИАЛЬНОЕ НАСЛЕДИЕ НАРОДОВ РОССИИ	15
<i>Т. Е. Гревцова</i> Обрядовое деревце в свадебной традиции донских казаков	15
<i>Н. А. Власкина</i> Ильин день в донской традиции: народные представления и паремии	26
<i>О. В. Матвеев</i> «Наш колхозный богатырь...»: Кубанский казачий хор в политике встраивания казачества в советскую систему (вторая половина 1930-х годов)	34
АНТРОПОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ	47
<i>М. В. Логинова</i> Исследовательские практики текста культуры: методологический аспект	47
<i>Л. С. Московчук</i> Культурная апроприация как этическая проблема в контексте сохранения культурного наследия	54

MUSEION: ВЫСТАВКИ, ФОНДЫ, КОЛЛЕКЦИИ	63
<i>И. В. Воронина</i> Формирование фондовых коллекций музея-заповедника «Сталинградская битва»: история, основные направления и перспективы	63
<i>Ю. В. Чувилькина</i> Вклад художественной династии Волковых в развитие культуры Узбекской ССР (1920-е–1990-е годы)	76
КНИЖНОЕ РЕВЮ: РЕЦЕНЗИИ И ОБЗОРЫ	87
<i>А. Ю. Казакова</i> Зеленая история: польский опыт музеефикации памятников садово-паркового искусства	87

CONTENTS

THE THEME OF THE ISSUE:
INTANGIBLE HERITAGE OF THE PEOPLES OF RUSSIA
(EDITED BY ANATOLY V. KRYUKOV)

FROM THE EDITORIAL COUNCIL.....	13
INTANGIBLE HERITAGE OF THE PEOPLES OF RUSSIA	15
<i>Tatyana E. Grevtsova</i> Ritual Tree in the Wedding Tradition of the Don Cossacks	15
<i>Nina A. Vlaskina</i> St. Elijah's Day in the Tradition of the Don Region: Beliefs and Proverbs	26
<i>Oleg V. Matveyev</i> "Our Collective Farm Warrior ...": The Kuban Cossack Choir in the Policy of Integrating Cossacks into the Soviet System (Second Half of the 1930s)	34
ANTHROPOLOGY OF CULTURE	47
<i>Marina V. Loginova</i> Research Practices of the Text of Culture: A Methodological Aspect	47
<i>Lyubov S. Moskovchuk</i> Cultural Appropriation as an Ethical Problem in the Context of Cultural Heritage Preservation	54

MUSEION: EXHIBITIONS, FUNDS, COLLECTIONS	63
<i>Irina V. Voronina</i> The Formation of the Collection of the State Historical and Memorial Preserve The Battle of Stalingrad: History, Main Directions and Prospects	63
<i>Yulia V. Chuvilkina</i> The Contribution of the Volkov Artistic Dynasty to the Development of the Culture of the Uzbek SSR (1920s–1990s)	76
BOOK REVIEWS	87
<i>Anna Yu. Kazakova</i> Green History: Polish Experience of Musealisation of Landscape Art Heritage	87

СПЕЦИАЛЬНАЯ РУБРИКА: НЕМАТЕРИАЛЬНОЕ НАСЛЕДИЕ НАРОДОВ РОССИИ

SPECIAL SECTION:
INTANGIBLE HERITAGE
OF THE PEOPLES OF RUSSIA

ОТ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА
FROM THE EDITORIAL COUNCIL

DOI: 10.36343/SB.2022.29.1.000

МАТВЕЕВ Олег Владимирович
доктор исторических наук, профессор кафедры истории
России Кубанского государственного университета,
Краснодар, Российская Федерация
Oleg V. MATVEEV
Dr. Sci. (National History), Prof., Kuban State University,
Krasnodar, Russian Federation,
vim12@rambler.ru

Приглашая к разговору Inviting to the Talk

2022 год объявлен Годом культурного наследия народов России. Согласно Указу Президента, это делается «в целях популяризации народного искусства, сохранения культурных традиций, памятников истории и культуры, этнокультурного многообразия, культурной самобытности всех народов и этнических общностей Российской Федерации».

Претворять в жизнь эту задачу непросто. Сегодня традиционной культуры как целостной функциональной системы не существует, имеются лишь отдельные элементы, встроенные в современную жизнь и мало влияющие на нее. В эпоху тотальной переоценки и замены ценностей традиционная культура сводится к формальным, зрелищным мероприятиям, и декларации по её сохранению носят скорее косметический, несистемный, разовый характер. Имеющиеся нормативные акты практически не работают. Так, 28 июня 2007 г. был принят закон № 1264 «О государственной политике в сфере сохранения и развития традиционной народной культуры в Краснодарском крае». Но к нему не разработана программа исполнения, вследствие чего данный закон на деле является неработающим. Отвечающие за проведение культурной политики органы, институты, даже казачьи структуры проявили явную незаинтересованность в реализации закона, непонимание того, что, традиционная культура – это не художественная самодеятельность и сценическое искусство, а сложная система, охватывающая территорию,

производство, модель мира и определение своего места в нем, досуговое, экологическое, этнополитическое, соционормативное пространство. Сведение народной культуры к сцене, подмена традиций, души и духовности массовой коммерческой эрзац-составляющей окончательно добывают последние островки доживания фольклора, сохраняющиеся лишь на семейном, а чаще всего уже и на индивидуальном уровне.

Деятельность отдельных подвижников народной духовности, руководителей станичных фольклорных коллективов, краеведов, исследователей, сотрудников Научно-исследовательского Центра традиционной культуры по организации и проведению фольклорно-этнографических экспедиций и выпусков уникальной серии «История, этнография, фольклор Кубани» (вышли мизерными тиражами 5 томов, посвященные Кореновскому, Горячеключевскому, Усть-Лабинскому, Темрюкскому и Отрадненскому районам Краснодарского края) наталкиваются на равнодушие, а порой и раздражение управленцев. Вследствие разрушения естественного механизма преемственности поколений, естественного старения радетелей самобытности народов Кубани, ухода молодежи в более «престижные» формы коммерческой деятельности, резко сократилась когорта защитников традиционной системы ценностей. Только за последние годы мы потеряли В.К. Чумаченко, Ю.Г. Макаренко, Е.М. Сухачёву, А.И. Слуцкого, А.Л. Факторовича, Н.А. Тернавского, В.И. Шкуро, Б.А. Трёхбратова, большого русского писателя В.И. Лихоносова...

Вызовы, перед которыми сегодня оказалась наша страна, требуют мобилизации духовных сил, а, следовательно, восстановления преемственности институтов и традиций, системообразующих связей. Представляя специальный выпуск журнала, посвященный Году культурного наследия народов России, редакция приглашает к разговору о непростых вопросах, связанных с идентификацией этого наследия, исследованием, документированием, защитой, его передачей и популяризацией.

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО РЕДАКТОРА СПЕЦИАЛЬНОЙ РУБРИКИ INTRODUCTORY REMARKS BY THE SPECIAL SECTION EDITOR

В ходе своего исторического развития общественное сознание концентрировало многовековые знания и опыт, завещанные предками обычаи и традиции, жизненно важные технологии, различные формы искусства, фольклорные образы и сюжеты. Все эти и многие подобные им объекты являются составными частями мощнейшего ресурса исторической памяти – нематериального наследия. В силу своих специфических характеристик оно лишено осязаемых форм (в отличие, например, от произведений архитектуры или живописи) и может восприниматься только в процессе практической реализации тех или иных видов традиционной деятельности (музыкального или хореографического исполнительства, проведения религиозных ритуалов, создания различных предметов в соответствии с традиционными технологиями и т.д.).

Передаваемое из поколения в поколение, нематериальное культурное наследие постоянно воссоздается разнообразными сообществами, гармонизируя практику их сосуществования с окружающей средой, формируя преемственный характер исторического и культурного самосознания, обеспечивая тем самым развитие чувства идентичности, а также уважение к культурному разнообразию и многочисленным формам созидательной творческой деятельности человека.

Усиление глобализационных тенденций в современном мире явилось вызовом, обусловившим необходимость срочных и комплексных мер по сохранению нематериального наследия, в связи с чем была принята Конвенция ЮНЕСКО «Об охране нематериального культурного наследия» (2003), которая не была ратифицирована Российской Федерацией, поскольку подобный шаг создал бы определенные риски как во внешней, так и во внутренней политике. Наша страна пошла по пути совершенствования национального законодательства, в частности, была принята «Концепция сохранения и развития нематериального культурного наследия народов Российской Федерации», в которой были интегрированы идеи, касающиеся защиты нематериальных форм культурного самовыражения, подчеркивалась важность последних как важнейшей составляющей национальной культуры и провозглашалась главная цель деятельности государства – сохранение глубинных, базовых основ многонациональной культуры России, национальных языков и литературы, значимых традиций, памятников фольклора, защита культурной самобытности каждого народа России, создание условий для популяризации нематериального культурного наследия народов Российской Федерации с целью сохранения единого культурного пространства России.

2022 год объявлен Годом культурного наследия народов России, что безусловно будет способствовать популяризации культурных традиций, сохранению исторической памяти, этнокультурного многообразия, самобытности всех народов и этнических общностей нашей многонациональной страны.

Актуализируя тему вышедшего номера, редакция журнала вносит свой посильный вклад в развитие научных исследований, связанных с традиционной культурой. Тематический вектор статей, публикуемых в заглавной рубрике, тесно связан с южнороссийской этнографической и историко-культурологической проблематикой. В частности, работа Т. Е. Гревцовой (Ростов-на-Дону) посвящена элементам свадебной обрядности донских казаков; Н. А. Власкина (Ростов-на-Дону) пишет о конструктах народного сознания жителей Области Войска Донского, связанных с Ильиним днем. В исследовании О. В. Матвеева (Краснодар) отражены малоизвестные моменты, связанные с творческой деятельностью Кубанского казачьего хора во второй половине 1930-х гг. Весьма ценным, является то, что все три опубликованные работы основаны на материале источников (этнографических или исторических), впервые вводимых в научный оборот – это свидетельствует о том, что подлинно научное освоение богатейшего историко-культурного опыта народов нашей страны успешно продолжается, и наша редакция со своей стороны приложит все усилия, чтобы и дальше содействовать этому процессу.

Редактор специальной рубрики А. В. Крюков

ГРЕВЦОВА Татьяна Евгеньевна

кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник лаборатории филологии
Южного научного центра Российской академии наук
Ростов-на-Дону, Российская Федерация

Tatyana E. GREVTSOVA

Cand. Sci. (Russian Language),
Federal Research Centre, Southern Scientific Centre,
Russian Academy of Sciences,
Rostov-on-Don, Russian Federation,

tanyar_2@mail.ru

ORCID: 0000-0001-7512-9528

УДК: 392.51:[323.3:355.09](470.61+470.45)
ГРНТИ: 03.61.91
ВАК: 07.00.07

DOI: 10.36343/SB.2022.29.1.001

Обрядовое деревце в свадебной традиции донских казаков¹

Ritual Tree in the Wedding Tradition of the Don Cossacks²

В статье исследуются виды обрядового деревца как элемента свадебного комплекса донских казаков и производится сопоставление соответствующих символов с традициями русских и украинских областей. Работа осуществлялась на основе материалов диалектологических и этнолингвистических экспедиций Южного федерального университета (беседы с информантами), проводившихся в 1974–2014 гг. Отмечается, что на Дону свадебное деревце могло выступать самостоятельным атрибутом обряда или соединяться с хлебом. Установлено, что виды свадебного деревца «сосна», «ёлка», «сад», «курник», представляющие собой украшенные ветки ели, сосны или вишни, встречаются в районах Волгоградской области по Хопру. Определено, что деревце было связано с основными моментами обрядового «перехода» молодых людей в другой семейный статус, а его разновидности являются этнокультурным маркером региональных вариантов донской свадебной традиции.

Ключевые слова: донские казаки, Область войска Донского, свадебный обряд, свадебное деревце, растительный код, каравай, калина, сад, невеста.

¹ Статья подготовлена в рамках реализации государственного задания ЮНЦ РАН (проект № 122020100347-2 «Политические и социокультурные процессы на Юге России в условиях модернизации (XVII–XXI вв.)»).

² The article was prepared as part of the implementation of the state assignment of the Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences (Project No. 122020100347-2: Political and Socio-Cultural Processes in the South of Russia in the Context of Modernization (17th–21st centuries)).

Актуальность исследования региональных вариантов традиционной культуры русских обусловлена интересом ученых разных направлений к народной картине мира, пониманием фольклора в самом широком смысле как всей совокупности народной духовности, обрядов и сопровождающих их текстов, развитием этнолингвистического направления, а также недостаточной изученностью ряда областных традиций, в том числе территорий позднего заселения. Свадебный цикл как наиболее длительный, наполненный символическими действиями и фольклорными произведениями обрядовый комплекс является перспективным объектом исследований, несмотря на обширную историографию по этой теме. Анализ отдельных элементов свадьбы (предметов, ритуальных действий, участников) способствует реконструкции их культурной семантики, выявлению внутриобрядовых связей между разными кодами ритуала и описанию фрагментов народной картины мира, связанных с семьей и заключением брака.

В данной статье рассматриваются виды деревца в свадебном обряде донских казаков, распространение этой традиции на территории бывшей Области войска Донского, а также проводится сопоставление с русскими и украинскими традициями. Несмотря на давний интерес исследователей к свадебному обряду донских казаков, анализ его предметных символов был предпринят лишь в нескольких работах последнего времени [12] [17].

Основным источником исследования стали материалы диалектологических и этнолингвистических экспедиций Южного федерального университета (до 2006 г. — Ростовского государственного университета, с 2008 г. полевые исследования проводились совместно с Южным научным центром РАН) 1974–2014 гг. (далее — ПМДЭЭ ЮФУ (РГУ)). Кроме того, использовались диалектные словари донской лексики и опубликованные работы по казачьей свадьбе. Анализ осуществлялся в русле исследований московской этнолингвистической школы с применением методов структурной семиотики, этнолингвистики, этнографии, лингвогеографии.

Под свадебным деревцем в восточнославянской традиции понимаются различные

символы, так или иначе связанные с растениями, прежде всего с частями деревьев, с которыми совершаются определенные ритуальные действия на разных этапах обряда [7, с. 254] [15, с. 135–136]. Символика и ритуальные функции деревца изменяются в ходе свадьбы: от его изготовления перед обрядом до уничтожения этого атрибута до конца гуляний [7, с. 265]. С другой стороны, свадебное деревце стоит в одном ряду с другими обрядовыми атрибутами, символизирующими прощание невесты с девичеством, — косой и головным убором невесты [13]. Однако в отличие от них, сменяемых атрибутами замужней женщины в ходе свадьбы, деревце проходит «путь» до конца ритуала, изменяя свою символику с развитием обрядовой ситуации.

В свадьбе донских казаков, представляющей региональный вариант южнорусской свадьбы, деревце также является значимым атрибутом обряда. Как и в свадебной традиции других восточных славян, на Дону деревце связано с основными моментами обрядового «перехода» молодых людей в новый семейный статус. Однако его изготовление, ритуальное использование и название в донской свадьбе имеют региональные отличия, которые позволяют говорить о неоднородности донского культурного ландшафта и выделять локальные типы проведения обряда. При этом обрядовое деревце на свадьбе имеет особенности, обусловленные не только характером заселения территории и этническими контактами казаков с соседями, но и природно-климатическими условиями, которые определили наличие или отсутствие на Дону тех или иных видов растительности. Также влияют на материал, из которого изготавливали обрядовое деревце, сезон проведения свадеб и другие факторы [15, с. 136].

Как и в других восточнославянских регионах, на Дону свадебное деревце может быть самостоятельным атрибутом обряда или соединяться со свадебным хлебом [7, с. 262]. Как самостоятельный атрибут свадьбы деревце встречается у донских казаков в двух ареалах: в районах Волгоградской области по р. Хопёр (Алексеевский, Нехаевский, Новоаннинский, Урюпинский), к ним примыкают некоторые районы Среднего Дона (Котель-

никовский, Клетский), и в нижнедонских районах Ростовской области [4, с. 320] [8, с. 112] [9, с. 51–52, 122–124, 126–128, 137, 144, 148] [18, с. 287, 302, 525]. При этом вид, названия и ритуальные функции свадебного деревца у казаков на Хопре и Нижнем Дону имеют существенные различия.

В районах Волгоградской области по р. Хопёр обрядовое деревце называлось *сад*, *сосна*, *ёлка*, *курник*. Оно представляло собой ветку сосны, ели или вишни, украшенную лентами, конфетами, бумажными цветами. Деревце изготавливали на девичнике или утром в день свадьбы участники обряда со стороны невесты (родственники, подруги). Обрядовые действия с деревцем-«садом», его терминология и приуроченность к определенным моментам ритуала могут различаться в воспоминаниях старожилов даже одного населенного пункта. Деревце приносили в день венчания или, чаще, утром на следующий день родители невесты в дом жениха, родственники жениха в дом родителей невесты или подруги девушки в дом, где будут жить молодые [9, с. 51–52, 122–124, 126–128, 137, 144, 148]. Украшенную ветку нужно было пронести нетронутой по улице, чтобы в новой семье был достаток. Гости старались сорвать украшения с ветки или требовали выкуп за вход в дом. Несение *сада* сопровождалось песней «Уж ты, сад, ты мой сад, сад зелёный», *курника* — «Ой, уж вы, куры мои да кочеточки» [9, с. 51–52, 144]. В доме молодые снимали украшения с ветки: «...ну у неё там как раз сосны за Хопром, они сосну сломали, эта сад называлось. Там, может, вишнёвое или какое, ну это любое дерево сад называется. Вот с этим садом нужно пройти, хто ворвётся туда первый, то не пускают, тоже выкуп, плати, а с садом прорвался, всё, выкуп не даёшь, ворота открываются» (полевые материалы (далее — ПМ) Н. А. Власкиной, записано (далее — зап.) от Бирюкова А. Д., 1929 года рождения (далее — г.р.) в х. Меловский Нехаевского района (далее — р-на) Волгоградской области (далее — ВО) в 2008 г.)¹.

Мотивировка свадебных терминов *сосна*, *ёлка* обусловлена материалом, из которого

изготавливали обрядовое деревце, названий *сад* и *курник* — исполняемыми фольклорными текстами. *Курником* это деревце называли также потому, что после его принесения в дом жениха устраивалось застолье, на котором подавали курицу: «Ну а курятина — это уж обязательно, там и курятину вот, называлось вот ещё ж *курник*. Ветку какую-нибудь, ну обычно вишнёвая, её наряжали, конфеты привязывали, бумажки, фантики какие, ну конфеты привязывали. Вот с этой веткой идут, иде-нить её оставляют, а потом курятина это йисть. И курятина обязательно варили. Идут и поют “Куры, петушочки” там. И приносят и начинают разламывать по столам, поломают, ну не одну, конечно, курицу, а что парочку или больше» (ПМДЭЭ ЮФУ (РГУ), зап. от Леонтьевой А. Л., 1933 г.р., в х. Захопёрский Нехаевского р-на ВО в 2008 г., собиратели (далее — соб.): Дементьева Ю. Р., Успенская Л. Н.).

Отметим в материале для свадебного деревца взаимозаменяемость веток плодовых (в данном случае вишни) и хвойных (сосны, реже ели) деревьев, характерную для восточнославянской свадебной традиции в целом [1, с. 90] [7, с. 259]. Как и на других территориях, символика этого атрибута обряда на Хопре меняется от манифестации девичьего состояния невесты накануне свадьбы через борьбу за деревце-невесту до воплощения совершенного бракосочетания и состоявшегося обрядового перехода. М. А. Рыблова отмечает, что в отличие от русской свадьбы, в традиции хоперских казаков свадебное деревце не связывалось с «красотой» невесты: его не ломали во время собрания ее подруг накануне свадьбы, а разбирали в день венчания или на следующее утро [17, с. 122].

Другой разновидностью свадебного деревца является украшенная ветка калины, которую носили по улице на второй день свадьбы в знак сохранения молодой целомудрия до брака практически повсеместно на Нижнем Дону и примыкающих районах Среднего Дона. Выражение *носить калину* относится как к действиям с настоящими ветками и ягодами одноименного кустарника, так и с ветвями других деревьев, заменяющих его. Их обвязывали красными лентами или кусками ткани, вешали искусственные цветы, конфеты, иг-

¹ Тексты, записанные в диалектологических и этнолингвистических экспедициях, приводятся в орфографии с сохранением отличительных черт донских говоров.

рушки и т.п.: «Носили калину, ветку ломают и должны обойти весь хутор. Приходят в один двор, в другой, их там угощают. Всех гостей нужно обойти с веткой» (ПМДЭЭ ЮФУ (РГУ), зап. от Авраменко Н. В., 1929 г.р., в х. Арпачин Багаевского р-на Ростовской области (далее — РО) в 2002 г., соб.: Казаченко А., Струцкая Е.); «Лохматая вот такая вот ветка и красные ленты попривязаны, вся-вся в красных, это честная [невеста]» (ПМ Т. Е. Гревцовой, зап. от Савкиной Н. Е., 1929 г.р., в х. Мостовой Усть-Донецкого р-на РО в 2007 г., соб.: Гревцова Т. Е.; Терскова Н. В.). Во время ношения калины исполняли специальные песни о «честности» новобрачной (играли калину) [14, с. 282] [18, с. 217], появившиеся вследствие контактов с малороссийскими крестьянами: «А у нас то нонеча новина, новина, / Зародилась красная калина, калина. / Заехали купчики с горою, с горою, / Пригласили Манечку с собою, с собою» (ПМДЭЭ ЮФУ (РГУ), зап. от Пилкиной М. Л., 1914 г.р., в п. Нижний Чир Суrowsикинского р-на ВО в 1993 г., соб.: Ганиева Л., Алексеева С.). Калину после несения по улице вставляли в забор или печную трубу, закидывали на крышу дома: «...вот крайний дом, так на дом улázила, и в трубу заткнула эту ветку... Носили же по улице и везде, пели же песни, а потом улезла, чтобы все видали на хате-то» (ПМ Т. Е. Гревцовой, зап. от Савкиной Н. Е., 1929 г.р., в х. Мостовой Усть-Донецкого р-на РО в 2007 г., соб.: Гревцова Т. Е.; Терскова Н. В.). У малороссов дельты Дона (Азовский р-н РО) вместо калины носили ветку вишни, к ней привязывали живую курицу, из которой варили лапшу на следующий день после венчания. Интересно, что в данной локальной традиции замена калины вишней получила отражение в обрядовой терминологии в отличие от других нижнедонских районов: «Вишню носят на второй день, вырубывают маленькую, вот такую вот примерно. Вишенку убирают, там конфеты, орехи, там мандарины, у кого что придумают, то и вешают. И сажают курицу у дерево, там привязывают, и она сидит» (ПМДЭЭ ЮФУ (РГУ), зап. от Филипенко А. А., 1929 г.р., в с. Кагальник Азовского р-на РО в 2013 г., соб.: Логунова Е. О., Порешная Е. Ю.).

Нередко символика действий с веткой-«калиной» дублировалась манипуляциями

с ягодами, гроздьями или соком калины: гостям на одежду прикалывали пучки калины [4, с. 73] [14, с. 282] [19, с. 84]. Ягоды калины подносили родителям невесты или клали на стол на следующее после брачной ночи утро [4, с. 73] [18 с. 217]: «А это свашка, а если девушкой она выходила, то вот калина красная, грозди на стол калину ложили, значит, она вышла девушкой» (ПМДЭЭ ЮФУ (РГУ), зап. от Золотовой М. А., 1938 г.р., в ст. Мариинская Константиновского р-на РО в 2008 г., соб.: Патенян К., Ярцев С.). В Серафимовичском и Суrowsикинском районах Волгоградской области родственников невесты мазали соком калины [8, с. 112]. Часто настоящую калину и ее ягоды заменяли в обряде ленты и цветы красного цвета: их привязывали к ветке-«калине», украшали ими одежду гостей, обвязывали рюмки и штофы [14, с. 282] [19, с. 84].

Иногда этот вид свадебного деревца на Дону, как и в других славянских традициях [7, с. 263–264], сближается со свадебным знаменем — красным флагом (палкой с привязанной тканью красного цвета), который также носили по улице на второй день свадьбы в случае сохранения молодой целомудрия до брака во многих районах Ростовской области: «Да и ветку и с ягодой же, с калиной [носили]. <...> Ну она повесила, тридцатые годы же были, бедность была, нáволоки красные, а мы ж идём с флагом» (ПМ Н. А. Власкиной, зап. от Голотовой Л. А., 1927 г.р., в х. Чебачий Семикаракорского р-на РО в 2008 г.); «Пришлось мне, этого я не знала, подходим мы ко двору, а золóуки где-то нашли красную тряпочку и повесили, на палочку наматили и встрикнули в забор. Ну, я это не знала, к чему это. А потом мне объяснили, значит, девка честная» (ПМДЭЭ ЮФУ (РГУ), зап. от Цапковой А. З., 1927 г.р., в ст. Кочетовская Семикаракорского р-на РО в 2008 г., соб.: Яценко Ю. А., Скиба Е. А.).

В славянской традиционной культуре калина — символ девственности и поэтому играет большую роль в свадебном обряде. При этом и калина, и красный флаг являются вторичными символами по отношению к сорочке или простыне с пятнами крови — следами дефлорации. Мотивирующим признаком в этих атрибутах свадьбы является красный цвет [20, с. 194], что способствует их сближению

в обряде, а также замене их на другие предметы красного цвета.

Обрядовые действия с калиной, называние *калиной* наряженной ветки, которую носили по улице в знак сохранения невестой целомудрия до брака, и отражение символики калины в фольклорных текстах на Нижнем и Среднем Дону является украинским следом, поскольку именно в украинском ритуале выражение в калине семантики девственности невесты получает повсеместное и разнообразное воплощение [11, с. 179] [20, с. 196] [21, с. 446–447]. Это подтверждается как локализацией этого обрядового символа на Дону, так и свадебными традициями южнорусских областей, испытавших малороссийское влияние. На Кубани в знак «честности» молодой *ходили с калиной* — наряженной лентами, куклами, монетами веткой [21, с. 446]. В воронежских говорах *калинкой* называли невесту, сохранившую целомудрие до свадьбы [21, с. 446], или свадебное деревце, символизировавшее чистоту невесты, которое украшали красными лентами и ягодами [3, с. 144]. Свадебное деревце могли изготавливать из калины в южнорусских и украинских областях [1, с. 341] [21, с. 446].

В большинстве районов Дона свадебное деревце выступает как единое целое с обрядовой выпечкой. На территории русско-украинского пограничья во время девичника происходило украшение калача невесты палочками с запеченным тестом, калиной, цветами. Данное ритуальное действие обозначалось словосочетаниями *цветковать, цветковывать, убирать, украшать калач*, а веточки сосны или палочки, обмотанные тестом и запеченные в печи, называли *сосенки, семейка*: «Назначает там время цветковать этот калач. Лепятся утакое вот веточки, сосенки называют, эта к калачу. Веточки ломаются, и обволакиваются они тестом, и вставляют в этот калач. Начинают цветковать. Рубину туда вешают. У нас калину вешают» (ПМДЭЭ ЮФУ (РГУ), зап. от Антифеевой М. Н., 1922 г.р., в ст. Митякинская Тарасовского р-на РО в 2003 г., соб.: Лизогуб А.). Их могли делать и из лопуха, что представляется не случайным при сравнении с обрядами других территорий. Например, в ряде русских областей в роли

свадебного деревца выступал *репей*, иногда называемый «девичьей красой» [7, с. 285–286] [10, с. 118]. В Ульяновской области свадебное деревце, изготовленное из репейника, также могли называть *сосёнкой* [15, с. 136].

Сам калач как предмет с отверстием и ветка, украшавшая его, являются обрядовыми заместителями невесты и ее девичества [6, с. 44–45]. Повсеместно в славянской традиции цветение — символ молодости, который присутствует и в эпизодах донской свадьбы, связанных с прощанием с незамужней жизнью, обрядовым «переходом» невесты, сменой ее биологического и социального статуса. В обрядовой терминологии свадеб станицы Митякинской и близлежащих хуторов семантика цветения, выраженная в предметных символах (цветах и их изображениях), действиях с ними (втыкание в хлеб) и фольклорных текстах, поддерживается глаголом *цветковать, цветковывать*, употребляемым для обозначения украшения калача невесты. Глагол отмечен как бытующий в говоре населения юрта станицы Митякинской еще А. В. Миртовым [16, стб. 337] и, очевидно, является украинским заимствованием, приобретшим русский фонетический «облик» (в украинском языке *цвіткувати* — «украшать, расписывать цветами» [22, с. 1579]). Кроме того, в свадебной традиции русско-украинского пограничья Ростовской области повсеместно перед свадьбой изготавливали свадебную выпечку, которую украшали палочками с птичками, калиной, красными нитками или лентами. Поэтому можно говорить о влиянии восточнорусского обряда на казачьи свадьбы Митякинской и прилегающих хуторов.

В донской свадьбе (как у казаков, так и у малороссов) каравай также чаще всего представлял собой хлеб, соединенный с «садом». В разных районах Дона этот «сад» воплощается в различных, хоть и сходных по семантике растительных символах. Свадебный хлеб украшали ветками деревьев (сосны, ели, вишни), палочками, обмотанными запеченным или жареным в масле (по типу хвороста) тестом, бумажными цветами.

В Верхнедонском районе Ростовской области в каравай втыкали ветку дерева (сосны, ели, вишни), на которую вешали бумажные

цветы (их называли букеты, каравай, сыр-каравай). Во время одаривания молодых цветы раздавали гостям, которые прикрепляли их себе на грудь (пришивали, цепляли букет), а ветку оставляли молодым. Затем половинки каравай делили между семьями новобрачных: «Вот когда дарёж начинается, каравай вынесут. И вот кто подарил, выпил, закусил, на него букет цепляют с каравай срезают букетики и тама. Цветочек, кто сами делали, кто покупали, больше сами... Хлеб испякут и в этот хлеб сажают каравай. Толька цветки. Каравай — круглый хлеб, а сам каравай — это ж сосну, голову, ну сосну небольшую срезают, чтоб она была на ветвях, и на эти ветви цепляют цветы. А хлеб, он держится в хлебе, и на сосне, на веточке цепляют букетики, цветочки, навесют ленточки» (ПМДЭЭ ЮФУ (РГУ), зап. от Журавлевой Р. В., 1930 г.р., в х. Рубеженский Верхнедонского р-на РО в 2004 г., соб.: Безденежных Н. В.). В Шолоховском и Боковском районах Ростовской области каравай украшали двумя ветками сосны, ели или вишни, разламывали на второй день свадьбы и давали по половинке каравай с веткой матерям новобрачных. Матери невесты подавали половинку каравай с приговором о том, что ей дают веточку, но «забирают деточку», т.е. дочь, остающуюся жить в доме мужа: «Вот это чтоб были по высоте и так, и чтоб одинаковые веточки были, в общем, как ёлочку, нарижают эти две, а потом, когда, значить, вы вот овён залили, а у кого будут жить молодые. <...> Она берёт эти две половиночки к себе, и подзывает ту, сваху, и говорит: “На, тебе, свашенька, веточки, а мне остаются деточки”» (ПМ Т. Е. Гревцовой, зап. от Великановой З. В., 1939 г.р., в х. Кружилинский Шолоховского р-на РО в 2005 г., соб.: Власкина Н. А., Гревцова Т. Е., Терскова Н. В.).

На значительной части Донского края каравай украшали веточками или палочками с запеченным или жаренным в масле (по типу хвороста) тестом, которые также являются разновидностью свадебного деревца. На палочки с тестом прикрепляли конфеты, ленты, бумажные цветы, калину: «От пышку раскатали и нащищаем резать. А тогда такой бошбк и палки, и на палку накручиваем, зубчиками понакрутили, накрутим много его там с щемнибудь, ну бóльша с зярном... А потом нащи-

наем варить... А патом наливаешь маслом, туда-суда, суда возмёшь сюда и она растопбрится здесь. <...> Обматывают его лентой, чтоб он не развалился... а потом конфет туда, калину понавешают, а когда щас стали святки [цветки] вешать» (ПМДЭЭ ЮФУ (РГУ), зап. от Пилкиной М. Л., 1914 г.р., в п. Нижний Чир Суровикинского р-на ВО в 1993 г., соб.: Ганиева Л., Алексеева С.). Эти палочки раздавали гостям во время одаривания молодых в день свадьбы, поэтому их количество соответствовало числу приглашенных, что позволяет видеть в каравайном «саде» воплощение общей доли состоящих в браке людей, которую необходимо перераспределить в связи с вступлением в эту социовозрастную группу новых членов [2, с. 78–82].

В районах Среднего Дона Ростовской области (Семикаракорский, Константиновский, Тацинский, Цимлянский) в каравай вставляли бумажные цветы, которые, как и палочки с тестом, раздавались гостям и воплощали общую долю семьи: «А мы с отцом держим каравай с цветами. Они под этот каравай и идут. Цветы такие, бамажные. Когда каравай подносят, обязательно цветочек тебе, с каравай. На другой день, если у тебе нету цветочка каравайного, дак на тебе кататься будут. Надо хранить этот цветочек» (ПМДЭЭ ЮФУ (РГУ), зап. от Ахтиманкиной Г. Ф., 1932 г.р., в ст. Мариинская Константиновского р-на РО в 2005 г., соб.: Патенян К.).

Интересно, что в районах Волгоградской области по Хопру, где носили свадебное деревце сосну, ёлку, сад, курник, уже в советское время каравай не пекли совсем (при сохранении названий даров, производных от слова каравай — каравай, класть на каравай, носить каравай и т.д.) либо изготавливали его без украшений или очень скромно украшенным по сравнению с другими районами Дона: «Ну каравай так и называли, подносить на каравай, что кладут на каравай, каравай подносить, а на каравай кладут, кто дарить. (Соб.: Потом его съедали?) Да ничё это не съедали, каравай — это кладут, а это берёшь стакан водки и закусочка там чего, пока поднесут, ничё там на нём не остаётся. (Соб.: Он украшен?) Ничё, не, не, это просто каравай подносить — это дарить жениху. (Соб.: Самого ка-

рава не было?) Не, не, просто это называли “каравай подносить”. Эт на каравай, чё наклали, этим много наклали на каравай» (ПМДЭЭ ЮФУ (РГУ), зап. от Поляковой Е. Г., 1918 г.р., в х. Стёженский Алексеевского р-на ВО в 2006 г., соб.: Архипенко Н. А., Бутко В. Г., Саенко М. Н.). Думается, такая закономерность не случайна, поскольку на подавляющей территории Донского края свадебное деревце является частью каравая.

Виды украшений свадебного каравая на Дону в целом коррелируют с восточнославянскими традициями. Каравай с палочками или веточками, облепленными тестом, изготавливали у белорусов, украинцев, а также в русских областях, испытавших влияние украинской традиции (Воронежской области, Ставропольском, Краснодарском краях). Веткой с цветами и конфетами каравай украшали в Орловской и Белгородской областях. Ветки сосны в каравай втыкали в Белгородской, Воронежской областях. Кроме того, сосна использовалась в функции обрядового деревца во многих восточнославянских регионах [5, с. 433] [7, с. 244–247].

Таким образом, виды свадебного деревца являются одним из маркеров, выделяющих региональные варианты донской свадебной традиции и позволяющих судить об истории их формирования. Свадебное деревце *сосна, ёлка, сад, курник*, представляющее собой украшенную ветку ели, сосны или вишни, имеет ограниченный ареал распространения, встречается главным образом в районах Волгоградской области по Хопру и сближает хоперскую свадьбу с южнорусской. Основные действия с этим видом обрядового деревца заключаются в принесении его из дома невесты к жениху

и разборе украшений с него новобрачными. Сад — символ невесты и ее девичества в восточнославянской традиции [1, с. 341], а его пространственное перемещение коррелирует с реальным переездом девушки в дом мужа, а также ее социальным и биологическим «переходом», который происходит в обряде. Окончательную смену статуса новобрачной манифестирует снятие украшений с ветки, которое могло сопровождаться разделением курицы, также являющей двойником невесты в свадебном обряде.

Символически связана с невестой, прежде всего ее девичеством и дефлорацией в первую брачную ночь, и *калина*, которую несли по улице на второй день свадьбы на Нижнем Дону в знак сохранения целомудрия молодой до брака. При этом использование в ритуалах второго дня свадьбы веток и ягод калины, название *калиной* украшенной ветки других деревьев, исполнение песен про калину являются украинским следом в казачьей свадьбе, распространенным в районах Нижнего и Среднего Дона до устья р. Чир.

Свадебное деревце в донской традиции часто соединяется с караваем, который, несмотря на разнообразие внешнего вида в отдельных районах, тесно связан с растительными символами. При этом последние получают культурную семантику, присущую хлебу в свадебном обряде (плодородия, брачного соединения, общей доли). Взаимное влияние проявляется также в обрядовой терминологии, когда названия выпечки переносятся на свадебное деревце (*каравай, сыр-каравай* — ветка на хлебе), и наоборот, в «растительной» номинации свадебного печенья (*шишка* — свадебная булочка).

Tatyana E. GREVTSOVA

Cand. Sci. (Russian Language), Federal Research Centre,
Southern Scientific Centre, Russian Academy of Sciences,
Rostov-on-Don, Russian Federation,
tanyar_2@mail.ru
ORCID: 0000-0001-7512-9528

Ritual Tree in the Wedding Tradition of the Don Cossacks

Abstract. The article discusses the types of the ritual tree in the wedding tradition of the Don Cossacks, their areal distribution on the territory of the former Don Host Region, and also compares them

with East Slavic traditions. The main sources are the materials of the dialectological and ethnolinguistic expeditions of 1974–2014. The analysis is carried out in line with the research of the Moscow ethnolinguistic school, using the methods of structural semiotics, ethnolinguistics, ethnography, linguogeography. The factual material reflects the specifics of the existence of a tree as an independent attribute of a wedding in several areas (in Volgograd Oblast along the Khoher River, in the regions of the Middle Don and in the Lower Don regions of Rostov Oblast). The names of the ritual tree are listed; the ritual actions associated with it are characterized; the motivation for the names that this object had in the space of the wedding complex is explained. The symbolism of the studied element among the Khoher Cossacks is revealed. The significance of the decorated branch of the viburnum as a ritual tree is studied. On the basis of the analogies made, a rapprochement with similar rites common in other areas of Rostov Oblast is traced, and the Ukrainian origin of the ritual actions associated with the viburnum is revealed. The inextricable connection of the wedding tree with ritual baking, which appeared in the form of decorating the traditional kalach (white bread in the form of a ring) of the bride with twigs and flowers, is traced, the corresponding symbols and rituals that existed in various settlements of the Don are characterized, and the meaning of the corresponding symbols and rituals is established. It is indicated that, in the areas where the wedding tree was carried, already in the Soviet period they did not bake a wedding karavay (large round bread) at all, or they made it almost without decorations. Testimonies of informants are given as proof of the author's observations. It has been determined that the typology of wedding loaf decorations on the Don generally correlates with East Slavic traditions. Types of the wedding tree were established: (1) *pine, fir tree, garden, kurnik* – decorated tree branches, (2) *viburnum* – branches and berries of viburnum and (3) *karavay* – combination of a wedding tree with ritual bread. The author concludes that the types of the wedding tree are one of the markers that highlight the regional variants of the Don wedding tradition and make it possible to judge about the history of their formation.

Keywords: Don Cossacks, Don Host Region, wedding ritual, wedding tree, plant code, loaf of bread, viburnum, garden, bride.

Использованная литература:

1. Агапкина Т. А. Деревья в славянской народной традиции: Очерки. М.: Индрик, 2019.
2. Байбурин А. К. Обрядовое перераспределение доли у русских // Судьбы традиционной культуры: сборник статей и материалов памяти Ларисы Ивлевой. СПб.: Дмитрий Буланин, 1998. С. 78–82.
3. Богданова Е. А. Лексика свадебного обряда в воронежских говорах: монография. Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2019.
4. Большой толковый словарь донского казачества / Ростов. гос. ун-т; факультет филологии и журналистики; кафедра общего и сравнительного языкознания. М.: ООО «Русские словари», ООО «Изд-во Астрель», ООО «Изд-во АСТ», 2003.
5. Бузин В. С. Рождение, вступление в брак и смерть в традиционной южнорусской обрядности (Липецкая, Тамбовская, Пензенская области). СПб.: Нестор-История, 2015.
6. Гревцова Т. Е. Культурный термин «калач» в восточнославянском свадебном обряде // Сибирский филологический журнал. 2019. № 1. С. 40–53.
7. Гура А. В. Брак и свадьба в славянской народной культуре: Семантика и символика. М.: Индрик, 2012.
8. Дианова Т. Б. Традиционное свадебное засто-

References:

1. Agapkina, T.A. (2019) *Derev'ya v slavyanskoy narodnoy traditsii: Ocherki* [Trees in the Slavic Folk Tradition: Essays]. Moscow: Indrik.
2. Bayburin, A.K. (1998) *Obryadovoe pereraspredelenie doli u russkikh* [Ritual Redistribution of a Share Among Russians]. In: *Sud'by traditsionnoy kul'tury. Sbornik statey i materialov pamyati Larisy Ivlevoy* [The Fate of Traditional Culture. Collection of Articles and Materials in Memory of Larisa Ivleva]. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin. pp. 78–82.
3. Bogdanova, E.A. (2019) *Leksika svadebnogo obryada v voronezhskikh govorakh* [Vocabulary of the Wedding Ceremony in Voronezh Dialects]. Voronezh: NAUKA-YuNIPRESS.
4. Grishina, E.A. (ed.) (2003) *Bol'shoy tolkovyy slovar' donsogo kazachestva* [Large Explanatory Dictionary of the Don Cossacks]. Moscow: ООО «Русские словари»: ООО «Izd-vo Astrel»: ООО «Izd-vo AST».
5. Buzin, V.S. (2015) *Rozhdenie, vstuplenie v brak i smert' v traditsionnoy yuzhnorusskoy obryadnosti (Lipetskaya, Tambovskaya, Penzenskaya oblasti)* [Birth, Marriage and Death in Traditional South Russian Rituals (Lipetsk, Tambov, Penza Oblasts)]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya.

лье на Дону // Традиционное русское застолье / отв. ред. А. С. Каргин. М.: Государственный республиканский центр русского фольклора, 2008. С. 96–117.

9. Донская свадьба. Выпуск II. Материалы этнографических и фольклорных экспедиций 1983–2017 гг. / сост. М. А. Рыблова, В. С. Кубракова, В. А. Шилкин; под ред. М. А. Рыбловой. Ростов н/Д.: Изд-во ЮНЦ РАН, 2020.

10. Зорин Н. В. Русский свадебный ритуал. М.: Наука, 2004.

11. Кабакова Г. И. Антропология женского тела в славянской традиции. М.: Ладомир, 2001.

12. Карпун М. А. Растения в праздниках и ритуалах станицы Раздорской // Историко-культурные и природные исследования на территории Раздорского этнографического музея-заповедника. Вып. 2. Новочеркасск: УПЦ «Набла» ЮРГТУ (НПИ), 2004. С. 131–134.

13. Колесницкая И. М., Телегина Л. М. Коса и красота в свадебном обряде восточных славян // Фольклор и этнография. Связи фольклора с древними представлениями и обрядами. Л.: Наука, 1977. С. 112–122.

14. Листопадов А. М. Песни донских казаков: в 5 т. / под общ. ред. Г. Сердюченко. Т. 5. М.: Музгиз, 1954.

15. Матлин М. Г. Свадебное деревце (репей) в культурном ландшафте Ульяновской области // Традиционная культура. 2018. Т. 19. № 5. С. 134–144.

16. Миртов А. В. Донской словарь. Материалы к изучению лексики донских казаков. Ростов н/Д.: [Б. и.], 1929.

17. Рыблова М. А. Предметные символы девушки-невесты в донской казачьей свадьбе // Археология, этнография и антропология Евразии. 2020. Т. 48. № 2. С. 121–128.

18. Словарь донских говоров Волгоградской области / авт.-сост. Р. И. Кудряшова, Е. В. Брысина, В. И. Супрун; под ред. Р. И. Кудряшовой. 2-е изд., перераб. и доп. Волгоград: Издатель, 2011.

19. Сухоруков В. Д. Общежитие донских казаков в XVII и XVIII столетиях: исторический очерк / изд. газеты «Донская Речь». Новочеркасск: Областная войска Донского типография, 1892.

20. Толстая С. М. Символика девственности в полевом свадебном обряде // Секс и эротика в русской традиционной культуре. М.: Ладомир, 1996. С. 192–206.

21. Усачева В. В. Калина // Славянские древности. Этнолингвистический словарь: в 5 т. / под общ. ред. Н. И. Толстого. Т. 2. М.: Международные отношения, 1999. С. 446–448.

22. Великий тлумачный словник сучасної української мови / уклад і голов. ред. В. Т. Бусел. Київ: Ірпінь, ВТФ «Перун», 2005.

6. Grevtsova, T.E. (2019) Cultural Term “Kalach” in the East Slavic Wedding Ritual. *Sibirskiy filologicheskiy zhurnal – Siberian Journal of Philology*. 1. pp. 40–53. (In Russian).

7. Gura, A.V. (2012) *Brak i svad’ba v slavyanskoy narodnoy kul’ture: Semantika i simbolika* [Marriage and Wedding in Slavic Folk Culture: Semantics and Symbolism]. M*: Indrik.

8. Dianova, T.B. (2008) Traditsionnoe svadebnoe zastol’e na Donu [Traditional Wedding Feast on the Don]. In: Kargin, A.S. (ed.) *Traditsionnoe russkoe zastol’e* [Traditional Russian Feast]. Moscow: Gosudarstvennyy respublikanskiy tsentr russkogo fol’klora. pp. 96–117.

9. Ryblova, M.A. (ed.) (2020) *Donskaya svad’ba* [The Don Wedding]. Vol. II. Rostov-on-Don: South Scientific Center of the Russian Academy of Sciences.

10. Zorin, N.V. (2004) *Russkiy svadebnyy ritual* [The Russian Wedding Ritual]. Moscow: Nauka.

11. Kabakova, G.I. (2001) *Antropologiya zhenskogo tela v slavyanskoy traditsii* [Anthropology of the Female Body in the Slavic Tradition]. Moscow: Ladomir.

12. Karpun, M.A. (2004) Rasteniya v prazdnikakh i ritualakh stanitsy Razdorskoy [Plants in Holidays and Rituals of the Razdorskaya Village]. In: *Istoriko-kul’turnye i prirodnye issledovaniya na territorii Razdorskogo etnograficheskogo muzeya-zapovednika* [Historical, Cultural and Natural Research on the Territory of the Razdorskaya Ethnographic Museum-Reserve]. Vol. 2. Novocherkassk: UPTs “Nabla” YuRGTU (NPI). pp. 131–134.

13. Kolesnitskaya, I.M. & Telegina, L.M. (1977) Kosa i krásota v svadebnom obryade vostochnykh slavyan [Braid and Beauty in the Wedding Ceremony of the Eastern Slavs]. In: *Fol’klor i etnografiya. Svyazi fol’klora s drevnimi predstavleniyami i obryadami* [Folklore and Ethnography. Connections of Folklore With Ancient Ideas and Rituals]. Leningrad: Nauka. pp. 112–122.

14. Listopadov, A.M. (1954) *Pesni donskikh kazakov: v 5 t.* [Songs of the Don Cossacks: In 5 Volumes]. Vol. 5. Moscow: Muzgiz.

15. Matlin, M.G. (2018) Wedding Tree (Arctium) In the Cultural Landscape of the Ulyanovsk Region. *Traditsionnaya kul’tura – Traditional Culture*. 19 (5). pp. 134–144. (In Russian).

16. Mirtov, A.V. (1929) *Donskoy slovar’. Materialy k izucheniyu leksiki donskikh kazakov* [The Don Dictionary. Materials for the Study of the Vocabulary of the Don Cossacks]. Rostov-on-Don: [s.n.].

17. Ryblova, M.A. (2020) Bridal Symbols in the Don Cossack Wedding. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii – Archeology, Ethnography, & Anthropology of Eurasia*. 48 (2). pp. 121–128.

18. Kudryashova, R.I. (ed.) (2011) *Slovar’ donskikh govorov Volgogradskoy oblasti* [The Dictionary of the Don Dialects of Volgograd Oblast]. 2nd ed. Volgograd: Izdatel’.

19. Sukhorukov, V.D. (1892) *Obshchezhitie donskikh kazakov v XVII i XVIII stoletiyakh. Istoricheskiy ocherk. Izdanie gazety “Donskaya Rech”* [Community of the Don Cossacks in the 17th and 18th Centuries. Historical Essay. Publication of the Newspaper “Donskaya Rech”]. Novocherkassk: Oblastnaya v. D. tipografiya.

20. Tolstaya, S.M. (1996) Simvolika devstvennosti v polesskom svadebnom obryade [The Symbolism of Virginity in the Polissya Wedding Ceremony]. In: Toporkov, A.L. (ed.)

Seks i erotika v russkoy traditsionnoy kul'ture [Sex and Erotica in Russian Traditional Culture]. Moscow: Ladomir. pp. 192–206.

21. Usacheva, V.V. (1999) Kalina [Viburnum]. In: Tolstoy, N.I. (ed.). *Slavyanskije drevnosti: etnolingvističeskij slovar'*: v. 5 t. [Slavic Antiquities: An Ethnolinguistic Dictionary: in 5 Vols]. Vol. 2. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya. pp. 446–448.

22. Busel, V.T. (ed.) (2005) *Velikij tлумачnyj slovník suchasnoy ukraїns'koi movi* [A Large Explanatory Dictionary of the Modern Ukrainian Language]. Kyiv: Irpin': VTF "Perun".

Полная библиографическая ссылка на статью:

Гревцова Т. Е. Обрядовое деревце в свадебной традиции донских казаков / Т. Е. Гревцова // Наследие веков. – 2022. – № 1. – С. 15–25. DOI: 10.36343/SB.2022.29.1.001

Full bibliographic reference to the article:

Grevtsova, T. E. (2022) Ritual Tree in the Wedding Tradition of the Don Cossacks. *Nasledie vekov – Heritage of Centuries*. 1. pp. 15–25. (In Russian). DOI: 10.36343/SB.2022.29.1.001

ВЛАСКИНА Нина Алексеевна
кандидат филологических наук, старший научный сотрудник
лаборатории филологии Южного научного центра
Российской академии наук,
Ростов-на-Дону, Российская Федерация
Nina A. VLASKINA
Cand. Sci. (Russian Language),
Southern Scientific Centre, Russian Academy of Sciences,
Rostov-on-Don, Russian Federation,
nvlaskina@gmail.com
ORCID: 0000-0003-3246-6270

УДК: [27-565.79:398.33]:[323.3:355.09](470.61+470.45)
ГРНТИ: 03.61.91
ВАК: 07.00.07

DOI: 10.36343/SB.2022.29.1.002

Ильин день в донской традиции: народные представления и паремии¹

St. Elijah's Day in the Tradition of the Don Region: Beliefs and Proverbs²

В статье на основе комплекса этнографических и этнолингвистических источников обобщаются устойчивые выражения и народные представления донских казаков о дне Ильи-пророка. Последовательно характеризуются лексическое оформление календарной даты, представление о святом как подателе дождя, запреты на работу и купание в этот день, сельскохозяйственные приметы и предписания, символические ряды, в которые включается Ильин день. Установлено, что приуроченные ко дню Ильи-пророка приметы о выращивании огородных и бахчевых культур сближают верования донских казаков и жителей юга и юго-запада Восточной Славии. В двух районах зафиксировано оригинальное поверье о высиживании волшебного цветка капусты в канун Ильина дня. Отмечается отсутствие в исследуемом регионе развернутых обрядов, приуроченных к дню Ильи-пророка, выявлен рубежно-календарный характер праздника в ритуальном годе донских казаков (сезонная граница лета и осени, прекращение купального сезона, уборка овощей).

Ключевые слова: донские казаки, запрет, Ильин день, народный календарь, Область войска Донского, паремия, поверье.

¹ Статья подготовлена в рамках реализации государственного задания ЮНЦ РАН (проект № 122020100347-2 «Политические и социокультурные процессы на Юге России в условиях модернизации (XVII–XXI вв.)»).

² The article was prepared as part of the implementation of the state task of the Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences, (Project No. 122020100347-2: Political and Socio-Cultural Processes in the South of Russia in the Context of Modernization (17th–21st centuries)).

Ильин день (день памяти пророка Илии, 20.07/02.08) – одна из календарных дат, которые сохраняются в памяти носителей традиции до настоящего времени. На славянском материале представления о дне Ильи-пророка описаны достаточно подробно как на уровне обобщений [1] [9] [11, с. 184–188], так и на уровне региональных традиций – в словарях традиционной культуры и монографиях [10, с. 100–106] [12] [18, с. 114–115] [21, с. 99–101], специальных статьях (см., напр.: [6] [7] [13] [15]).

Отдельные сведения о дне Ильи-пророка присутствуют и в публикациях, характеризующих донскую традицию: С. А. Шестак [22] приводит записанные в Ростовской области тексты о регламентации поведения в этот и другие дни календарного года. М. А. Рыблова [16, с. 126–127], С. Ю. Пальгов и В. А. Шилкин [14, с. 86–87] анализируют материал, собранный в Волгоградской области. Упоминания об этом дне встречены в работах Т. Б. Диановой и коллег [5, с. 12] и Д. И. Лалаевой [8, с. 14]. Однако пока не предпринималось попытки целостного анализа данных, представляющих образ этой календарной даты на всей территории проживания донских казаков – в пределах как Ростовской, так и Волгоградской областей.

Целями настоящей статьи являются обобщение сведений, записанных на территории бывшей Области войска Донского (современные Ростовская и часть Волгоградской области), которые характеризуют традицию донских казаков, а также введение в научный оборот новых этнографических и этнолингвистических материалов о дне Ильи-пророка. Основной корпус текстов представляет собой выборку из собрания полевых материалов диалектологических и этнолингвистических экспедиций Южного федерального университета и Южного научного центра РАН 1981–2014 гг. Материал дополнен сведениями из опубликованных исследований, упомянутых выше. Работа над текстами народной культуры осуществлялась с использованием описательного и типологического методов, а также комплексной этнолингвистической методики, предполагающей изучение языка «через призму человеческого сознания, менталитета, бытового и обрядового поведения, мифоло-

гических представлений и мифопоэтического творчества» [20, с. 83].

Представляется, что введение в научный оборот новых данных будет способствовать достойному представлению региона на этнолингвистических картах, посвященных календарной обрядности и соответствующим группам культурной терминологии и верований восточных славян. Развернутые сведения о названной календарной дате и проведенный анализ могут быть востребованы в преподавании тем, посвященных духовной культуре донских казаков, в разработке перечня объектов нематериального наследия региона, а также в различных видах деятельности в рамках возрождения народных традиций.

На Дону были зафиксированы основные группы мифологических представлений об этом дне и о святом, характерные для восточных славян, но при этом хозяйственный контекст и обоснования в ряде случаев оказались регионально специфичными.

Сам день называется *Илья-пророк*, *Ильин* / *Ильин* / *Ильев день*, *Святой Илья*, *Илья* / *Илля*, единожды зафиксирован диминутив *Илюша* (х. Нижнегнутов Черн.¹).

В текстах встречаются следующие эпитеты праздника: *большой* (пос. Зимовники *Зим.*), *грозный* ([16, с. 126], пос. Нижний Чир *Сур.*), *заслуженный* (х. Крюков *Конст.*), *наказушный* (ст. Нижнекундрюченская *У.-Дон.*), *строгий* (ст. Букановская *Кум.* [14, с. 86], ст. Нижнекундрюченская *У.-Дон.*). Их появление связано, во-пер-

¹ Здесь и далее, если не указано иное, цитируются материалы полевых экспедиций Южного федерального (Ростовского государственного) университета (1981–2014 гг.), в том числе совместных с Южным научным центром Российской академии наук (2008–2014 гг.). Используются следующие сокращения для районов записи: Ростовская область: Азовский – Азов., Аксайский – Акс., Багаевский – Баг., Боковский – Бок., Верхнедонской – В.-Дон., Волгодонской – Волгод., Дубовский – Дуб., Зимовниковский – Зим., Кагальницкий – Каг., Константиновский – Конст., Красносулинский – Крас., Милютинский – Милют., Морозовский – Мор., Орловский – Орл., Семикаракорский – Сем., Советский – Сов., Тарасовский – Тар., Тащинский – Тац., Усть-Донецкий – У.-Дон., Цимлянский – Цимл., Шолоховский – Шол.; Волгоградская область: Даниловский – Дан., Иловлинский – Илов., Клетский – Клет, Котельниковский – Кот., Кумылженский – Кум., Михайловский – Мих., Нехаевский – Нех., Новоаннинский – Н.-Анн., Серафимовичский – Сер., Суворовинский – Сур., Урюпинский – Урюп., Фроловский – Фрол., Чернышковский – Черн.

вых, с природой любого праздника как времени «пустого, свободного от труда» [19, с. 237] и, соответственно, наказанием тем, кто не почитает праздник, и, во-вторых, с ключевыми элементами народного образа Ильи-пророка как покровителя грома и дождя [3, с. 405]. В донской традиции реализуются оба этих значения.

В ряде текстов Илья-пророк представляется **подателем, «хозяином»** [9, с. 86] **дождя**. С одной стороны, есть прямые высказывания, соотносящие появление дождя с действиями Ильи-пророка: «Гром – это Илья-пророк гремит» (г. Цимлянск *Цимл.*); «Он жил мальчиком, и Господь его взял живым на небеса, чтобы он руководил дождём, шо он даёт людям дожичка, урожаю даёт» (ст. Верхнекундрюченская *У-Дон.*); «И дед-от нам говорил, и наши дяды – рúdoваеть громом и молоньёй Ильи-пророк, он рудоваеть до Ильина дня, а вот с Ильина дня, говорили, какой ещё святой» (ст. Малодельская *Фрол.*). С другой стороны, во многих хуторах и станицах существует поверье о том, что в Ильин день обязательно пройдет дождь или гроза: «Илья-пророк тоже грозный праздник, гроза сильная бывает» (пос. Нижний Чир *Сур.*); «Раньше было: на Илью хоть маленький, но дождик идёт. Говорили: Илья наделал гнилья» (х. Донской *Азов.*); «Илья-пророк на печи примок» (х. Островянский *Орл.*); «На Иллю, говорят, обязательно дождичек» (х. Осинковский *Сов.*); «Бабки говорили: “Пронес Илья,” – на Илью обязательно должен дождик пройтить. Сам он на огненной колеснице» (ст. Митякинская *Тар.*).

В других случаях дождь в этот день не является императивом, но наличие осадков несет символическое значение для прогноза благополучия станичников и хуторян и может трактоваться амбивалентно: дождь или гроза в этот день предвещают хороший год (х. Козлиновский *Н.-Анн.*), теплую осень (Волгоградская область [16, с. 126]); «Илье-пророку молились о том, чтобы послал дождь» (ст. Вёшенская *Шол.*); «На Илин день и ходили тогда, и просили, шобы дождь был, идёт батюшка у поле с иконами, там читають молебен, водой свячёной окропляют, и просят дождя там, и в церкви молебен служат» (ст. Нижнекундрюченская *У-Дон.*); дождь предвещает хороший урожай арбузов (х. Морской *Черн.* [14, с.

86]) и наоборот: «Старые люди скажут: “Хоть ба дождя не было на Ильин день, а то гарбузы будут гнилые”» (х. Потапов *Волгод.*).

Регламентация поведения в этот день реализуется в форме поверий и запретов. Д. И. Лалаева приводит записанное в Волгоградской области поверье о том, что «в Ильин день не рекомендуется работать в поле, иначе Илья-пророк молнией спалит посевы» [8, с. 14]. В Ростовской области встречались как краткие упоминания запрета на любую работу (х. Казачий Ерик, ст. Елизаветинская *Азов.*, пос. Зимовники *Зим.*, ст. Нижнекундрюченская, ст. Раздорская *У-Дон.*), на стирку (ст. Елизаветинская *Азов.*, ст. Кутейниковская *Зим.*), так и развернутые мемораты: «На Иллю-пророка я сама с папой сено косила косилкою, у нас и косилка была своя, и это. Вот на Иллю-пророка как-то не положено. И мы чё: косили-косили, папа пройдёт круг, ну ты знаешь как, сажуся я на косилку. И косили-косили, гоп – косогон лопнул. Папа тогда сидить: “Ну подожди, дочка”. – “Чё ж такое?” – “Нонче Илья-пророк”» (х. Донской *Азов.*).

Ожидание грозы и грома обуславливало не только соблюдение запретов, но и определенные действия по защите скота и сена: «На Ильин день старались сено убрать, птицу ближе принести – боялись дождь и грозу. И тогда как по заказу гром! Старались сено убрать и прикрыть бурьяном, чтобы не прело, чтоб если дождь, не промочил его... Молодняк, чтоб дождь его не забил, и сами старались меньше выезжать, старались меньше работы делать, грех считалось» (ст. Краснаярская *Цимл.*).

Наиболее широко известен **запрет на купание** в этот день, в целом мотивированный представлением о смене сезонов и символической связью Ильи-пророка с водой [9, с. 86]. Популярность запрета обуславливает вариативность объяснений. Во многих из них сам Илья-пророк меняет погоду, делает воду холодной, грязной, не подходящей для купания и наказывает тех, кто нарушает запрет. Говорят, что «Илья в воду / в реку написал / написал» (ст. Пугачёвская *Кот.* [14, с. 86], х. Донской, х. Дугино, х. Коса *Азов.*, ст. Малая Лучка *Дуб.*, ст. Кагальницкая *Каг.*, х. Юдин *Милют.*, х. Донской *Мор.*, ст. Кочетовская *Сем.*, ст. Трёхостровская *Илов.*, х. Ближнемельничный *Сур.*, х. Морской *Черн.*), *надул* (пос. Зимовники *Зим.*, х.

Заполянский *Дан.*), *нассал / насыть* (х. Зотовский *Клет.* [14, с. 86], х. Донской *Азов.*, ст. Шумилинская *В.-Дон.*, х. Савоськин *Зим.*, х. Николаев *Мор.*, х. Островянский *Орл.*, х. Зазерский *Тац.*, ст. Березовская, х. Горин *Дан.*, х. Нижнедолговский *Нех.*, ст. Староаннинская *Н.-Анн.*, х. Березовка-2 *Н.-Анн.*), *наси́кал* (х. Чекалов *Мор.* [22, с. 154], х. Заполянский *Дан.*), *нащи́кал* (х. Потапов *Волгод.*, х. Донской *Мор.*, х. Нижнегнутов, Тормосин *Черн.*), *помочится* (х. Осинковский *Сов.*), *посикал* (х. Жирновский *Клет.* [14, с. 86]), *воду намочит* (пос. Зимовники *Зим.*); «прошел Илья-пророк, нассал в ярок» (ст. Каргинская *Бок.*); «Илья-пророк у штанах намок» (х. Чернецов *Крас.*).

Нарушивший запрет на купание мог утонуть (ст. Кутейниковская, х. Савоськин *Зим.*, ст. Нижнекундрюченская *У.-Дон.*), заболеть: «Купаться нельзя будет, уже какие-то идут по телу прищипки после этого купания» (ст. Малая *Лучка Дуб.*, х. Донской *Мор.*, х. Нижнедолговский *Нех.*), остаться калекой (х. Николаев *Мор.* [22, с. 155]). В ряде текстов актором наказания выступает сам Илья-пророк или мифологические персонажи – русалки: «Илья-пророк заберёт» (х. Арпачин *Баг.* [22, с. 154]), «Илья утащит тебя в речку» (х. Бубновский *Урюп.*), «Илья-пророк жаждет утопленника» (х. Затонский *Сер.* [14, с. 86]); «Русалки бегают по воде и хватают людей» (ст. Верхнекундрюченская *У.-Дон.*).

В текстах о купании на Ильин день актуализируется также известное украинской традиции представление о символической связи вербы и воды [2, с. 296]: детей пугали тем, что «в заднице верба вырастет» (х. Донской *Азов.*; х. Чекалов *Мор.*), «верба в попе вырастет» (*У.-Дон.* [5, с. 12]).

Считали, что с этого времени вода в реках, прудах становится холодной (х. Большой *Мих.*, х. Жирновский *Клет.* [14, с. 86], х. Ближнемельничный, х. Бурацкий *Сур.* [17, с. 137], х. Арпачин *Баг.*, х. Кукуевский, ст. Шумилинская *В.-Дон.*, х. Юдин *Милют.*, х. Донской, х. Чекалов *Мор.*, х. Островянский *Орл.*, ст. Кочетовская *Сем.*, х. Чалбин *Цимл.*, ст. Вёшенская *Шол.*, х. Зимовейский, ст. Трёхостровская *Илов.*, х. Нижнедолговский *Нех.*), «возрождаются» все родники (х. Бубновский *Урюп.*, пос. Зимовники *Зим.*), «росы начинают холодеть» (х. Кукуевский *В.-Дон.*), ночи делаются прохлад-

ными (х. Морской *Черн.*), могут начаться заморозки (х. Нижнедолговский *Нех.*). Говорили, что вода становится плохая (ст. Пугачёвская *Кот.* [14, с. 86]), зеленая, начинает цвести (г. Ростов-на-Дону, ст. Кочетовская *Сем.*, пос. Чернышковский *Черн.*).

Но в то же время реалии южного региона накладывали свой отпечаток на традиционные представления о смене сезонов, которые, возможно, были сформированы на более северных метрополных территориях. Наши собеседники периодически озвучивают запрет на купание и сразу же говорят о том, что его соблюдали непоследовательно, потому что вода оставалась теплой весь август: «А вот Илья-пророк наступает, а после Илья-пророка тоже ж бывают жаркие дни, ну Илья-пророк второго августа, а весь август же бывает такой жаркий и сентябрь» (х. Казачий Ерик *Азов.*), «После Ильи же не купаются, а купаются до самой зимы» (х. Островянский *Орл.*), «Завтри Илья-пророк в воду напился, ну чё, купаться нельзя. Купаться нельзя, если сорок градусов? Всё равно купались» (х. Заполянский *Дан.*). Соблюдение запрета на купание респонденты старшего возраста относят ко времени своего детства, сетуя на то, что сейчас погода переменялась и «мнемонические метки» [5, с. 12] прошлого уже не актуальны: «Илья – это, говорить, в воду какой нассал. Бывало, скажут: “Ой, всё, Ильин день, вода будет холодной, нельзя”. А щас хоть пять Ильиных дней, а она вон сорок с лишним [градусов] стоить температура» (х. Берёзовка-2 *Н.-Анн.*).

Рубежный характер этой календарной даты определяется суждениями о том, что день Ильи-пророка – это конец лета: «Именно что пророк Илья, что конец всего, считайте, лета конец» (ст. Кочетовская *Сем.*). С Ильи световой день становится заметно короче, что находит отражение в поговорках: «Пётр и Павел час убавил, а Илья-пророк два уволок – уже ж день насколько стал меньше, уже заметно» (х. Донской *Азов.*), «Сегодня ж Илья-пророк день уволок – меньше станет намного день с этого дня» (ст. Елизаветинская *Азов.*).

В хозяйственном отношении на территории бывшей Области войска Донского день Ильи-пророка предстает рубежной датой прежде всего в выращивании **огородных и бахчевых культур**, часто возделывавшихся

в подсобных хозяйствах. Возможно, это сыграло свою роль в сохранении данной группы календарно приуроченных предписаний до сегодняшнего дня и актуальности их для наших собеседников. Эта группа примет, поверий и ритуальных действий продуцирующего характера обнаруживает параллели прежде всего с традициями юга и юго-запада Восточной Славии: Полесья [18, с. 115], Тамбовщины [10, с. 105].

Во многих станицах и хуторах к этому дню приурочена уборка лука, что объясняется началом сезона дождей. Наши собеседники в данном контексте часто озвучивают паремию «Илья наделал гнилья»: «А Илля ж наделал гнилья, оно ж дожди пойдуть, особенно чеснок, лук убирають до этого. Чтоб до Ильи всё поубирали» (х. Донской Азов.), «Ну Илья делать гнилья – пойдуть дожди и может, лук не убрать хто, он будет преть» (х. Табунный Мор.) (также ст. Пугачевская *Кот.*, х. Захаров Черн. [14, с. 87], ст. Краснокутская *Бок.*, х. Грузинов, х. Донской Мор., х. Зазерский Тац., ст. Раздорская У-Дон., ст. Трёхостровская Илов., пос. Нижний Чир Сур., х. Нижнегнутов Черн.). Говорят, что, если не убрать лук, он начнет вновь расти (пос. Чернышковский Черн.).

Преимущественно в населенных пунктах Волгоградской области зафиксированы различные поверья и предписания, связанные с выращиванием капусты, нашедшие отражение в паремиях: «Илья пророк, завей вилок» [14, с. 86] (х. Майоровский *Кот.* [8, с. 14], ст. Малая Лучка Дуб., х. Тормосин Черн.), «Илья-пророк, дари вилок» [14, с. 86]. В ст. Трёхостровской Илов. Ильин день называли «капустинным праздником». Считали, что с этого дня капуста начинает расти, начинают завиваться вилки. Чтобы кочан капусты хорошо формировался, предписывалось поливать ее особым образом: «Всегда мать: идите, полейте нонче капусту по вядру, чтоб вилки были по вядру» (х. Заполянский Дан.; х. Ближнемельничный Сур. [17, с. 137]); поливать «косым дождем», брызгать (х. Нижнедолговский Нех.); поливать до восхода солнца (ст. Луковская Нех.); обламывать в этот день ее нижние листы (ст. Трёхостровская Илов.); после Ильина дня обрызгивать от вредителей (х. Нижнегнутов Черн.).

В Иловлинском районе Волгоградской области [16, с. 126–127] и Боковском районе

Ростовской области бытуют тексты о волшебном цветке капусты, который распускается под Ильин день, по форме и содержанию близкие поверьям и быличкам о поиске папоротника в канун Иванова дня: «Это же на Илью-пророка, когда цветёт капуста, мы когда-то садились в детстве под эту капусту. Вот как зацветёт капуста... которую сажают на рассаду, эта – она не цветёт, вот вы головочку посадили на семена. Она расцветает под Ильёв день, эта капуста. А потом с неё собирають стрючки и делают семена, и сеють же капусту на рассаду. Вот под этот Ильин день надо было садиться под неё, и, говорить, когда двенадцать ночи, должен, там будут и греметь, и кидать камни – ничё не бояться, нужно всё это пережить и сорвать этот цветок. Понимаешь? И тогда, значить, делать талисман или что суда, чтобы его носить. И всё будешь знать. Ну мы и посадились в детстве. И смех, и грех. А эти же, мальчишки, знали, что мы там сидим, а мы тут сидим, под капустой собрались, пять нас, по-моему, человек, девчат, ну тоже были: или двенадцать, или тринадцать лет, от такие. Хотели всё знать. Будешь знать, где ключ лежит, будешь знать то, другое, мысли чьи-то. Прозорливым быть. А они как начали кидать: и камни, и свистеть, и всё. Ну мы подхватили подолы, да скорей в хату с рёвом, и всё. Вот тебе и цветы нарвали. Это под Ильин день, когда цветёт капуста на рассаду. И тут же от она начинает расти» (ст. Каргинская *Бок.*).

Из других бахчевых и огородных культур в связи с Ильиным днем упоминаются огурцы (в этот день в Волгоградской области «разговлялись огурцами» [16, с. 126]), арбузы (ими разговляются (х. Волоцкий Черн.); в случае дождя или будет хороший урожай, или будут гнить; вырастают за неделю (х. Тормосин Черн.)), картофель: «А ещё в Ильин день на молодой месяц картошку не садють, не убирають, а то у доме пауки появляются» (х. Крюков *Конст.*). Единожды был записан запрет на заготовку овощей: «Если припадёт в среду, нельзя солить, крутить, делать закрутки в среду весь год – всё будет непригодное к пище, Илья наделал гнилья» (х. Волоцкий Черн.). В станицах Грушевской и Старочеркасской Акс., Раздорской У-Дон. известен сорт груш и яблок *ильинка*, созревающих в июле [4, с. 199].

Отметим единичные фиксации широко распространенных в других восточнославянских регионах [9, с. 88] практик: краткое упоминание о коллективном обеде на реке в этот день (ст. Митякинская *Тар.*), о последнем снопе: «Косилкой косюте эту зерно, хлеб. Едешь-едешь, быков гонишь и щё-нибудь, и свярнули в сторону, а ето осталси клощёк там ну вот. И вот это называется “оставили Илье на бороду”» (пос. Нижний Чир *Сур.*).

В гипертекстах о праздниках и регламентации поведения Ильин день может включаться в разные **символические ряды**: это летние праздники, предписывающие строгое соблюдение запрета на работу: «Это будет Илюша, а десятого будет, знаешь, Смоленская – большой праздник, гляди, наказный тоже, нищё не делай» (х. Нижнегнутов *Черн.*); праздники, являющиеся границами купального сезона: «Препловение – это свячение воды.

От этого дня можно купаться. А Илья-пророк второго был, запрет уже купаться» (х. Казачий Ерик *Азов.*); дни, к которым приурочена уборка овощей: «Щеснок обычно до Петрова дня, щеснок выкопать, а лук повалять. Вот повалешь перья, а выкапывать – чтоб до Ильи выкопать его» (пос. Чернышковский *Черн.*; ст. Краснокутская *Бок.*, х. Донской *Мор.*, пос. Нижний Чир *Сур.*); дни, символически маркирующие сокращение светового дня: «Пётр и Павел часубавил, а Илья-пророк два уволок» (х. Донской *Азов.*).

В заключение отметим, что, несмотря на отсутствие развернутых обрядов в день Ильи-пророка, он до настоящего времени существует в ритуальном годе донских казаков как одна из рубежных дат лета и осени, прекращения купального сезона, уборки овощей. Последнее выделяет образ праздника на фоне более северных локальных традиций, где ярче выражена функция святого как подателя урожая.

Nina A. VLASKINA

Cand. Sci. (Russian Language),
Southern Scientific Centre, Russian Academy of Sciences,
Rostov-on-Don, Russian Federation,
nvlaskina@gmail.com
ORCID: 0000-0003-3246-6270

St. Elijah's Day in the Tradition of the Don Region: Beliefs and Proverbs

Abstract. The article analyzes folk ideas and set expressions associated with the day of the Holy Prophet Elijah. The study was conducted on the material obtained in the course of a field ethnographic study of the territory of the former Don Host Region (modern Rostov and part of Volgograd Oblasts), carried out in the period from 1981 to 2014. The work was carried out using descriptive and typological methods, as well as a complex ethnolinguistic methodology, which involves the study of the language through the prism of human consciousness, mentality, everyday and ritual behavior, mythological representations and mythopoetic creativity. The lexical design of the calendar date and the idea of a saint as a rainmaker are consistently characterized. Various forms of regulation of behavior associated with chores are described. The existing ban on swimming in the period after the day of Elijah the Prophet is emphasized; explanations of this ban that existed in traditional notions are given, the lack of need to observe this ban at later times is revealed. The significance of the day of Elijah the Prophet as a landmark date in the cycles of growing garden and melon crops, in particular, onions, cabbage, etc., is described. Proverbs, signs and beliefs associated with the cultivation of these crops in the corresponding period are given. Analyzing the texts of sources about holidays and behavior regulation, the author notes the presence of symbolic rows, which include St. Elijah's Day. A significant part of the considered motives is known to all Eastern Slavs. The absence of detailed rites on St. Elijah's Day was established in the region under study. The boundary-calendar nature of the holiday in the ritual year of the Don Cossacks was revealed (seasonal border of summer and autumn, cessation of the swimming season, harvesting vegetables). The author determines that the signs dated to the day of Elijah the Prophet regarding the cultivation of garden and melon crops bring together the beliefs of the Don Cossacks and

the inhabitants of the south and south-west of Eastern Slavia. In two regions, an original belief was recorded about the hatching of a magical cabbage flower on the eve of St. Elijah's Day. In the former Don Host Region, the image of this day is highlighted against the background of more northern local traditions, where the function of the saint as the bearer of the harvest is more clearly expressed.

Keywords: ban, belief, Don Cossacks, Don Host Region, folk calendar, proverb, St. Elijah's Day.

Использованная литература:

1. Агапкина Т. А. Ильин день // Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. / под общ. ред. Н. И. Толстого. Т. 2. М.: Международные отношения, 1999. С. 402–405.
2. Агапкина Т. А. Символика деревьев в традиционной культуре славян: ива, верба, ракита (род *Salix*) // Славянский альманах. 2014. Вып. 1–2. С. 283–302.
3. Белова О. В. Илья Св. // Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. / под общ. ред. Н. И. Толстого. Т. 2. М.: Международные отношения, 1999. С. 405–407.
4. Большой толковый словарь донского казачества / ред.: В. И. Дегтярев, Р. И. Кудряшова, Б. Н. Проценко, О. К. Сердюкова. М.: Русские словари: Астрель: АСТ, 2003.
5. Дианова Т. Б., Мухачева И. А., Соколова О. В. Рукописные календари из Усть-Донецкого района // Живая старина. 2012. № 4. С. 11–15.
6. Добровольская В. Е. «Грозные» праздники в системе календарных дат Муромского района // Живая старина. 2005. № 2. С. 18–21.
7. Дубровина С. Ю. Представления об Илье-пророке в традиционной культуре Тамбовщины // Живая старина. 2002. № 1. С. 29–33.
8. Лалаева Д. И. Лексико-семантическое поле «время» в донском казачьем диалекте: этнолингвокультурологический аспект исследования: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2007.
9. Макашина Т. С. Ильин день и Илья-пророк в народных представлениях и фольклоре восточных славян // Обряды и обрядовый фольклор / отв. ред. В. К. Соколова. М.: Наука, 1982. С. 83–101.
10. Махрачѳва Т. В. Народный календарь Тамбовской области (этнолингвистический аспект): монография. Тамбов: Изд-во Першина Р. В., 2008.
11. Моргунова О. В., Кривошапова Ю. А., Осипова К. В. Русский народный календарь: этнолингвистический словарь / науч. ред. Е. Л. Березович. М.: АСТ-Пресс книга, 2015.
12. Морозов И. А. Ильин день // Рязанская традиционная культура первой половины XX века: шацкий этнодиалектный словарь / Авт.-сост. И. А. Морозов, И. С. Слепцова, Н. Н. Гилярова, Л. Н. Чижикова. Рязань: [Б. и.], 2001. С. 182–184.
13. Никифорова О. В. Структурно-семантическое оформление календарного праздника в честь дня пророка Илии в нижегородских говорах // Карповские чтения: сб. ст. всерос. науч.-практ. конф. / отв. ред. Ю. А. Курдин. Вып. 7. Арзамас: Национальный исследовательский Нижегородский гос. ун-т им. Н. И. Лобачевского, Арзамасский филиал, 2017. С. 243–249.

References:

1. Agapkina, T.A. (1999) Il'in den' [Elijah's Day]. In: Tolstoy, N.I. (ed.). *Slavyanskije drevnosti: etnolingvističeskij slovar'*: v. 5 t. [Slavic Antiquities: An Ethnolinguistic Dictionary: in 5 Vols]. Vol. 2. Moscow: Mezhdunarodnye Otnosheniya. pp. 402–405.
2. Agapkina, T.A. (2014) Simvolika derevyev v traditsionnoj kul'ture slavyan: iva, verba, rakita (rod *Salix*) [Symbolism of Trees in the Traditional Culture of Slavs: Willow, Pussy-Willow, and Brittle-Willow (the *Salix* Genus)]. *Slavyanskiy Almanakh*. 1–2. pp. 283–302.
3. Belova, O.V. (1999) Ilya Sv. [St. Elijah]. In: Tolstoy, N.I. (ed.). *Slavyanskije drevnosti: etnolingvističeskij slovar'*: v. 5 t. [Slavic Antiquities: An Ethnolinguistic Dictionary: in 5 Vols]. Vol. 2. Moscow: Mezhdunarodnye Otnosheniya. pp. 405–407.
4. Degtyarev, V.I. et al. (eds) (2003) *Bol'shoy tolkovyy slovar' donskogo kazachestva* [Large Dictionary of the Don Cossacks]. Moscow: Russkie slovari; AST; Astrel.
5. Dianova, T.B., Mukhachyova, I.A. & Sokolova, O.V. (2012) *Rukopisnye kalendar' iz Ust'-Donetskogo rayona* [Handwritten Calendars from the Ust-Donetsk District]. *Zhivaya Starina*. 2. pp. 11–15.
6. Dobrovol'skaya, V.E. (2005) "Groznye" prazdniki v sisteme kalendar'nykh dat Muromskogo rayona ["Terrible" Holidays in the System of Calendar Dates of the Murom District]. *Zhivaya Starina*. 2. pp. 18–21.
7. Dubrovina, S.Yu. (2002) *Predstavleniya ob Ilye-proroke v traditsionnoj kul'ture Tambovshchiny* [Ideas about Elijah the Prophet in the Traditional Culture of the Tambov Region]. *Zhivaya Starina*. 1. pp. 29–33.
8. Lalaeva, D.I. (2007) *Leksiko-semanticheskoe pole "vremya" v donskom kazachyem dialekte: etnolingvokul'turologicheskij aspekt issledovaniya* [Lexico-Semantic Field "Time" in the Don Cossack Dialect: Ethnolinguoculturological Aspect of the Study]. Abstract of Philology Cand. Diss. Volgograd.
9. Makashina, T.S. (1982) Il'in den' i Ilya-prorok v narodnykh predstavleniyakh i fol'klоре vostochnykh slavyan [Elijah's Day and Elijah the Prophet in Beliefs and Folklore of the Eastern Slavs]. In: Sokolova, V.K. (ed.) *Obryady i obryadovyy fol'klor* [Rites and Ritual Folklore]. Moscow: Nauka. pp. 83–101.
10. Makhraçhyova, T.V. (2008) *Narodnyy kalendar' Tambovskoy oblasti (etnolingvističeskij aspekt)* [Folk Calendar of Tambov Oblast (An Ethnolinguistic Aspect of the Study)]. Tambov: Izdatel'stvo Pershin R.V.
11. Morgunova, O.V., Krivoshchapova, Yu.A. & Osipova, K.V. (2015) *Russkiy narodnyy kalendar'. Etnolingvističeskij slovar'* [Russian Folk Calendar: An Ethnolinguistic Dictionary]. Moscow: AST-Press Kniga.
12. Morozov, I.A., Sleptsova, I.S., Gilyarova, N.N. & Chizhikova, L.N.

14. Пальгов С. Ю., Шилкин В. А. Календарные обряды Волжского Поволжья и Подонья (по материалам фольклорных экспедиций). Волгоград: [Б. и.], 2020.
15. Панина Ж. А. Илья уйдет и солнышко унесет: народные названия и семантика Ильина дня в архангельских говорах // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 12 (54). Ч. IV. С. 165–168.
16. Рыблова М. А. Календарные праздники донских казаков. Волгоград: Издатель, 2014.
17. Словарь донских говоров Волгоградской области / авт.-сост. Р. И. Кудряшова, Е. В. Брыкина, В. И. Супрун; под ред. Р. И. Кудряшовой. Волгоград: Издатель, 2011.
18. Толстая С. М. Материалы к этнодиалектному словарю полесских хрононимов // Толстая С. М. Полесский народный календарь. М.: Индик, 2005. С. 27–353.
19. Толстая С. М. Праздник // Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. / под общ. ред. Н. И. Толстого. Т. 4. М.: Международные отношения, 2009. С. 237–240.
20. Толстой Н. И., Толстая С. М. О словаре «Славянские древности» // Толстой Н. И., Толстая С. М. Славянская этнолингвистика: вопросы теории. М.: Институт славяноведения РАН, 2013. С. 83–97.
21. Черных А. В. Русский народный календарь в Прикамье. Ч. III. Словарь хрононимов. Пермь: Пушка, 2009.
22. Шестак С. А. Система календарных запретов донских казаков по современным полевым материалам // *Palaeoslavica*. 2010. Vol. XVIII (1). P. 138–163.
- Ryazanskaya traditsionnaya kul'tura pervoy poloviny XX veka. Shatskiy etnodialektnyy slovar'* [Ryazan Traditional Culture of the First Half of the Twentieth Century. Shatsky Ethno-Dialect Dictionary]. Ryazan: [s.n.]. pp. 182–184.
13. Nikiforova, O.V. (2017) [Structural-Semantic Design of Feast in Honor of Elijah the Prophet in Nizhny Novgorod Dialects]. *Karpovskie chteniya* [Karpov Readings]. Conference Proceedings. Arzamas: National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Arzamas Branch. pp. 243–249. (In Russian).
14. Pal'gov, S.Yu. & Shilkin, V.A. (2020) *Kalendarnye obryady Volzhskogo Ponizov'ya i Podon'ya (po materialam fol'klornykh ekspeditsiy)* [Calendar Rites of the Lower Volga and Don Regions (Based on the Materials of the Folkloric Expeditions)]. Volgograd: [s.n.].
15. Panina, Zh.A. (2015) *Il'ya uudet i solnyshko uneset: narodnye nazvaniya i semantika Il'ina dnya v arkhangel'skikh govorakh* [Elijah Will Go Away and Take the Sun with Him: Folk Names and Semantics of Saint Elijah's Day in the Arkhangelsk Dialects]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki – Philology. Theory & Practice*. 12(54):IV. pp. 165–168.
16. Ryblova, M.A. (2014) *Kalendarnye prazdniki donskikh kazakov* [Calendar Feasts of the Don Cossacks]. Volgograd: Izdatel'.
17. Kudryashova, R.I. (ed.) (2011) *Slovar' donskikh govorov Volgogradskoy oblasti* [Dictionary of the Don Dialects of Volgograd Oblast]. Volgograd: Izdatel'.
18. Tolstaya, S.M. (2005) *Materialy k etnodialektному словарю полесских хрононимов* [Materials for the Ethno-Dialect Dictionary of Polissya Chrononyms]. In: Tolstaya, S.M. *Polesskiy narodnyy kalendar'* [Polissya Folk Calendar]. Moscow: Indrik.
19. Tolstaya, S.M. (2009). *Prazdnik* [Feast]. In: Tolstoy, N.I. (ed.). *Slavyanskije drevnosti: etnolingvisticheskiy slovar': v. 5 t.* [Slavic Antiquities: An Ethnolinguistic Dictionary: in 5 Vols]. Vol. 4. Moscow: Mezhdunarodnye Otnosheniya. pp. 237–240.
20. Tolstoy, N.I. & Tolstaya, S.M. (2013). *O slovare "Slavyanskije drevnosti"* [About the Slavic Antiquities Dictionary]. In: Tolstoy, N.I. & Tolstaya, S.M. *Slavyanskaya etnolingvistika: voprosy teorii* [Slavic ethnolinguistics: questions of theory]. Moscow: Institute of Slavic Studies RAS. pp. 83–97.
21. Chernykh, A.V. (2009) *Russkiy narodnyy kalendar' v Prikamye* [Russian Folk Calendar in the Kama Region]. Part III. Perm: Pushka.
22. Shestak, S.A. (2010) *Sistema kalendarnykh zapretov donskikh kazakov po sovremennym polevym materialam* [The System of Calendar Bans of the Don Cossacks Based on Modern Field Materials]. *Palaeoslavica*. 1(XVIII). pp. 138–163.

Полная библиографическая ссылка на статью:

Власкина Н. А. Ильин день в донской традиции: народные представления и паремии / Н. А. Власкина // *Наследие веков*. – 2022. – № 1. – С. 26–33. DOI: 10.36343/SB.2022.29.1.002

Full bibliographic reference to the article:

Vlaskina, N. A. (2022) St. Elijah's Day in the Tradition of the Don Region: Beliefs and Proverbs. *Nasledie vekov – Heritage of Centuries*. 1. pp. 26–33. (In Russian). DOI: 10.36343/SB.2022.29.1.002

Матвеев Олег Владимирович

доктор исторических наук, профессор кафедры истории России
Кубанского государственного университета,
Краснодар, Российская Федерация

Oleg V. MATVEYEV

Dr. Sci. (National History), Prof.,
Kuban State University,
Krasnodar, Russian Federation,
vim12@rambler.ru

УДК: [[784.96:331.105.5]:[323.3:355.09]]:321.64(470.620)"1936/1940" DOI: 10.36343/SB.2022.29.4.003
ГРНТИ: 03.23.55
ВАК: 07.00.02

**«Наш колхозный богатырь...»:
Кубанский казачий хор
в политике встраивания
казачества в советскую систему
(вторая половина 1930-х годов)**

**“Our Collective Farm Warrior ...”:
The Kuban Cossack Choir in the Policy
of Integrating Cossacks
into the Soviet System
(Second Half of the 1930s)**

Цель статьи – анализ процесса встраивания казачества в советскую систему во второй половине 1930-х гг. на примере Кубанского казачьего хора. Источниками явились газетные публикации того времени и рукопись воспоминаний В. И. Птушенко, хранящаяся в Государственном архиве Краснодарского края. Изучен процесс возрождения прославленного коллектива, деятельность Я. М. Тараненко и Г. М. Концевича, рассмотрены репертуар и содержание концертной работы, повседневная жизнь хора, методическая работа сотрудников. Исследованы противоречия, связанные с концертной деятельностью в условиях репрессий второй половины 1930-х гг. В лице Кубанского казачьего хора большевистская власть получила мощный инструмент встраивания казачества в советскую систему. Несмотря на потери, связанные с классовым подходом к «чуждым элементам», коллективом обеспечивалась преемственность в бытовании хоровой и танцевальной культуры кубанского казачества, поддерживался устойчивый интерес к казачьим традициям, костюму, ценностям.

Ключевые слова: Кубанский казачий хор, Ансамбль песни и пляски кубанских казаков, колхозные казаки, идентичность, песенный репертуар, концертная деятельность, большевики.

Изучение политики интеграции казачества в систему советской государственности имеет научно-теоретическую и определенную практическую значимость, поскольку сего-

дня вопрос о месте казаков в общественно-политической и культурной жизни России вновь оказался востребованным. Опыт второй половины 1930-х гг., когда кубанские казаки

получили возможность поддерживать и развивать свою самобытную культуру, воссоздать знаковый для кубанской идентичности хор, его достижения и перспективы, крайне важен сегодня, когда прославленный коллектив переживает определенные кризисные явления.

История возрождения Кубанского казачьего хора изучена слабо. Имеется лишь давняя монография С. И. Еременко, вышедшая в 1977 г., где этому периоду уделено несколько страниц [8, с. 113–118].

Целью данной статьи является характеристика процесса встраивания казачества в советскую систему на примере Кубанского казачьего хора во второй половине 1930-х гг. Изучение темы затруднено тем, что документальных свидетельств о жизни хора (с января 1938 г. — Ансамбля песни и пляски кубанских казаков) в эти годы в Государственном архиве Краснодарского края и в Центре документации новейшей истории Краснодарского края практически не сохранилось. Часть документов была уничтожена перед занятием немцами Краснодара, часть, возможно, отложилась в фонде Главного управления по делам искусств Российского Государственного архива литературы и искусства, до которого сегодня, в условиях эпидемиологических ограничений, добраться непросто. Отсутствие документальных материалов в какой-то степени восполняют газетные публикации того времени, а также содержательная рукопись воспоминаний В. И. Птушенко, хранящаяся в фонде Р-1609 Государственного архива Краснодарского края. Валентина Иосифовна Птушенко (1902–1997) — известная русская балерина [12, с. 28], которая во второй половине 1930-х гг. возглавила танцевальную группу Ансамбля песни и пляски кубанских казаков.

В исследовании задействован историко-системный метод, который предполагает изучение явления как сложившейся системы, в которой все блоки и элементы (социальная политика большевиков, развитие казачьей идентичности и культуры, механизмы преемственности, вызовы, перед которыми оказался Советский Союз, подвижническая деятельность Г. М. Концевича (Рис. 1) и Я. М. Тараненко (Рис. 2), развитие колхозной Кубани и др.) взаимодействуют и определяют его характер

и связи. В работе использованы достижения историко-антропологического подхода: инструментарий социальной истории, микроистории, истории повседневности.

Научная значимость исследования заключается в комплексном подходе к истории Кубанского хора в контексте проблемы интеграции колхозного казачества в советскую партийно-государственную и культурно-идеологическую системы.

Вторая половина 1930-х гг. ознаменовалась в СССР кампанией «за советское казачество», вызванной целым рядом факторов: укреплением позиций коллективных хозяйств в казачьих регионах, стремлением задействовать военно-патриотический потенциал казачества в условиях создания очагов напряженности на западных и дальневосточных границах, пересмотром отношения к казачеству в связи с подготовкой новой Конституции и др. [18, с. 286–282]. 18 февраля 1936 г. в главной газете партии большевиков «Правда» вышла передовица «Советские казаки», в которой говорилось: «Казачество стало советским не только по государственной принадлежности, но и по духу, по устремлениям, по преданности советской власти и колхозному строительству» [24, с. 30].

В статье отмечалось, что «лучшие черты казачества — способность к железной дисциплине, отвага и упорство, беззаветная самоотверженность в достижении своей цели — могут и должны быть направлены на дело дальнейшего укрепления колхозов, на дело окончательного преодоления враждебных влияний, на дело превращения казачьего населения в могучий резерв рабоче-крестьянской Красной Армии. Необходимо воспитывать, укреплять и культивировать эти черты среди широких масс советского казачества, и прежде всего среди казачьей молодежи. Самое слово — казак — из синонима реакции, каким оно было раньше, становится синонимом упорного и честного колхозного труда и беззаветной преданности интересам социалистического отечества» [24, с. 35].

Для встраивания казачества в советскую систему была активно задействована богатейшая песенная казачья культура, обладавшая огромным духовным и воспитательным потенциалом. Создаются колхозные, станич-

Рис. 1. Григорий Митрофанович Концевич (1863–1937). Фотограф Матяш. [«Красное знамя». 1937. 2 июля]
Fig. 1. Grigory Mitrofanovich Kontsevich (1863–1937). Photographer Matyash [Krasnoe Znamya. (1937) 2 July]

ные хоры, активно пропагандируется работа по фиксации памятников устного народного творчества казаков, организуются фестивали и конкурсы народной песни. «Фольклор в настоящее время оценен полностью, — с надеждой писал собиратель народных песен Г. М. Концевич, — искусство вызывается жизнью и ею питается» [14, с. 4]. 25 июля 1936 г. Постановлением президиума Азово-Черноморского крайисполкома был создан Кубанский казачий хор в результате тщательного отбора исполнителей на празднике колхозного казачества. Газета «Красное знамя»

писала в августе 1936 г.: «На праздник колхозного казачества и пятидесятилетия СКВО (Северо-Кавказского военного округа. — О. М.) кубанские казаки выделяют сводный казачий хор в составе 230 человек. Хор организован по решению Всесоюзного комитета по делам искусств и президиума Крайисполкома. В хоре участвуют казаки станиц Ново-Титаровской, Пашковской, Абинской, Васюринской и Каневской. Художественное руководство возложено на тов. Концевича. В течение августа была проделана большая подготовительная работа специально выделенными хормейстерами, в станицах и колхозах отбирались лучшие певцы. <...> Организация хора — дело чрезвычайно важное. Окруженный вниманием партийных, советских и общественных организаций Краснодара и всего края хор должен показать прекрасные образцы народного кубанского фольклора» [20].

В начале следующего года газета сообщила: «В хор отобрано 50 человек с лучшими

голосами. Под руководством главного дирижера Тараненко Я. М. и художественного руководителя Г. М. Концевича хор приступил к занятиям. Помимо хористов в казачий хор волеется 10 лучших плясунов и три баяниста» [16].

В статье «Песни кубанских казаков», опубликованной в газете «Красное знамя» в марте 1937 г., Г. М. Концевич писал: «Задача вновь созданного кубанского казачьего хора — это, прежде всего, быть культурным рассадником музыкального искусства. Обязательные дисциплины для хора: постановка голосов, изучение теории музыки, общеобразовательные предметы в пределах семилетки. Ежедневные занятия — шестичасовые. Репертуар: народные песни кубанских, терских и донских казаков, песни Адыгеи, Грузии, Армении и другие национально-классические музыкальные произведения» [14, с. 4].

В отличие от дореволюционного войскового певческого хора, в советском коллективе важное значение придавалось танцевальной культуре. В. И. Птушенко вспоминала, что «Тараненко и Концевич очень уговаривали меня, чтобы я согласилась работать с ними и создать танцевальную группу из казаков, которых будут привозить из станиц» [6, л. 26]. О танцорах коллектива В. И. Птушенко писала: «Очень хороший, изящный, талантливый был Николай Жук. Колоритный и своеобразный был Василий Коровин — тракторист из кубанского колхоза. Съедал за обедом в колхозе около 2-х кило мяса. Сам нам рассказывал. Он был среднего роста, плечистый, кривоногий. Но танцевал всегда с таким жаром, с такой могучей силой, что танцем своим всех зажигал.

Рис. 2. Яков Михеевич Тараненко (1885–1943). Фотограф Матяш. [«Красное знамя». 1937. 2 июля]
Fig. 2. Yakov Mikheevich Taranenko (1885–1943). Photographer Matyash [Krasnoe Znamya. (1937) 2 July]

Рис. 3. Василий Семенович Вязовец (1912-1943), артист Кубанского казачьего хора
Fig. 3. Vasily Semenovich Vyazovets (1912-1943), performer of the Kuban Cossack Choir

Ни разу за многие выступления он не снижал экспрессии и огненной стремительности в своем танце. Он буквально перевоплощался, забывались его физические недостатки, его ноги и коренастость. У него не было той стройности и изящности, как у Жука, хотя Жук тоже обладал экспрессией своего стиля. На Корovina смотрели с удовольствием. Он заражал и зрителя, и коллектив своим внутренним огнем» [6, л. 28].

О танцорах Василии Рахубе и Василии Вязовце (Рис. 3) В. И. Птушенко рассказывала: «Рахуба был очень своеобразен. Ему пришлось отпустить усы и бороду. Он был в роли старика. Это еще больше увеличивало его успех. Но он обижался, говорил: “Ны хочу я быть з бородою, бо вси дивчата зовуть меня: “дедушка”, тай “дедушка”. А який же я дедушка? Я им кажу, шо я не дид, а воны не вируют. Сбрыю я вусы та бороду, бо дивчата от мэнэ вэртаются”. Директор ему говорит: “Я тебе деньги буду платить за бороду и усы. Зарплату тебе прибавлю!” Вязовец был лихой парень в танце. Он и Рахуба очень старались и приобрели сложнейшую танцевальную технику» [6, л. 28-29].

С началом Великой Отечественной войны эти два выдающихся артиста ансамбля ушли на фронт. Василий Семенович Вязовец, 1912 года рождения, из ст. Дядьковской погиб в боях с немецко-фашистскими захватчиками в 1943 г. [5]. Об уроженце ст. Дербентской В. Д. Рахубе, 1904 года рождения, в представлении о награждении медалью «За отвагу» говорилось: «Гвардии старший сержант Рахуба Василий Данилович за время пребыва-

ния в Доме Красной Армии 6-го гвардейского кавалерийского корпуса проявил себя дисциплинированным, храбрым и честным воином РККА. До прикомандирования к ДКА товарищ Рахуба, находясь в полку и непосредственно принимая участие в боях с немецкими захватчиками, показал образцы доблести и героизма: он бесстрашно выполнял все задания командования. Выезжая вместе с художественной бригадой в подразделения, находящиеся на передовой, где в боевых условиях товарищ Рахуба своим танцем и веселой песней подымал бойца и командира на подвиги и на скорейшее уничтожение врага. Сам товарищ Рахуба коммунист, морально и политически устойчив и служит примером для отдельных бойцов и младших командиров» [19].

Характеризуя женский состав, В. И. Птушенко отмечала, что «особо ответственные танцевальные партии были у Лели Миргородской, позже по мужу Сапон. Она очень весело, с огоньком танцевала! Танец ее светился искренней радостью, весельем. Ни капли вульгарности не было в ее танце. Скромность, казачья удаль и живость украшали ее исполнение. Малевская, красивая, синеглазая, с длинными косами, смотрелась приятно. Остальных девочек — не помню их фамилий, но живо вижу в своих воспоминаниях» [6, л. 29-30].

Руководителей хора и танцевальной группы (Рис. 4) отличало стремление к аутентичному исполнению, что было вполне в духе времени. «Выступления нашего ансамбля, — рассказывала Валентина Иосифовна, — проходили очень хорошо. Молодежь, комсомольцы и старые деды и бабушки за 80 и более посещали наши выступления. В самых старинных станицах после выступления состоялись обсуждения нашего ансамбля — так ли мы поем и танцуем, как наши деды и прадеды пели и танцевали. И старики и молодые давали отличные отзывы, а бабушки даже плакали, так мы им напомнили их молодость. Благодарили за доставленное удовольствие для них. Говорили, что мы им прибавили силы и радости, что они помолодели на много лет!!!» [6, л. 39].

Как-то после одного из концертов в ст. Елизаветинской администрация встретилась с местными жителями для обсуждения репер-

Рис. 4. Кубанский казачий хор. Фотограф Матяш [Красное знамя. 1937. 2 июля]
 Fig. 4. Kuban Cossack Choir. Photographer Matyash [Krasnoe Znamya. (1937) 2 July]

туара: «Все танцы были одобрены. Исполнение казачьих песен найдено превосходным: “Точнісенько. Тільки слова іньши”. 60-летняя казачка Бован поделилась своими впечатлениями, вынесенными с концерта.

— Не втерпіла, душа потянула на козачі співи, пляскі,— сказала она.— І недарма прийшла. Де й старість. На 10 лет помолоділа. Гарно, дуже гарно співають, танцюють хлопці і дівчата. Спасибо всім вам» [13, с. 4].

Другие старожилы так высказывались о выступлениях ансамбля: «“Оце колись мы так співали и танцювали. Точнісенько, як були молодими!” А старушки: “Як бачили ваші танці, так би и пішла сама танцювати!”» [6, л. 44].

Г.М. Концевич в записях о гастролях коллектива по кубанским станицам отмечал, что администрацию очень интересовал вопрос о старинном казачьем женском костюме: «Старушки-казачки, осмотрев костюмы хористок, нашли их соответствующими старым костюмам казачек и посоветовали только сделать их более яркими и красочными» [13, с. 4]. В.И. Птушенко вспоминала: когда в станицах спрашивали: «не будут ли каких замечаний по костюмам? старики сказали: “Наши дивки такыж кофты одягали. Ще мы шутковали, шо на рукавах зверху зборки були, це шоб коромысло не падало з плыча”» [6, л. 44].

Руководители и артисты хора не только выступали с концертами в кубанских станицах, но и оказывали методическую помощь

местным фольклорным коллективам. В одной из записок, посвященной гастролям хора, отмечалось, что «помимо выступлений, руководство хора оказывало практическую помощь кружкам самодеятельности. Так, в станице Усть-Лабинской с местным хоровым кружком была проведена беседа и консультация» [23].

Отдельные исследователи-казаковеды называют вторую половину 1930-х гг. «полной реабилитацией казачества» [4, с. 110], «возрождением» казачества. Однако руководство партии большевиков было намерено использовать в интересах безопасности страны лишь военно-патриотический потенциал казачества (Рис. 5). Оно не собиралось восстанавливать сословные привилегии, традиционное самоуправление, религиозность казаков, а в сфере культуры усиленно внедряло советские новации [18, с. 327]. Это нашло отражение, прежде всего, в репертуаре хора, который, как отмечала газета «Красное знамя» в 1937 г., состоял «из революционных песен, песен кубанских казаков и народностей СССР и из классических музыкальных произведений» [16]. Г.М. Концевич писал, что на гастролях коллектива по станицам Азово-Черноморского края хором были исполнены «революционные песни, классические хоровые произведения, песни и пляски кубанских казаков. Наиболее сильное впечатление на аудиторию произвели песни кубанских казаков и, в особенности песни: “Зозуля”, муз. Пищенского, “Ты, Кубань, ты наша

Рис. 5. Концерт Ансамбля песни и пляски кубанских казаков в казачьей части, которой командовал майор Смирнов. Фотограф Г. Матяш [Большевик. 1938. 1 мая]

Fig. 5. Concert of the Song and Dance Ensemble of the Kuban Cossacks in the Cossack unit commanded by Major Smirnov. Photographer G. Matyash [Bol'shevik. (1938) 1 May]

родина» в обработке Концевича и «Щедрик-ведрик», музыка Концевича. «Песня о Сталине» (муз. Ревуцкого) и «Песня о Родине» (муз. Дунаевского), по мнению всех слушателей, — лучшие номера в программе» [13, с. 4].

Один из корреспондентов отмечал: «Мастерство передачи заключалось еще и в том, что исполнители учитывали особенности каждой песни. Так, например: «Песнь о Сталине» звучала бодростью, силой и динамичностью; «Таманская партизанская» — отличалась выразительностью и картинностью; украинская — «Закуковала та сиза зозуля» исполнялась мощно и отчетливо; со здоровым юмором исполнялись народные песни «Щедрик» и другие. Удачный подбор голосов, несмотря на небольшой состав хора, дает яркую звучность, являясь чутким и послушным инструментом в руках дирижера» [22].

Сам факт наличия в репертуаре хора знаковой песни «Ты, Кубань, ты наша Родина» в эти годы говорит о многом. Однако текст песни был существенно переработан (вероятно, тем же Г. М. Концевичем) и отражал новые реалии: «Ты, Кубань, ты наша Родина, / Наш колхозный богатырь. / Многоводная, свободная, /

Разлилась ты вдаль и вширь. / Мы работники счастливые / Нашей солнечной страны. / Бьем челом тебе, родимая, / Твои верные сыны. / Казаки семьей колхозною / Честным заняты трудом, / Про свои станицы вольные / Песни новые поем. / Ветер носит песню звонкую, / Далеко она слышна, / Под землю плодородною, / Что навечно нам дана. / Если тронет враг кордоны / Нашей родины святой, / Снарядим коней в дорогу / И пойдем на смертный бой. / Мы пошлем, Кубань родимая, / До сырой земли поклон, / Не уроним в Красной Армии / Честь прославленных знамен» [18, с. 376]. С содержанием категорий «Кубань», «Родина», «казаки», «родные станицы» теперь неразрывно связывались понятия «колхозный богатырь», «колхозная семья», «Красная Армия».

Текст «Казачьей думы о Сталине» был опубликован в газете «Красное знамя» в 1936 г. и тоже отражал тенденции встраивания казачества в советское общество: «Собирались казаченьки, / Собирались на заре, / Думу думали большую / На колхозном на дворе. / Если б нам теперь, ребята, / В гости Сталина позвать. / Чтобы Сталину родному / Все богатство показать. / Показать бы, похвалить-

ся / Нашей хваткой боевой... / — Приезжай, товарищ Сталин, / Приезжай, отец родной! / Мы пошлем тебе навстречу / Всех стахановцев полей, / Мы дадим джигитам храбрым / Самых лучших лошадей. / Будешь ехать через поле, / Полюбуйся чистой, / Как хлеба цветистым маем / Умываются росой. / Будешь ехать, сам увидишь, / На колхозном на дворе / Расцветают наши дети / Алым маком на заре. / На большом пиру казачьем / Наши девушки поют, / Зануздают самолеты, / Шелком небо разошьют. / От высокого Казбека / До каспийских берегов / Наша жизнь тобой согрета, / Жизнь советских казаков» [9, с. 4].

Над заголовком публикации этого текста стояло имя автора: «А. Исаков, казак станицы Родниковской». Очевидно, автором текста был Андрей Максимович Исаков (1902–1971), происходивший из бедной казачьей семьи. В 1920 г. он вступил в Красную Армию, участвовал в разгроме частей повстанческой армии Н. И. Махно, после демобилизации работал на плантациях эфиромасличных растений и на промышленных предприятиях, обогащая свой жизненный опыт. В 1933 г. поступил на литературный факультет Северо-Кавказского педагогического института в г. Орджоникидзе. В это же время в печати стали появляться его первые стихи. После окончания института он работал в областных и республиканских газетах Северо-Кавказского края, участвовал в качестве военного корреспондента в Великой Отечественной войне, был награжден за боевые заслуги орденом Красной Звезды, является автором ряда поэтических сборников, в том числе сборника стихов «Казачья дума» (1937) [10].

Сам состав Кубанского казачьего хора был представлен в основном выходцами из колхозов. Местная газета сообщала: «Большинство из них — казаки-колхозники» [21, с. 4]. Другой автор писал об артистах коллектива: «Михаил Кириенко — хорист ансамбля, совсем недавно работал в колхозе станицы Северной, баянисты — братья Коваль — вчерашние производственники сельхозартели “Красный хуторок”, что в Стефановском хуторе, плясун Василий Коровин — из Пластуновской. <...> Ансамбль быстро рос, не порывая связи с родными станицами и хуторами, он пополнялся талантливыми сынами и дочерьми кол-

хозного крестьянства. Сюда пришла замечательная плясунья комсомолка Ольга Донцова, хористка Акимова, баянист Лата и многие другие. Сейчас в ансамбле 65 человек, страстно любящих искусство, прекрасные песни своего народа» [3, с. 3].

Сведения об артистах, музыкантах и администраторах ансамбля того времени прочно увязаны с идеологическим контекстом, с общественной нагрузкой, которую эти люди несли в коллективе. Я. Бородовский в статье «Певцы цветущей Кубани» характеризовал хор следующим образом: «Для менее подготовленных (в идеологическом плане. — О. М.) создан кружок, которым по поручению первичной партийной организации руководит директор ансамбля коммунист Неверов. <...> Отличный танцор — казак Василий Рахуба возглавляет первичную партийную организацию ансамбля. <...> Плясунья Ольга Донцова — комсорг ансамбля, хористки Миргородская и Егорова уже оформляют документы (на вступление в ряды ВКП(б). — О. М.). <...> Пианист Ломакин после репетиции и учебы с членами редколлегии обсуждает план очередного номера. Он — редактор стенной газеты “За советскую песню”, газеты, которая выходит в поезде, в далеких городах во время гастрольных поездок, в станицах родной Кубани, куда ансамбль выезжает на концерты. Можно назвать балетмейстера Золотницкого — председателя месткома, ведущего большую и полезную общественную работу. Нельзя умолчать и о плясуне Василии Вязовец — председателе первичной организации Осовиахима. Дружный спаянный коллектив настойчиво повышает свою работу. Здесь систематически проходят занятия общеобразовательной школы. Географию преподает администратор ансамбля Аронович, математику — плясунья Донцова, русский язык — жена художественного руководителя Тараненко» [3, с. 3].

Одной из установок для нового хора был интернационализм, декларируемый Советским государством и партией большевиков. Еще 10 ноября 1936 г. на встрече с делегациями донского и кубанского ансамблей председатель Всесоюзного комитета по делам искусств П. М. Керженцев обратил внимание «на необходимость включить в свой репертуар, кроме русских и украинских песен, также

песни других народностей СССР — белорусов, грузин, татар, армян и др. национальностей» [17, с. 159].

Печать отмечала, что во время гастролей в Киеве «Песню о Сталине вместе с кубанскими казаками пели украинские евреи, пели восторженно, вкладывая всю душу и тепло своих сердец в ее исполнение. Рядом с тенором Николаем Афанасьевичем Матвеевым — хористом кубанского казачьего ансамбля — стоял Лев Исаакович Каминский — тоже тенор, хорист заслуженной капеллы Украинской республики “Евокан”» [3, с. 3].

Автор публикации Я. Бородавский указывал, что уже после возвращения из Киева Н. А. Матвеев получил письмо от Л. И. Каминского, в котором говорилось: «Дорогой друг! Ваша встреча с нами потрясла всех. Ведь в царское время, ты знаешь, как относились к евреям. А сейчас мы крепко жмем друг другу руки и по праву называем себя равными сынами великого советского народа». «Так писал еврей казаку, и это было красиво и благородно, — отмечал автор статьи, — как сама чудесная жизнь нашей страны, где все поет и веселится» [3, с. 3].

Творчество хора служило инструментом пропаганды советского образа жизни. Советская печать писала, что когда ансамбль приехал с концертами в освобожденную от власти Польского государства Западную Белоруссию, то местное население восторженно встречало выступления коллектива: «Каждый концерт оканчивался стихийно организованными митингами. На митингах рабочие, служащие, интеллигенция горячо благодарили партию, Советское правительство, доблестную Красную Армию, великого Сталина за освобождение белорусского народа от панского ига, за отеческую заботу, за прекрасное советское искусство. Одна белорусская работница на митинге заявила: “Мы 20 лет ждали, пока зазвучит подлинно народная свободная украинская песня. И вот мечта сбылась. Спасибо, большое спасибо товарищу Сталину!” Белорусское население проявляет огромный интерес к нашей жизни. Где бы не были артисты нашего ансамбля, сейчас же их обступали жители. Они интересуются советским искусством, колхозами, промышленностью, образованием» [1, с. 4].

Накапливая опыт, хор постепенно становился хранителем памяти, носителем идентичности кубанского казачества, обеспечивая определенную преемственность традиций войскового певческого хора. «Коллектив выдержал испытание на художественную зрелость, — писал критик, — сочетав образность народного искусства с серьезным овладением классическими произведениями, характер исполнения которых иной, чем исполнение оперного театра, нежели, капеллы и пр. В пении чувствуется, что поют казаки» [22].

Кампания «за советское казачество», несмотря на изменение тактической линии в отношении казачьих сообществ, никоим образом не означала отхода от принципа классовой борьбы и репрессивной политики [18, с. 326–327]. Это отразилось прежде всего в факте ареста и гибели консультанта хора Г. М. Концевича. Согласно обвинительному заключению, Г. М. Концевич «являлся активным участником контрреволюционной казачьей повстанческой организации, действовавшей на Кубани». Он якобы «специально был направлен к.р. организацией в Москву для осуществления террористического акта, приурочив совершение такового в момент выступления хора на торжественном вечере в Государственном академическом Большом театре, посвященном годовщине Великой Октябрьской революции» [7, с. 567]. 13 декабря 1937 г. тройкой УНКВД по Краснодарскому краю Г. М. Концевич был приговорен к высшей мере наказания, а уже 26 декабря приговор был приведен в исполнение. Реабилитирован композитор был достаточно поздно — 18 апреля 1989 г., согласно Указу Президиума Верховного Совета СССР [7, с. 567].

Публицист П. И. Ткаченко видит в гибели Г. М. Концевича «странную и до сих пор необъясненную нелогичность»: как можно «возродить казачий хор и тут же уничтожить его руководителя, хранителя казачьих песен?» [26, с. 41]. Эту «нелогичность» он объясняет тем, что «некие силы настойчиво противодействовали повороту к народным основам жизни, предпринимаемому властью», шла «жесткая невидимая борьба за сохранение страны, народа, культуры» [26, с. 41]. Для подтверждения своей конспирологической версии П. И. Ткаченко пытается обратиться к самым

разным аргументам: от наследия русского философа Г.П. Федотова до скрытого смысла шуточной песни «Був Грыцько мудрый», еще в 1913 г. включенной Г.М. Концевичем в один из его сборников.

Документы говорят о другом: большевики и не собирались отказываться от классового подхода в отношении казачества. «Есть отдельные товарищи,— говорилось в передовице газеты «Северокавказский большевик» в марте 1936 г.,— которые, глубоко ошибаясь, считают, что сейчас под лозунгами “советское казачество” начинается какая-то новая линия в отношении казачества. Конечно, это нелепость. Линия партии в отношении казачества была одна на протяжении всей истории революции и строительства социализма. Это линия — на разгром кулацко-офицерской верхушки и завоевания на сторону рабочего класса трудовых масс казачества» [Цит. по: 18, с. 325].

Нападки на Г.М. Концевича имели место еще до его ареста. Так, в публикации газеты «Красное знамя» в июле 1937 г. указывалось, что песни в его обработке часто представляют не кубанскую, а украинскую традицию. Автор статьи А.М. Прийменко писал после одного из концертов хора: «Бросается в глаза большая насыщенность концерта (почти все второе отделение программы) песнями в обработке Г.М. Концевича. Конечно, на Кубани поют песню “Ой у лузи”, но все-таки это украинская песня, а не кубанская. Совсем мало кубанских народных песен и тем более с советской тематикой (за исключением “Кубань”). Хлеборобная колхозная Кубань поет новые песни, отражающие новый быт и новый уклад жизни. Консультанту хора, известному собирателю кубанских казачьих песен. Композитору Г.М. Концевичу необходимо пополнить репертуар новыми песнями с советской тематикой» [22]. В условиях, когда за несколько лет до этого на Кубани была свернута искусственная украинизация, а ее проводников обвинили в контрреволюции и буржуазном национализме, намек на «украинство» выглядел зловеще, как и игнорирование советского репертуара. В.П. Бардадым считал эту публикацию «политическим доносом, сыгравшим роковую роль» в судьбе Г.М. Концевича [2, с. 222].

Имя композитора всплывало в делах арестованных за политическую неблагонадежность. Так, еще 20 июля 1937 г., то есть за 40 дней до ареста Г.М. Концевича, под следствием оказался профессор Н.А. Захаров, обвиняемый в принадлежности к белогвардейской организации, руководимой из-за рубежа РОВС. Уже тогда в деле среди других участников этой организации фигурировал Г.М. Концевич [25, с. 141]. Нагнетаемая в 1937 г. атмосфера подозрительности в отношении «кулацко-офицерской верхушки» казачества, повсеместное выявление «врагов народа», действительно фиксируемые органами НКВД отдельные антисоветские настроения [15, с. 866–869] — все это не способствовало объективному рассмотрению дела, в котором красным карандашом была подчеркнута должность Г.М. Концевича до революции: «бывший регент войскового хора» [7, с. 567].

В.И. Птушенко писала в своих воспоминаниях, что вместе с Г.М. Концевичем в Москве «арестовали лучшего нашего танцовщика Николая Жука и еще несколько человек... Конечно, они безвинно пострадали в то страшное время!» [6, л. 55].

Был арестован также директор хора М.И. Чернышев [6, л. 83], а 22 декабря 1937 г. забрали помощника директора Владимира Александровича Вержбицкого, 1903 года рождения, уроженца г. Житомира. Во втором случае сыграло роль польское происхождение Вержбицкого: панская Польша считалась в то время главным врагом СССР. Администратору было предъявлено обвинение в участии в контрреволюционной польской националистической организации «POW» (Polska Organizacja Wojskowa). 22 января 1938 г. В.А. Вержбицкий был расстрелян. Реабилитирован 23 сентября 1957 г. военным трибуналом Ленинградского военного округа за отсутствием состава преступления [11, с. 43].

Артисты и администраторы коллектива в полной мере разделили со своим народом как славные, так и драматические последствия курса на «колхозное казачество». Аресты Г.М. Концевича, В.А. Вержбицкого, М.И. Чернышева, Н. Жука и других администраторов и артистов хора, по-видимому, ввергли коллектив в состояние оцепенения, и он временно прервал свою работу. Лишь спу-

Рис. 6. Ансамбль песни и пляски кубанских казаков исполняет танец «Кубанский казачок» [Большевик. 1939. 22 октября]

Fig. 6. The Song and Dance Ensemble of the Kuban Cossacks is performing the "Kuban Cossack" dance [Bol'shevik. (1939) 22 October]

стия пять месяцев его деятельность возобновилась под новым наименованием: Ансамбль песни и пляски кубанских казаков (Рис. 6). Краевая газета «Большевик» писала в конце января 1938 г.: «Ансамбль песни и пляски кубанских казаков, временно прекративший свою деятельность, сейчас развернул большую

Рис. 7. Девушки из ансамбля песни и пляски кубанских казаков с баянистом [Большевик. 1939 г. 12 мая]

Fig. 7. Girls from the Song and Dance Ensemble of the Kuban Cossacks with an accordion player [Bol'shevik. (1939) 12 May]

подготовку к предстоящим выступлениям. Приобретаются национальные костюмы и другой необходимый реквизит. Ансамбль пополняется новыми хористами, плясунами из колхозных художественных самодеятельных кружков. Намечается довести состав хора до 100 человек. Первое выступление ансамбля состоится в начале февраля» [27, с. 4]. Жизнь коллектива продолжалась. В мае 1939 г. газета сообщала: «Сейчас в ансамбле 65 человек, страстно любящих искусство, пре-

красные песни своего народа» [3, с. 3]. В дни весеннего сева 1939 г. хор выступал в районах Кубани, вдохновляя колхозников на ударный труд (Рис. 7). Особенно на славу удался концерт на хуторе Незамаевском Тимашевского района. «В обратный путь,— писала газета «Большевик»,— дорогих гостей тепло провожал весь хутор. Это было волнующее зрелище. Так может любить народ только кровных своих сынов, не теряющих с ним связей» [3, с. 3].

Таким образом, вторая половина 1930-х гг. стала временем воссоздания Кубанского казачьего хора, однако на совершенно иной идеологической и организационной основе. Впервые предпринятое комплексное изучение истории коллектива в контексте интеграции кубанских казаков в советскую систему показало, что, с одной стороны, каза-

чество, признанное специфической группой в составе колхозного крестьянства, получило мощный инструмент поддержания своей идентичности путем постоянного погружения в народную культуру. С другой, власть не отказалась от классового принципа в подходах к народному творчеству, безжалостно отсекала «чуждые элементы», влияла на формирование репертуара, социального состава участников коллектива, встраивала последних в идеологическую атмосферу советского общества. Представляется, что, несмотря на трагические потери, задачи, поставленные перед коллективом хора, были успешно ре-

шены. Но воссоздание хора отвечало и народным устремлениям. Вопреки мощным модернизационным трансформациям была обеспечена определенная преемственность в бытовании хоровой и танцевальной культуры кубанского казачества, поддерживался устойчивый интерес к казачьим традициям, костюму, ценностям. Опыт постоянной сверки образцов сценического творчества с мнением носителей традиционной культуры, имевший место в ту переломную эпоху, востребован и сегодня. В этом направлении необходимо вести и дальнейшие исследования по истории хора в советский период.

Oleg V. MATVEYEV

Dr. Sci. (National History), Prof.,
Kuban State University,
Krasnodar, Russian Federation,
vim12@rambler.ru

“Our Collective Farm Warrior ...”:

The Kuban Cossack Choir in the Policy of Integrating Cossacks into the Soviet System (Second Half of the 1930s)

Abstract. The aim of the article is to analyze the integration of the Cossacks into the Soviet system in the second half of the 1930s on the example of the Kuban Cossack Choir. The sources were newspaper publications of that time and the manuscript of the memoirs of V. I. Ptushenko, stored in the State Archive of Krasnodar Krai. The study uses the historical and systemic method, which involves studying the phenomenon as an operating system in which all the blocks and elements (the social policy of the Bolsheviks, the development of the Cossack identity and culture, the mechanisms of continuity, the challenges faced by the Soviet Union, the activities of G.M. Kontsevich and Ya.M. Taranenko, the development of collective farms in the Kuban region, etc.) interact and determine its character. The historical-anthropological approach is used with its tools of social history and the history of everyday life. The dramatic process of the revival of the illustrious team, the activities of Ya.M. Taranenko and G.M. Kontsevich, the repertoire and content of the concert work, the daily life of the team are considered. The methodological work of the choir staff is characterized; its ideological integration is described. The main contradictions associated with concert activity in the context of the second half of the 1930s are analyzed. It is noted that during this period the Kuban Cossack Choir was recreated on a completely new ideological and organizational basis. A comprehensive study of the history of the choir staff in the context of the integration of the Kuban Cossacks into the Soviet system shows that, on the one hand, the Cossacks received a powerful tool to maintain their identity through constant immersion in mass culture. On the other hand, the authorities did not abandon the class principle in approaches to folk art, ruthlessly fought against “foreign elements”, influenced the formation of the repertoire, the social composition of the members of the choir, which was built in the ideological atmosphere of Soviet society. Despite the tragic losses, the tasks assigned to the choir team were successfully solved, but the reconstruction of the choir also met people’s aspirations. Despite the powerful modernizing transformations, a certain continuity was ensured in the existence of the choral and dance culture of the Kuban Cossacks, and a steady interest in Cossack traditions, costume, and values remained. The experience of constant reconciliation of samples of scenic creativity with the opinion of the bearers of traditional

culture, which took place at a turning point, is still in demand today. Further research is needed in this direction.

Keywords: Kuban Cossack Choir, Song and Dance Ensemble of Kuban Cossacks, collective farm Cossacks, identity, song repertoire, concert activities, Bolsheviks.

Использованная литература:

1. Ансамбль кубанских казаков возвратился из Западной Белоруссии // *Большевик*. 1939. № 282 (658). 10 декабря. С. 4.
2. Бардадым В. П. Радетели Земли Кубанской: (о выдающихся людях Кубани). 2-е изд., дополн. Краснодар: Советская Кубань, 1998.
3. Бородавский Я. Певцы цветущей Кубани // *Большевик*. 1939. № 108 (484). 12 мая. С. 3.
4. Воскобойников Г. П., Батырев В. Д. Казачество и Советская власть (1921 – июнь 1941 гг.). М.: Альтекс, 2003.
5. Вязовец Василий Семенович // *Дорога памяти*. URL: <https://1418museum.ru/heroes/25820645/> (дата обращения: 11.07.2021).
6. Государственный архив Краснодарского края. Ф. Р-1609. Оп. 10. Д. 6.
7. Два века города в датах, событиях, воспоминаниях... Материалы к Летописи. Краснодар: Краснодарское книжн. изд-во, 1993.
8. Еременко С. И. Хоровое искусство Кубани. Краснодар: Краснодарское книжное изд-во, 1977.
9. Исаков А. Казачья дума о Сталине // *Большевик*. 1938. № 231 (807). 6 октября. С. 4.
10. Исаков Андрей Максимович // *Литературно-художественный альманах Ставропольского краевого отделения Союза советских писателей «Ставрополье»*. URL: <https://almanac.ekimovka.ru/index.php?year=1949&no=5&task=articles&author=4> (дата обращения: 20.04.2021).
11. Книга Памяти жертв политических репрессий по Краснодарскому краю. Краснодар: Диапазон-В, 2012. Т. 5.
12. Коваленко Т. В., Петренко В. Ю. Неопубликованное. Личные фонды деятелей театрального искусства в Государственном архиве Краснодарского края // *Наследие веков*. 2019. № 1 (17). С. 14–32.
13. Концевич Г. М. Казачий хор в станицах Кубани // *Красное знамя*. 1937. № 166 (5031). 21 июля. С. 4.
14. Концевич Г. М. Песни кубанских казаков // *Красное знамя*. 1937. № 51 (3876). 3 марта. С. 4.
15. Краснодарский край в 1937–1941 гг. Документы и материалы / сост. А. М. Беляев, И. Ю. Бондарь, В. Е. Токарев. Краснодар: Эдви, 1997.
16. Кубанский казачий хор приступил к занятиям // *Красное знамя*. 1937. № 46. 29 февраля.
17. Культурное строительство на Кубани (1918–1941 гг.) / науч. ред. И. Я. Куценко. Краснодар: Краснодарское книжное изд-во, 1978.
18. Куценко И. Я. Победители и побежденные. Кубанское казачество: история и судьбы. Кн. 3. Сталинское перерождение. Краснодар: Полиграф-Юг, 2017.
19. Награда Василия Рахубы // *Память народа*. URL: <https://pamyat-naroda.ru/awards/42171563> (дата обращения: 11.07.2021).

References:

1. *Bol'shevik*. (1939) Ansambl' kubanskikh kazakov vozvratilsya iz Zapadnoy Belorussii [The Ensemble of Kuban Cossacks Returned From Western Belarus]. 282 (658). 10 December. p. 4.
2. Bardadym, V.P. (1998) *Radeteli Zemli Kubanskoy: (o vydayushchikhsya lyudyakh Kubani)* [Guardians of the Kuban Land: (About the Outstanding People of Kuban)]. 2nd ed. Krasnodar: Sovetskaya Kuban'.
3. Borodovskiy, Ya. (1939) Pevtsy tsvetushchey Kubani [Singers of the Blooming Kuban]. *Bol'shevik*. 108 (484). 12 May. p. 3.
4. Voskoboynikov, G.P. & Batyrev, V.D. (2003) *Kazachestvo i Sovetskaya vlast' (1921 – iyun' 1941 gg.)* [Cossacks and Soviet Power (1921 – June 1941)]. Moscow: Al'teks.
5. *Doroga pamyati* [Road of Memory]. (2021) *Vyazovets Vasily Semenovich* [Vasily Semenovich Vyazovets]. [Online] Available from: <https://1418museum.ru/heroes/25820645/> (Accessed: 11.07.2021).
6. State Archive of Krasnodar Krai. Fund R-1609. List 10. Item 6.
7. Bondar', I.Yu. (ed.) (1993) *Ekaterinodar–Krasnodar: Dva veka goroda v datakh, sobyitiyakh, vospominaniyakh... Materialy k Letopisi* [Ekaterinodar–Krasnodar: Two Centuries of the City in Dates, Events, Memories ... Materials for the Chronicle]. Krasnodar: Krasnod. knizhn. izd-vo.
8. Eremenko, S.I. (1977) *Khorovoe iskusstvo Kubani* [The Choral Art of Kuban]. Krasnodar: Krasnod. knizhn. izd-vo.
9. Isakov, A. (1938) *Kazach'ya дума o Staline* [Cossack Thought About Stalin]. *Bol'shevik*. 231 (807). 6 October. p. 4.
10. *Literaturno-khudozhestvennyy al'manakh Stavropol'skogo kraevogo otdeleniya Soyuzs sovetskikh pisateley "Stavropol'e"* [Literary and Artistic Almanac of the Stavropol Regional Branch of the Union of Soviet Writers "Stavropol'"]. (1949) Isakov Andrey Maksimovich [Andrey Maksimovich Isakov]. [Online] Available from: <https://almanac.ekimovka.ru/index.php?year=1949&no=5&task=articles&author=4> (Accessed: 20.04.2021).
11. Zazdravnykh, N. (ed.) (2012) *Kniga Pamyati zhertv politicheskikh repressiy po Krasnodarskomu krayu* [The Book of Memory of the Victims of Political Repressions in Krasnodar Krai]. Vol. 5. Krasnodar: Diapazon-V.
12. Kovalenko, T.V. & Petrenko, V.Yu. (2019) The Unpublished. Personal Funds of Theatrical Artists in the State Archives of the Krasnodar Region. *Nasledie vekov – Heritage of Centuries*. 1 (17). pp. 14–32. (In Russian).
13. Kontsevich, G.M. (1937) *Kazachiy khor v stanitsakh Kubani* [The Cossack Choir in the Stanitsas of Kuban]. *Krasnoe znamya*. 166 (5031). 21 July. p. 4.
14. Kontsevich, G.M. (1937) *Pesni kubanskikh kazakov* [Songs of the Kuban Cossacks]. *Krasnoe znamya*. 51 (3876). 3 March. p. 4.

20. Нечаев Вл. Участники Кубанского казачьего хора едут на праздник // Красное знамя. 1936. № 188. 15 августа.
21. Первое выступление Кубанского казачьего хора // Красное знамя. 1937. № 150 (5015). 3 июля. С. 4.
22. Прийменко А. М. Концерты Кубанского казачьего хора // Красное знамя. 1937. № 171. 27 июля.
23. Прийменко А. Н. Выступления Кубанского хора в станицах // Красное знамя. 1937. № 188. 16 августа.
24. Советские казаки // Казачество под большевистским знаменем. Пятигорск: Северо-Кавказское краевое изд-во, 1936. С. 30–35.
25. Ткачев А. Н., Ждановский А. М. Профессор Н. А. Захаров: археолог, политолог, правовед // Кубанский государственный университет: 100 лет в истории России: материалы Всерос. (с международным участием) науч.-практ. конф.: в 2 т. / под ред. М. Б. Астапова. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2020. Т. 2. С. 130–149.
26. Ткаченко П. И. Композитор Концевич // Фольклорист, композитор Г. М. Концевич / ред.-сост. П. И. Ткаченко. М.: Ф-Принт, 2013. С. 32–54.
27. Хроника // Большевик. 1938. № 22 (98). 28 января. С. 4.
15. Belyaev, A.M., Bondar', I.Yu. & Tokarev, V.E. (1997) *Krasnodarskiy kray v 1937–1941 gg. Dokumenty i materialy* [Krasnodar Krai in 1937–1941, Documents and Materials]. Krasnodar: Edvi.
16. *Krasnoe znamyu*. (1937) Kubanskiy kazachiy khor pristupil k zanyatiyam [Kuban Cossack Choir Began Classes]. 46. 29 February.
17. Kutsenko, I.Ya. (ed.) (1978) *Kul'turnoe stroitel'stvo na Kubani (1918–1941 gg.)* [Cultural Construction in Kuban (1918–1941)]. Krasnodar: Krasnodar. knizhn. izd-vo.
18. Kutsenko, I.Ya. (2017) *Pobediteli i pobezhdennye. Kubanskoe kazachestvo: istoriya i sud'by* [Winners and Losers]. Book 3. Krasnodar: Poligraf-Yug.
19. Pamyat' naroda [Memory of the People]. (2021) *Nagrada Vasiliya Rakhuby* [Vasily Rakhuba's Award]. [Online] Available from: <https://pamyat-naroda.ru/awards/42171563> (Accessed: 11.07.2021).
20. Nechaev, Vl. (1936) Uchastniki Kubanskogo kazach'ego khora edut na prazdnik [Members of the Kuban Cossack Choir Go to a Feast]. *Krasnoe znamyu*. 188. 15 August.
21. *Krasnoe znamyu*. (1937) Pervoe vystuplenie Kubanskogo kazach'ego khora [The First Performance of the Kuban Cossack Choir]. 150 (5015). 3 July. p. 4.
22. Priyenko, A.M. (1937) Kontserty Kubanskogo kazach'ego khora [Concerts of the Kuban Cossack Choir]. *Krasnoe znamyu*. 171. 27 July.
23. Priyenko, A.N. (1937) Vystupleniya Kubanskogo khora v stanitsakh [Performances of the Kuban Choir in Stanitsas]. *Krasnoe znamyu*. 188. 16 August.
24. Anon. (1936) Sovetskie kazaki [Soviet Cossacks]. In: *Kazachestvo pod bol'shevistskim znamenem* [Cossacks Under the Bolshevik Banner]. Pyatigorsk: Severo-Kavkaz. kraev. izd-vo. pp. 30–35.
25. Tkachev, A.N. & Zhdanovskiy, A.M. (2020) [Professor N.A. Zakharov: Archaeologist, Political Scientist, Jurist]. *Kubanskiy gosudarstvennyy universitet: 100 let v istorii Rossii* [Kuban State University: 100 Years in the History of Russia]. Conference Proceedings. In 2 vols. Vol. 2. Krasnodar: Kuban State University. pp. 130–149. (In Russian).
26. Tkachenko, P. (2013) Kompozitor Kontsevich [Composer Kontsevich]. In: Tkachenko, P. (ed.) *Fol'klorist, kompozitor G.M. Kontsevich* [Folklorist, Composer G.M. Kontsevich]. Moscow: F-Print. pp. 32–54.
27. *Bol'shevik*. (1938) Khronika [Chronicle]. 22 (98). 28 January. p. 4.

Полная библиографическая ссылка на статью:

Матвеев О. В. «Наш колхозный богатырь...»: Кубанский казачий хор в политике встраивания казачества в советскую систему (вторая половина 1930-х годов) / О. В. Матвеев // Наследие веков. – 2022. – № 1. – С. 34–46. DOI: 10.36343/SB.2022.29.1.003

Full bibliographic reference to the article:

Matveyev O. V. (2022) "Our Collective Farm Warrior ...": The Kuban Cossack Choir in the Policy of Integrating Cossacks into the Soviet System (Second Half of the 1930s). *Nasledie vekov – Heritage of Centuries*. 1. pp. 34–46. (In Russian). DOI: 10.36343/SB.2022.29.1.003

АНТРОПОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

ANTHROPOLOGY OF CULTURE

ЛОГИНОВА Марина Васильевна

доктор философских наук, профессор,
заведующая кафедрой культурологии
и библиотечно-информационных ресурсов
Института национальной культуры
Мордовского государственного университета
имени Н. П. Огарева
Саранск, Российская Федерация

Marina V. LOGINOVA

Dr. Sci. (Theory and History of Culture), Prof.,
Ogarev Mordovia State University,
Saransk, Russian Federation,

marina919@mail.ru

ORCID: 0000-0003-1405-0976

УДК: [167:008]:[510.275:001.891.3]

ГРНТИ: 13.07.77

ВАК: 24.00.01

DOI: 10.36343/SB.2022.29.1.004

Исследовательские практики текста культуры: методологический аспект

Research Practices of the Text of Culture: A Methodological Aspect

Цель статьи – определить методологический аспект анализа культуры как сложноорганизованного текста, состоящего из антиномий, формирующих исследовательские практики. Используются результаты научных изысканий отечественных и зарубежных философов, культурологов и литературоведов. Рассмотрены базовые практики анализа текстов культуры (сдвиг, отстранение, деконструкция). Подчеркивается, что антиномичность является одной из основных характеристик текстов культуры. Понятия сдвига, отстранения и деконструкции, разработанные в XX в., не утратили значения для анализа текста современной культуры и трансформируются в исследовательские практики работы с ним. Анализ функционирования текстов культуры позволяет определить: методологическое значение, состоящее в диалектике творчества и сотворчества как необходимых условий анализа текстов культуры; мировоззренческий

аспект изменения представлений о картине мира, отраженной в текстах культуры; семантический аспект, формирующий новые смыслы культуры.

Ключевые слова: исследовательские практики, методология, текст культуры, современная культура, системно-синергетический подход.

Понимание культуры как текста – характерная черта современной гуманитарной науки. Еще постмодернизм XX в., отрицая идею классической философии о непосредственном включении познающего субъекта в объективную действительность, акцентировал опосредованность бытия языком, обозначил текст как безграничную «абсолютную тотальность» (Ж. Деррида) и произвел замещение онтологии культуры текстом и письмом. Провозглашенная Р. Бартом ситуация «смерти автора» имела в качестве своей предпосылки понимание того, что письмо является специфической областью неопределенности, в которой теряется субъективность и самотождественность пишущего.

Актуальность данного исследования состоит в обосновании практик, которые способствуют анализу текстов современной культуры, определению их методологического значения с целью выявления наиболее адекватных способов интерпретации текстов культуры.

Сложность анализа культуры как текста заключается в ряде моментов: современность как тип культуры не завершена, что порождает определенные методологические сложности при ее изучении [13] [14] [19]; формируется новая выразительность культурных форм как отражение сложной взаимосвязи человека и мира [5] [16]. Изменяющийся характер современности отмечает М. М. Бахтин [1, с. 44]. В этом заключается особенность современной культуры, находящейся в области становления, процессуальности. Понятие «практика», вынесенное в название статьи, подчеркивает культурфилософский смысл текстов как результатов целенаправленной деятельности по созданию новой реальности, новых способов освоения мира человеком, направленных на преобразование общекультурного потенциала [8].

Целью статьи является анализ культуры как сложноорганизованного текста, состоящего из антиномий, которые формируют такие исследовательские практики, как сдвиг, остранение и деконструкция. Разработанные еще в XX в., они формируют исследовательские дискурсы и не утратили значения для анализа текста современной культуры.

Определение методологии является важным для объективации результата самопознания науки. Осмысление вопросов философии культуры неразрывно связано с принципом междисциплинарности.

В качестве основного методологического принципа исследования выделим системно-синергетический подход в философии культуры [2]. Значение данного подхода заключается в том, что он отражает парадигмальные изменения, произошедшие в современном гуманитарном знании, объединяет исследовательский материал, накопленный различными науками для объяснения культуры.

Системно-синергетический подход показывает перспективность анализа текстов культуры в виде онтологических рефлексивных процессов [4].

Методами данного исследования являются: сравнительно-исторический, определяющий взаимосвязи текста и контекста культуры; интертекстуальный, выявляющий смысловые основы текстов культуры; «проективный», обосновывающий «новый язык» и экспериментальные практики анализа текстов современной культуры [13].

Новизна исследования заключается в акцентировании проблемы общекультурных аспектов понятий «сдвиг», «остранение» и «деконструкция» для описания и интерпретации современных текстов культуры (философских, художественных, мифологических и др.).

Выше отмечалось, что методология системно-синергетического подхода ориенти-

рована на объяснение изменяющихся текстов современной культуры и не может быть представлена как законченная. Для описания современной культуры более подходящим является понятие «открытое произведение» (У. Эко), которое одновременно обозначает и результат (фиксированный текст, данность), и процесс (становящийся текст). Отметим, что эта изначальная двойственность является характеристикой любой культуры [9].

Выделим идею антиномичности, которая является отражением противоречивости процесса познания, как одну из основополагающих в гуманитарных науках. Антиномии фиксируют разделение бытия на бытие субъекта и объекта. Однако задача современного исследователя культуры заключается не в противопоставлении, а в определении внутренней связи антиномических суждений. В культуре Нового времени находим множество примеров антиномий Р. Декарта, Г.-В. Лейбница, И. Канта и др. Общим для философов при вариативности взглядов было не только понимание антиномий как синтеза противоречивых суждений, но и восхождение над этими суждениями, обретение нового смысла. Для определения объединяющего начала С. Франк использует понятие «антиномический монодуализм», А. Лосев через антиномии как метод исследования определяет содержание мифа, имени, символа.

Исследователь русского формализма О. Ханзен-Лёве, анализируя традиции тартуско-московской семиотической школы, развивает идею интермедийности русской культуры для доказательства корреляций между текстами различных видов искусства. Относительно антиномий он отмечает, что «речь идет не о вертикальной и не горизонтальной трансмиссии информации или энергий, но об опосредовании тезиса и антитезиса в таком синтезе, где противоречия не должны сливаться или исчезнуть, но должны именно “сниматься”» [10].

Комплекс идей, который составляет смысловое ядро методологии, направлен на анализ изменений предмета и метода научного исследования текстов культуры. Ориентированность на проблемность такого знания выражает присутствие противоречивых си-

туаций, альтернативных суждений. Они отражают и традиционные оппозиции (внутреннее–внешнее, форма–содержание, единичное–общее и др.), и современные их варианты (норма–аномалия, различие–повторение, логическое–алогическое и др.). Среди антиномий (как внутренне необходимых, но исключающих друг друга атрибутивных суждений) применительно к культуре как тексту следует выделить словесность–иконичность, устность–письменность, вербальность–невербальность и др. Итак, в качестве основной характеристики современных текстов культуры мы выделяем антиномичность.

Основными практиками анализа текстов культуры являются, на наш взгляд, сдвиг, остранение и деконструкция. Они нарушают установленные классической парадигмой нормы и понимаются в синергетической модели как *иное* порядка.

Большое значение понятию «сдвиг» придавали теоретики и практики авангарда, прежде всего кубофутуристы для обозначения особого приема в процессе создания новых текстов в изобразительном искусстве и литературе. Обновление языка в авангарде приводило к созданию нового смыслового пространства, в котором текст мог пониматься по-разному, но он нарушал норму, установленную в языке. На изменение мировоззренческого статуса сдвига указывает О. Ханзен-Лёве: «Объем этого понятия, – пишет он, – расширился настолько, что оно, в своем всеобъемлющем значении, вобрало в себя все конститутивные и конструктивные принципы искусства авангарда...» [10, с. 325]. Сдвиг, изначально понимаемый и трактуемый как дисгармония и нарушение нормы в искусстве, приобретает значение художественного приема и, наконец, становится практикой работы с текстами современной культуры.

Акцентируем проблему трансформации сдвига от эстетическо-графического аспекта порождения текста (тире, перенос при письме, наложение плоскостей при изображении) до современной практики анализа текста (создание нового смысла как перенос значений; синтез выразительных возможностей видов искусств, объединяющий графическую изобразительность текста и текстуально-вер-

бальную выразительность изобразительного искусства). Понимание сдвига как практики анализа текстов распространяется не только на искусство, так как исследователи отмечают проблему концептуальных сдвигов в познании [8, с. 188–201].

Почему именно авангард обозначил проблему сдвига? Ответом на этот вопрос является изменение стиля мышления в данный период. Понимание приема в качестве соединяющего части и целое в их воздействии на реципиента, идущее еще от Аристотеля, в XX в. трактуется как интенциональная направленность на предмет исследования. Так, например, анализируя философию Э. Гуссерля, Г. Шпет использует понятие «установка» для обозначения «перемещения устремления “зрения”, путем иной, как он сам говорит, “установки”» [12, с. 22]. Это означает, что кардинально меняется онтология взгляда на предмет изучения текстов культуры, которые формируются как процессуальность в плане их незавершенности. В этой связи отметим, что онтологический подход к рассмотрению текста не только приобретает значение методологического аспекта, но и определяет аспект содержательности, который заключается в том, что тексты культуры являются отражением картины мира.

Следует выделить уровни применения сдвига в практике анализа текстов культуры: во-первых, онтологический, свидетельствующий о специфике бытования данного текста в культуре; во-вторых, семантический, определяющий изменения в структуре текста; в-третьих, рецептивное нарушение ассоциативной идентификации; в-четвертых, эстетический, определяющий выразительные формы текста. Понимание сдвига в качестве практики работы с текстом дает современному исследователю возможность конструктивного анализа текстов культуры и их моделирования.

Дальнейшая логика анализа текста ведет к осмыслению понятия «остранение», которое является не только литературоведческим термином, но и центральным для анализа культуры. Известно, что данный термин ввел в научный оборот В. Шкловский для объяснения эстетико-философских аспектов

искусства. В широком смысле остранение характеризует любую практическую и теоретическую деятельность, в которой изменяется «оптика» взгляда на привычные формы восприятия или познания. В работе «Русский формализм» О. Ханзен-Лёве сравнивает процесс остранения с очками, которые делают предмет изучения непривычным для восприятия с точки зрения культурной нормы [11, с. 12]. Отказ от логической причинности, синергетически понятая процессуальность изменяют представление человека о культуре и порождают игровое отношение к «вновь увиденному». Так, М. Эпштейн использует понятие «остранение отстранения», характеризующее критическое и игровое отношение к самому остранению [13, с. 356].

Отметим смысловое единство остранения и понятия вненаходимости (М. Бахтин). Обращение к философской традиции М. Бахтина актуально для определения текста как результата деятельности субъекта (творца). Текст, создаваемый человеком, может быть представлен полноправным субъектом. Отсюда следует, что его понимание и интерпретация дают представления «мысли в мире», а не «о мире». Восприятие текстов культуры может рассматриваться в качестве полноценного метода познания, который определяет их духовную сущность. Тексты культуры открыты как системы и поэтому приобретают ценность для самих себя путем трансцендирования.

В качестве объединяющих для остранения и вненаходимости выделим: онтологическую определенность текста [7]; происходящие смысловые изменения, зафиксированные в тексте [3]; этико-эстетическую корреляцию содержания текстов культуры [15]. В конечном итоге, данные практики анализа текстов культуры направлены на переход от понимания «себя в мире» к «другому миру».

Диалектика «своего» и «другого» достаточно разработана в философии и может быть представлена двумя основными подходами: феноменологический (Э. Гуссерль, Ж.-П. Сартр, М. Хайдеггер) исходит из признания трансцендентного «я», формирующего «другого»; диалогическая философия (М. Бубер, М. Бахтин, Э. Левинас) признает событие «я» и «другого».

М. Мерло-Понти, например, определяет проблему «чужого» как «своего» [6]. Содержание вопроса состоит не только в неприятии, негативной оценке и присвоении «чужого», но понимается как процесс взаимодействия, результатом которого является со-бытие различных текстов в культуре. Текст «своей» культуры имеет упорядоченный и осмысленный характер, которому противостоит «чужая» культура, понимаемая как отклонение от нормы своей культуры, как антиномия своей культуры.

Таким образом, остранение как принцип в практике работы с текстом позволяет выявить его несоответствие норме и определить новое содержание. Существует и более значительное отличие, состоящее в том, что остранение в постмодернизме является не только сферой анализа текстов, но и целью творчества. Осмысление остраненных смыслов с необходимостью приводит к выстраиванию нового конструктивного смыслового ряда.

Постмодернизм на основании принципа деконструкции осуществил своеобразное освобождение от бинарных оппозиций, которые признаются как застывшие формы мышления. Используя терминологию Ж. Деррида, можно определить деконструкцию в качестве основной практики анализа текстов культуры, которая фиксирует становящийся характер культуры, аргументирующей сущностные моменты процесса становления.

Современная культура не только наследовала идеи постмодернизма, но и использовала их методологический потенциал для интерпретации текстов культуры [17] [18]. Следует разграничивать, по крайней мере, два значения текста: во-первых, как сугубо лингвистический феномен; во-вторых, в общекультурном смысле как отношение означаемого и означающего. Метод деконструкции, предложенный постмодернистами, направлен не на разрушение, а на деконструкцию лингвистической интерпретации текста. Эвристичность постмодернистской методологии анализа текстов состоит в обосновании языка через логику различий. Это означает, что анализ соотношения языка и обозначаемых им феноменов приводит к обоснованию самостоятельного смыслового пространства, формирующего тексты культуры.

Текст культуры, с точки зрения системно-синергетического подхода, является многоаспектной проблемой. Рассмотренные практики его анализа (сдвиг, остранение, деконструкция) позволяют определить: методологическое значение, состоящее в диалектике творчества и со-творчества, понимаемых в качестве необходимых условий анализа текстов культуры; мировоззренческий аспект изменения представлений о картине мира, отраженной в текстах культуры; семантический аспект, приводящий к формированию новых смыслов культуры.

Marina V. LOGINOVA

Dr. Sci. (Theory and History of Culture), Prof.,
Ogarev Mordovia State University,
Saransk, Russian Federation,
marina919@mail.ru
ORCID: 0000-0003-1405-0976

Research Practices of the Text of Culture: A Methodological Aspect

Abstract. The aim of the article is to determine the methodological aspect of culture as a complexly organised text consisting of antinomies that shape research practices. The results of research of domestic and foreign philosophers, culturologists and literary critics are used. The work uses a systemic-synergetic approach that denies the understanding of culture as a complete and closed system. The basic practices of analysis of cultural texts (shift, defamiliarisation, deconstruction) are considered; the problems of general cultural aspects of the corresponding concepts at the description and interpretation of modern cultural texts are highlighted. It is emphasised that the antinomy of modern culture

has methodological significance for the humanities. Specific features of antinomies are revealed: they divide being into beings of subject and of object; reflect both traditional oppositions (internal – external, form – content, individual – general, etc.) and their modern variants (norm – anomaly, difference – repetition, logical – alogical, etc.); violate the norms established by the classical paradigm and are understood as a different order. The shift's application levels in the analysis of cultural texts (ontological, semantic, receptive, and aesthetic) are highlighted. It has been established that defamiliarisation is a central concept of culture as it characterises any practical and theoretical activity in which the “optics” of the view on the usual forms of perception or cognition changes. Defamiliarisation as a research practice reveals the inconsistency of cultural texts with the norm; defines the new content of cultural texts; in postmodernism, it is the goal of creativity. It is determined that the significance of the practice of deconstruction for the analysis of the text is not its destruction, but the deconstruction of its linguistic interpretation. The heuristicity of the postmodern methodology of text analysis is to substantiate language through the logic of differences. Shift, defamiliarisation, and deconstruction are transformed into research practices of working with cultural texts. The systemic-synergetic approach determines the meaning of these practices for the analysis of cultural texts as a developing text. The analysis of the functioning of cultural texts allows determining the methodological meaning, consisting in the dialectic of creativity and co-creation as necessary conditions for the analysis of cultural texts; the worldview aspect of changing ideas about the picture of the world reflected in the texts of culture; the semantic aspect, leading to the formation of new meanings of culture.

Keywords: research practices, methodology, text of culture, modern culture, systemic-synergetic approach.

Использованная литература:

1. Бахтин М. М. Литературно-критические статьи. М.: Худож. лит., 1986.
2. Каган М. С. Эстетика как философская наука. СПб.: Петрополис, 1997.
3. Лекторский В. А., Аршинов В. И., Кузнецов В. Ю., Пружинин Б. И. Постнеклассическая наука и социокультурный контекст // Вестник Российской академии наук. 2016. Т. 86. № 8. С. 745–753. DOI: 10.7868/S0869587316080077.
4. Логинова М. В. Методологическое значение онтологического подхода для философии искусства // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. 2018. Т. 8. № 1. С. 124–137. DOI: 10.15293/2226-3365.1801.08.
5. Логинова М. В. Онтология выразительных форм в культуре // Вестник Мордовского университета. 2014. Т. 24. № 4. С. 207–215. DOI: 10.15507/VMU.024.201403.207.
6. Мерло-Понти М. Феноменология восприятия. СПб.: Ювента: Наука, 1999.
7. Пикеринг Э. Новые онтологии // Логос. 2017. Т. 27. № 3. С. 153–172. DOI: 10.22394/0869-5377-2017-3-153-170.
8. Постнеклассические практики: опыт концептуализации / РАН, Ин-т философии. СПб.: Миръ, 2012.
9. Противоположности и парадоксы (Методологический анализ) / РАН, Ин-т философии. М.: Канон+, 2008.
10. Ханзен-Лёве О. А. Интермедальность в русской культуре: От символизма к авангарду. М.: РГГУ, 2016.
11. Ханзен-Лёве О. А. Русский формализм: Методологическая реконструкция развития на основе принципа остранения. М.: Языки русской культуры, 2001.

References:

1. Bakhtin, M.M. (1986) *Literaturno-kriticheskie stat'i* [Literary-Critical Articles]. Moscow: Khudozh. lit.
2. Kagan, M.S. (1997) *Estetika kak filosofskaya nauka* [Aesthetics as a Philosophical Science]. St. Petersburg: Petropolis.
3. Lektorsky, V.A. et al. (2016) Postneklassicheskaya nauka i sotsiokulturnyy kontekst [Postnonclassical Science and Sociocultural Context]. *Vestnik Rossiyskoy akademii nauk – Herald of the Russian Academy of Sciences*. 86 (8). pp. 745–753. DOI: 10.7868/S0869587316080077
4. Loginova, M.V. (2018) Methodological Concern of Ontological Approach Towards Philosophy of Art. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Novosibirsk State Pedagogical University Bulletin*. 8 (1). pp. 128–137. (In Russian). DOI: 10.15293/2226-3365.1801.08
5. Loginova, M.V. (2014) Ontology of Expressive Forms in Culture. *Vestnik Mordovskogo universiteta – Mordovia University Bulletin*. 24 (4). pp. 207–215. (In Russian). DOI: 10.15507/VMU.024.201403.207
6. Merleau-Ponty, M. (1999) *Fenomenologiya vospriyatiya* [Phenomenology of Perception]. Translated from French. St. Petersburg: Yuventa; Nauka.
7. Pickering, A. (2017) New Ontologies. *Logos*. 27(3). pp. 153–172. (In Russian). DOI: 10.22394/0869-5377-2017-3-153-170
8. Arshinov, V.I. & Astaf'eva, O.N. (eds) (2012) *Postneklassicheskie praktiki: opyt kontseptualizatsii* [Postnonclassical Practices: An Experience of Conceptualisation]. St. Petersburg: Izdatel'skiy dom “Mir”.

12. Шпет Г. Явление и смысл: Феноменология как основная наука и ее проблемы. М.: Гермес, 1914.
13. Эпштейн М. Проективный словарь гуманитарных наук. М.: НЛО. 2017.
14. Bykova M. F. On the Phenomenological Philosophy in Russia // *Russian Studies in Philosophy*. 2016. № 54. P. 1–7. DOI: 10.1080/10611967.2016.1198657.
15. Eynine S. J. Ready-Mades: Ontology and Aesthetics // *British Journal of Aesthetics*. 2013. Vol. 53. No. 4. P. 407–423. DOI: 10.1093/aesthj/ayt033.
16. Hainge G. Art Matters: Philosophy, Art History and Art's Material Presence // *Culture, Theory and Critique*. 2016. Vol. 57. Issue 2. P. 137–141. DOI: 10.1080/14735784.2016.1161903.
17. Rakowski R. Postmodernism as infinite diversity // 2019. *Filosoficky Casopis*. 67(2). P. 227–240.
18. Roberts D. D. Postmodernism, social science, and history: Returning to an unfinished agenda // *History and Theory*. 2017. 56(1). P. 114–126. DOI: 10.1111/hith.12008.
19. Rueda L. S. Ontology of Events vs. Ontology of Facts: About the Current Fissures between the Continental and Analytic Traditions // *Journal of the British Society for Phenomenology*. 2006. № 37. P. 120–137. DOI: 10.1080/00071773.2006.11006576.
9. Gerasimova, I.A. (ed.) (2008) *Protivopozhnosti i paradoksy (metodologicheskij analiz)* [Opposites and Paradoxes (Methodological Analysis)]. Moscow: Kanon+.
10. Hansen-Love, A.A. (2016) *Intermedialnost' v russkoy kul'ture: Ot simbolizma k avangardu* [Intermediality in Russian Culture. From Symbolism to the Avant-Garde]. Moscow: RSUH.
11. Hansen-Love, A.A. (2001) *Russkij formalizm: Metodologicheskaya rekonstruktsiya razvitiya na osnove printsipa ostraneniya* [Russian Formalism: Methodological Reconstruction of Development Based on the Principle of Estrangement]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury.
12. Shpet, G.G. (1914) *Yavlenie i smysl: fenomenologiya kak osnovnaya nauka i ee problema* [Phenomenon and Meaning: Phenomenology as the Main Science and Its Problem]. Moscow: Germes.
13. Epshtein, M.N. (2017) *Proektivnyy slovar' gumanitarnykh nauk* [Projective Dictionary of the Humanities]. Moscow: NLO.
14. Bykova, M.F. (2016) On the Phenomenological Philosophy in Russia. *Russian Studies in Philosophy*. 54. pp. 1–7. DOI: 10.1080/10611967.2016.1198657
15. Eynine S.J. (2013) Ready-Mades: Ontology and Aesthetics. *British Journal of Aesthetics*. 53(4). pp. 407–423. DOI: 10.1093/aesthj/ayt033
16. Hainge, G. (2016) Art Matters: Philosophy, Art History and Art's Material Presence. *Culture, Theory and Critique*. 57(2). pp. 137–141. DOI: 10.1080/14735784.2016.1161903
17. Rakowski, R. (2019) Postmodernism as infinite diversity. *Filosoficky Casopis*. 67(2). pp. 227–240.
18. Roberts, D.D. (2017). Postmodernism, social science, and history: Returning to an unfinished agenda. *History and Theory*. 56(1). pp. 114–126. DOI: 10.1111/hith.12008
19. Rueda, L.S. (2006) Ontology of Events vs. Ontology of Facts: About the Current Fissures between the Continental and Analytic Traditions. *Journal of the British Society for Phenomenology*. 37. pp. 120–137. DOI: 10.1080/00071773.2006.11006576

Полная библиографическая ссылка на статью:

Логинава М. В. Исследовательские практики текста культуры: методологический аспект / М. В. Логинава // *Наследие веков*. – 2022. – № 1. – С. 47–53. DOI: 10.36343/SB.2022.29.1.004

Full bibliographic reference to the article:

Loginova, M. V. (2022) Research Practices of the Text of Culture: A Methodological Aspect. *Nasledie vekov – Heritage of Centuries*. 1. pp. 47–53. (In Russian). DOI: 10.36343/SB.2022.29.1.004

МОСКОВЧУК Любовь Сергеевна

кандидат философских наук, доцент кафедры философии
Санкт-Петербургского государственного электротехнического
университета «ЛЭТИ»,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

Lyubov S. MOSKOVCHUK

Cand. Sci. (Theory and History of Culture), Assoc. Prof.,
Saint Petersburg Electrotechnical University "LETI",
Saint Petersburg, Russian Federation,
lsmoskovchuk@etu.ru

УДК: [[316.732+316.734]:17]:[351.853.1+502.8]
ГРНТИ: 13.11.44
ВАК: 24.00.01

DOI: 10.36343/SB.2022.29.1.005

Культурная апроприация как этическая проблема в контексте сохранения культурного наследия

Cultural Appropriation as an Ethical Problem in the Context of Cultural Heritage Preservation

Статья посвящена определению границы между культурной апроприацией и культурным признанием; в качестве источников используются результаты исследований из различных областей гуманитарного знания (культурологии и теории культуры, эстетики, этики, лингвистики, теории моды), а также законодательные акты. Проанализированы сферы общественной жизни, в которых достаточно широко осуществляется процесс культурной апроприации в условиях глобализирующегося мира. Указывается на значение культурного наследия для связи с прошлым и на травматичность его помещения в неподобающий контекст. Выделены четыре подхода к обсуждению проблемы культурной апроприации: экономический, социально-политический, юридический, эстетический и этический. Определено, что смещение дискурса с экономических, социально-политических и эстетических вопросов культурной апроприации в сторону этики дискурса позволит избежать ситуативности и выработать универсальные критерии этичности межкультурной коммуникации.

Ключевые слова: культурная апроприация, культурный обмен, динамика культуры, этика межкультурной коммуникации, этика дискурса, Ю. Хабермас.

Современный мультикультурный мир, несмотря на непрекращающуюся борьбу с любыми видами национальной дискриминации, продолжает сталкиваться со сложно решаемыми

проблемами, вызывающими острые общественные дискуссии. Одна из таких актуальных проблем — определение границы между культурной апроприацией и культурным при-

знанием. Необходимость комплексного и системного анализа культурной апроприации средствами философии продиктована сложностями, связанными с отсутствием четкого определения культурной апроприации и единой системы необходимых и достаточных ее признаков, которые бы позволили отделить добросовестное обращение с культурным наследием от недобросовестного. Излишняя радикальность в определении границ допустимого по отношению к иным, недоминирующим культурам может привести к мумификации и потере интереса (с возможным последующим забвением) к их наследию, а излишняя либерализация — к ее коммодификации и реификации. Представляется, что решить эту дихотомию возможно исключительно в парадигме диалогической этики, отказавшись от монополизации истины и культуры как со стороны тех, кто оценивает культурную апроприацию в негативных терминах, так и со стороны тех, кто отрицает негативные последствия культурного захвата.

Актуальность рассмотрения феномена культурной апроприации в широком культурологическом и этико-философском аспектах продиктована недостаточным числом системных и концептуальных исследований, ставящих перед собой цели не просто описать исследуемый феномен, но провести структурный и функциональный анализ культурной апроприации в широком контексте. В качестве источниковой базы исследования были отобраны репрезентативные примеры проявления культурной апроприации из мира моды, массовой культуры, повседневных практик, арт-проекты, направленные на осмысление и преодоление культурной апроприации, а также реакция на рассматриваемые случаи в средствах массовой информации и социальных сетях. В качестве теоретико-методологической базы использованы работы исследователей культурной апроприации из широкого спектра областей гуманитарного знания: культурологии и теории культуры [11] [15] [23] и др., эстетики [18], этики [9] [12], лингвистики [1] [7] [8] и др., теории моды [5], а также законодательные акты [3] [6].

В ходе исследования был применен комплексный междисциплинарный под-

ход, базирующийся на традиционных методах гуманитарных и общественных наук (сравнительный и типологический методы, контент-анализ). Отличительной особенностью представленного исследования выступает применение диалогического этического подхода для анализа культурных явлений. В основе диалогического этического подхода лежат идеи диалогической этики Ю. Хабермаса. Использование методологии диалогической этики позволяет рассматривать обращение с культурным наследием как коммуникативный акт, в котором обе стороны (культура-донор и культура-апроприатор) должны соблюдать определенные этические принципы, чтобы избежать или преодолеть негативные последствия межкультурного взаимодействия.

В широком значении культурная апроприация определяется как копирование или использование этнических обычаев, традиций, элементов материальной культуры какого-либо коренного народа или этнического меньшинства представителями другой, обычно доминирующей культуры или нации. Иными словами, культурная апроприация — это присвоение чужой культуры. Первые работы по оценке обозначенного явления появились в искусствоведении как попытка оценить заимствования культурных элементов колонизированных народов, поэтому наряду с культурной апроприацией использовался термин культурной колонизации [13] [23]. Постепенно под этим термином стало пониматься любое использование культурных символов и элементов субъектом, не принадлежащим к культуре-донору, такое определение, например, дает Phyllis Pearson [18, p. 1286]. Подобное расширительное толкование позволяет рассматривать в качестве примеров культурной апроприации не только заимствования из экзотических культур, но и заимствования современной массовой культурой языковых единиц, символов и знаков других исторических эпох (например, коммерциализация советского наследия, использование шедевров искусства в бытовой сувенирной продукции) и других культур (коммерциализация религиозных символов или символов воинской славы). И именно широкого пони-

мания культурной апроприации мы будем придерживаться в данной работе. В качестве подтверждения возможности такого расширительного толкования культурной апроприации можно привести фотосъемку в 2016 г. модели Кендалл Дженнер в образе балерины, после которой танцоры и артисты балета обвинили ее в культурной апроприации [17].

В русскоязычном научном дискурсе наиболее подробно анализ культурной апроприации представлен в лингвистических работах в контексте исследования языковых процессов (см., например: [1] [2] [4] [7] [8] и др.). В рамках этого подхода культурная апроприация отражает процессы интеграции и глобализации современного мира и представляет собой заимствование языковых единиц (морфем, лексем, словосочетаний и т.д.), поэтому ее часто называют лингвистической апроприацией [8], или культурой апроприации заимствований [1]. За этим термином, с одной стороны, могут скрываться этически-нейтральные заимствования с последующим превращением этих иноязычных «пришельцев» в типичных представителей нового языкового пространства (пиар-кампания, флешка, диссергейт и др.), то есть в результате такого заимствования языковые единицы становятся элементами нового для них культурного мира. С другой стороны, лингвистическая апроприация может обозначать неоднозначный со стороны этической оценки процесс заимствования специфических слов, выражений или значений из языков национальных меньшинств или диалектов, при котором часто не только искажается первоначальное значение языковой единицы, но и усиливаются негативные этнические стереотипы. Например, слово «Uppity» («спесивый, наглый») появилось в словаре афроамериканцев в конце XIX в. и использовалось ими в адрес своих братьев, которые казались им наглыми и нахальными. Но в речи белых американцев это слово впоследствии приобрело расистскую коннотацию, так как подразумевало выходца из Африки, который «не знает своего места» [8]. Отличительной чертой российских публикаций будет общая нейтральность в оценке и позиция стороннего наблюдателя лингвистических процессов. Культурная апроприация в целом в россий-

ском научном дискурсе не получила столь масштабного осмысления, как это происходило и происходит в западной традиции.

Интенсификация межкультурного взаимодействия в современном глобальном мире привела к тому, что европейцы ловко обращаются с бамбуковыми палочками, наслаждаясь суши, дреды оказываются частью молодежной субкультуры, а рэп-группы превращаются в мультинациональное явление. Все это часто становится предметом бурных общественных дискуссий и причиной межэтнического напряжения. Объектом апроприации могут выступать как национальная одежда и кулинарные традиции, так и религиозные символы и атрибуты. Иными словами, объектом культурной апроприации может стать любая составляющая материального и нематериального культурного наследия, значимая как культурная память для этноса или субкультуры.

В качестве апроприатора могут выступать как обычные люди, так и деятели культуры и целые коммерческие индустрии. Особенно часто обвинения в культурной апроприации подвергаются модные дома, как это было в случае с Gucci из-за сикхских тюрбанов на модном показе, и звезды шоу-бизнеса (Мадонна из-за образа гейши, Ким Кардашьян за афрокосички и др.). Однако статус и известность апроприатора не влияет напрямую на степень огласки и градус общественной дискуссии. Так, резкий раскол общественного мнения вызвала американка Кезайя Дэум, выложившая фотографию со своего выпускного в традиционном китайском платье ципао. Часть пользователей социальных сетей осудили неуместную карнавализацию ципао, заявив, что «моя культура — это не твоё чертово выпускное платье» (здесь и далее перевод наш. — Л. М.), другая часть (в том числе и китайцы) встала на сторону «красивой девушки в красивом платье» [10] [16].

Интерес к теме культурного захвата, несомненно, связан с дискурсом деколонизации и борьбой этнических меньшинств за свои права, однако не меньшего внимания заслуживает проблематичность признания культурного наследия в качестве такового в массовом сознании и сложность в определении принадлежности авторских прав культурного наследия.

Согласно концепции ЮНЕСКО, культурное наследие не ограничивается памятниками и коллекциями предметов, а включает также разнообразные традиционные практики — все то, что формирует чувство идентичности и преемственности, обеспечивая связь с прошлым через настоящее в будущее [6]. Именно эта значимость для культурной идентификации делает столь травматичным помещение культурного наследия в неподобающий контекст и вызывает столь бурное обсуждение. Многие элементы традиционных культур воспринимаются сторонними представителями исключительно в категориях экзотичности и декоративности в силу отсутствия навыка видеть и дешифровать семиотические коды иных культур. Такая недостаточная культурная экспертиза и служит причиной противостояния между «культурными захватчиками» и культурами-донорами.

Приведем показательный пример с Карди Би, американской хип-хоп исполнительницей, которая снялась для обложки «Footwear News» в образе индуистской богини Дурги со спортивной обувью в руках. После обвинений в культурном захвате она оправдывалась тем, что ее привлек образ богини, олицетворяющей силу, женственность и освобождение — все то, с чем себя ассоциирует сама исполнительница: «Если люди думают, что я оскорбила их культуру или религию, то я хочу сказать, что мне очень жаль — это не входило в мои намерения. Мне не нравится проявлять неуважение к религии людей, мне бы не хотелось, чтобы кто-то проявлял неуважение к моей религии, одеваясь как Дева Мария или Иисус, но если они делают это красиво и грациозно, то я не чувствую себя оскорбленной». Но высказанная позиция не отменяет того факта, что недостаток знаний об индуизме не позволил увидеть Карди Би и организаторам фотосъемки неуместность кроссовки в образе богини, ведь как заметил один из подписчиков — мы оставляем обувь при входе в храм [22].

Получается, что именно дискуссии вокруг спорных случаев способствуют расширению знаний о культурном наследии и его сохранению, но не сами случаи заимствования, как это утверждают персоны или бренды, обвиняемые в апроприации. Благодаря при-

влечению внимания общественности к неправомерному использованию культурных символов происходит актуализация традиций, но отказ от осуждения и обсуждения культурной апроприации может повлечь за собой растворение разнообразия культурного наследия в плавильном котле глобализации.

Культурная апроприация отличается от культурного обмена неуважением к заимствованному элементу и контексту, в котором этот элемент используется в родной культуре. Негативную реакцию вызывает не только обесценивание и секуляризация заимствованного культурного элемента, но и тот факт, что, «превратившись в модные тренды и став востребованными, заимствованные или присвоенные атрибуты “низших” культур приносят финансовую прибыль носителям доминирующей культуры» [8, с. 140]. Отсутствие автора у традиционного наследия делает проблематичным защиту интеллектуальных прав со стороны этноса.

Согласно ст. 31 «Декларации ООН о правах коренных народов», «коренные народы имеют право на сохранение, контроль, охрану и развитие своего культурного наследия... а также проявлений их научных знаний, технологий и культуры, включая... традиции устного творчества, литературные произведения, рисунки, спорт и традиционные игры и изобразительное и исполнительское искусство. Они имеют также право на сохранение, контроль, защиту и развитие своей интеллектуальной собственности на такое культурное наследие, традиционные знания и традиционные формы выражения культуры» [3]. Это право позволяет на законодательном уровне защищать интересы этносов и их культурное наследие. Так, в 2019 г. правительство Мексики обвинило модельера Каролину Эрреру (Carolina Herrera) в культурной апроприации за использование мексиканских традиционных узоров в коллекции. Модный дом был обвинен в том, что «одежда была сделана “без разрешения, уважения или экономической выгоды” для общин, которые ее делают» [21]. Причем это был первый случай, когда свой протест выразил политический институт, а не задетая за живое общественность. Более того, после этого инцидента был внесен законо-

проект, направленный на защиту национального достояния от плагиата. В июне 2021 г. Мексика продолжила свою политику по защите культурного наследия, направив протест в адрес «Zara», «Anthropologie» и «Patowl» из-за вышивки. В документе заявлялось, что бенефициарами должны быть коренные общины, а не транснациональные компании, использующие традиционные символы и техники [20]. Аналогичной тактики в области законодательной защиты национального наследия от неправомерного использования придерживаются Новая Зеландия, Австралия, Панама. Также серьезные дискуссии разворачиваются в Финляндии и Скандинавии вокруг коммерческого использования культурного наследия саамов, когда люди, далекие от саамской культуры, используют сакральные мотивы в модной одежде, нарушая принятые каноны [15].

Культурная апроприация — достаточно сложная прикладная проблема для профессий, связанных с производством и использованием культурных символов: межкультурной коммуникации, рекламы, модной и музыкальной индустрии. Сложность этой проблемы заключается в отсутствии границ между порицаемым культурным захватом и одобряемым культурным обменом, которые бы однозначно трактовались всеми участниками дискуссии. Часто подвергается сомнению и сама негативная оценка культурной апроприации. Желание в любых культурных заимствованиях увидеть захват и колонизацию иногда оценивается как монополизация культуры, наносящая вред межкультурному диалогу и обмену. Так, Майкл Ф. Браун видит одинаковую опасность и в «приватизационной логике мировых корпораций», и в аналогичном подходе к культуре со стороны коренных этносов [11, р. 7]. Таким образом, люди, по роду своей профессиональной деятельности использующие культурные символы, находятся в зоне постоянного риска быть обвиненными в культурной колонизации.

Участники дискуссий о статусе и оценке культурной апроприации чаще всего апеллируют к таким базовым этическим категориям, как справедливость и уважение, поэтому, как нам кажется, проблема установления границ

дозволенного должна решаться не в экономическом (обсуждение выгодоприобретателей), социально-политическом (обсуждение проблем культурной и национальной автономии, идентичности, сепарации, угнетения), юридическом (обсуждение имущественных и интеллектуальных прав на культурное достояние) или эстетическом плане (обсуждение проблемы в категориях оригинала и подделки), а в этическом. Наиболее эффективным в данном контексте представляется обращение к этике дискурса Ю. Хабермаса и диалогической этике в целом.

Согласно Ю. Хабермасу, моральные нормы конституируются в ходе коммуникативных актов или интеракций, «в которых их участники согласуют и координируют планы своих действий; при этом достигнутое в том или ином случае согласие измеряется intersубъективным признанием притязаний на значимость» [9, с. 91]. В коммуникативных актах притязание на значимость, истинность или правильность достигается путем рационализации, в отличие от стратегических актов, в которых в качестве обоснования используется принуждение силой, угрозами или обещаниями.

В случае с культурной апроприацией вынесение судебных запретов, травля в социальных сетях и другие формы общественного активизма представляют собой стратегические акты, которые не способствуют выработке и принятию ценностей, разделяемых и принимаемых всеми сторонами конфликта. Этика дискурса позволяет рассматривать нормы не как навязываемые традицией или структурами власти, а как принимаемые в результате свободной и равноправной коммуникации, базирующейся на принципах всеобщности, автономности, идеального исполнения коммуникативных ролей, нейтральности власти и прозрачности намерений. Это означает, что к дискуссии о культурной апроприации должны допускаться обе стороны (апроприатор и апроприированный), которые в равной степени будут ориентированы не только на то, чтобы высказаться, но и на то, чтобы услышать противоположную сторону. Никто из допущенных к дискуссии не может использовать никаких форм принуждения или угроз

и не должен утаивать какие-либо факты или интересы.

Как указывает Джеффри Клемпнер в своем эссе «Этика диалога», «отношения “Я — Ты” означают: когда я вовлекаю другого человека в моральный диалог, происходит не два параллельных процесса практического обсуждения, его и моего, а только один. Открывая себя и обращаясь к другому как к себе, я уже привержен практическим последствиям соглашения, совершению действия, которое в объединенном свете его ценностной перспективы и моей рассматривается как то, что нужно сделать (цит. по [19, с. 21]).

Интересной попыткой применения теоретических положений этики дискурса на практике можно назвать художественный проект 2013 г. Санаа Хамид (Sanaa Hamid), названный «Cultural Appropriation: A Conversation» [14]. В нем британская художница-фотограф ставит перед собой две задачи: исследовать масштаб культурной апроприации и инициировать обсуждение этого вопроса, в котором и присваивающий, и присвоенное получили бы равные возможности для высказывания и защиты. Сохранение нейтралитета и отстранение от собственного политического и социального статуса — основа серии фоторабот Хамид, поэтому, чтобы избежать однобокости, автор приглашает к своему проекту всех желающих высказаться. На фотографиях представлены люди и их мнения относительно значимого для какой-то культуры символа. Например, на одном из снимков запечатлена девушка с украшением в виде креста, а под фото указано, что, по ее мнению, крест утратил большую часть своего религиозного значения, поэтому она рада его носить и не считает, что тем самым смеется над христианством. На парной фотографии представлена девушка-христианка, которая предлагает задуматься, зачем носить крест, позволяющий идентифицировать приверженность христианству, неверующему. Подобное сопоставление точек зрения позволяет освободиться от негативных ярлыков, снижает эмоциональный накал дискуссий и дает возможность зрителю стать рациональным соучастником выработки правил культурного взаимодействия.

Интересным примером одобряемой культурной апроприации может служить так называемая «олимпийская культурная апроприация» — обыгрывание в олимпийской парадной униформе ассоциаций, образов и символов, связанных с принимающей стороной Олимпийских игр. Как указывает Е. Кулиничева, «такая практика в олимпийском дизайне подразумевает использование предметов гардероба или аксессуаров, особенностей кроя, орнаментов и образов, цветов или цветовых сочетаний, которые воспроизводят представления о местных вестиментарных «специалитетах», как их понимают авторы того или иного костюмного комплекта, или отсылают к культурным стереотипам, существующим в отношении страны или региона» [5, с. 282]. Стоит подчеркнуть, что в данном феномене соблюдаются постулаты этики дискурса, гарантирующие бережное и уважительное обращение с культурным наследием: страна-донор дает свое согласие на интерпретацию культурных символов в очерченных рамках, а представители культуры-реципиента воспринимают чужие культурные символы не как источник обогащения, а как возможность продемонстрировать свое уважение к традициям и расширить знания о них. За счет широты олимпийской географии обеспечиваются равные шансы культур побывать как в роли доноров, так и в роли реципиентов. Для минимизации некорректного прочтения интерпретации многие дизайнеры формы прибегают к расшифровке своей концепции, обеспечивая тем самым принцип диалогизма и открытости.

Этика дискурса — путь гармонизации дискуссий о культурной апроприации, так как к ее сильным сторонам относится то, что она «не ослабляется ни конституированной природой истины и ценностей, ни культурным релятивизмом морали» [12, р. 108]. Проблема культурной апроприации важна для понимания и охраны культурного наследия в будущем, так как позволяет установить рамки допустимого в обращении с культурным наследием. Любое искажение культурного, сакрального, символического и аксиологического контекста при культурной апроприации наносит ущерб существованию культуры в виде десакрализации, коммерциализации и ком-

модификации памятников культуры (материальных и духовных). Смещение дискурса с экономических, социально-политических и эстетических вопросов культурной апропри-

ации в сторону этики дискурса позволит избежать ситуативности и выработать универсальные критерии этичности межкультурной коммуникации.

Lyubov S. MOSKOVCHUK

Cand. Sci. (Theory and History of Culture), Assoc. Prof.,
Saint Petersburg Electrotechnical University "LETI",
Saint Petersburg, Russian Federation,
lsmoskovchuk@etu.ru

Cultural Appropriation as an Ethical Problem in the Context of Cultural Heritage Preservation

Abstract. The article aims to define the boundary between cultural appropriation and cultural recognition. Results of studies of cultural appropriation from various fields of humanitarian knowledge – cultural studies and the theory of culture, aesthetics, ethics, linguistics, fashion theory, legislative acts – are used as sources. The basis of the methodology is a comprehensive interdisciplinary approach based on traditional methods of the humanities and social sciences (comparative and typological methods, content analysis) using a dialogic ethical approach to analyze cultural phenomena. The spheres of public life are analyzed, in which cultural appropriation is quite widely carried out in the conditions of a globalizing world. Specific examples of controversial situations that arose in the public sphere due to not quite correct cultural borrowings demonstrated by representatives of the world of fashion and show business are given. Turning to the topic of cultural heritage appropriation, the author points out its importance for connection with the past and the traumatic nature of placing cultural heritage in an inappropriate context, reveals the cause of the contradictions arising from the inadequate use of the heritage of other cultures. The mechanism of cultural capture, which leads to the misuse of cultural symbols in the information space, is studied. The differences between cultural appropriation and cultural exchange are revealed, the need for legal protection of the rights of ethnic groups from the misuse of their cultural heritage is emphasized. The socio-cultural essence of the analyzed problem is determined, which consists in the absence of boundaries between the condemned cultural capture and the approved cultural exchange. According to the author, this issue should be solved in an ethical context by referring to the ethics of discourse by J. Habermas and dialogic ethics in general. The conditions for applying the ethics of discourse in solving problems related to cultural appropriation are established, and relevant examples are given. The author concludes that solving the problems associated with cultural appropriation is important for establishing the limits of what is acceptable in the treatment of cultural heritage. Distortion of the cultural context is fraught with desacralization, commercialization and commodification of monuments; therefore, the ethics of discourse will allow developing universal criteria for the ethics of intercultural communication.

Keywords: cultural appropriation, cultural exchange, cultural dynamics, ethics of intercultural communication, ethics of discourse, J. Habermas.

Использованная литература:

1. Активные процессы в языке интернета: лингвокогнитивный и прагматический аспекты / Т. Б. Радбиль, Е. В. Маринова, Л. В. Рацибурская [и др.]; под ред. Л. В. Рацибурской. М.: Нестор-История, 2019.
2. Гурова И. В. Гейт-лексемы в языке славянских масс-медиа // Филологические заметки. 2019. № 17. С. 83–89.

References:

1. Ratsiburskaya, L.V. (ed.) (2019) *Aktivnye protsessy v yazyke interneta: lingvokognitivnyy i pragmaticheskiy aspekty* [Active Processes in the Language of the Internet: Linguocognitive and Pragmatic Aspects]. Moscow: Nestor-Istoriya.
2. Gurova, I.V. (2019) Gate-Lexemes in the Language of Slavic Mass Media. *Filologicheskie zametki – Philological Studies*. 17. pp. 83–89. (In Russian).

3. Декларация Организации Объединенных Наций о правах коренных народов. [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/indigenous_rights.shtml (дата обращения: 01.12.2021).
4. Жуковская Л. И. Проблема культурной апроприации лексем менталитет и ментальность в языковой объективации концепта «менталитет / ментальность» в современной русской речи // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2018. № 4 (30). С. 60–67.
5. Кулиничева Е. «Культурная апроприация» как прием в современной олимпийской униформе: особенности использования и проблемы рецепции // Теория моды: одежда, тело, культура. 2020. № 55. С. 281–302.
6. Международная конвенция об охране нематериального культурного наследия [Электронный ресурс] // ЮНЕСКО. URL: <https://ich.unesco.org/en/what-is-intangible-heritage-00003> (дата обращения: 12.01.2022).
7. Радбиль Т. Б., Рацибурская Л. В. Словообразовательные инновации на базе заимствованных элементов в современном русском языке: лингвокультурологический аспект // Мир русского слова. 2017. № 2. С. 33–39.
8. Себрюк А. Н. Лингвистическая дискриминация и лингвистическая апроприация как примеры феномена двойственного сознания в США // Вестник НГУ. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. № 1. С. 134–148. DOI 10.25205/1818-7935-2019-17-1-134-148.
9. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб.: Наука, 2001.
10. Anyangwe E. There is no such thing as 'harmless' cultural appropriation, and we must call it out if we hope to fight systemic oppression. [Electronic Resource] // Independent. URL: <https://www.independent.co.uk/voices/cultural-appropriation-prom-dress-chinese-kezi-ah-daum-a8331326.html> (Date of Access: 12.01.2022).
11. Brown M. F. *Who Owns Native Culture?* Cambridge: Harvard University of Chicago Press, 2003.
12. Cedar T., Baker M., Bietti L., Détienne F., Nir E., Pallarès G., Schwarz B. Dialogue on Ethics, Ethics of Dialogue: Microgenetic Analysis of Students' Moral Thinking // Dialogue for Intercultural Understanding. Springer, 2021. P.103–117. DOI: 10.1007/978-3-030-71778-0_8
13. Coutts-Smith K., Some general observations on the problem of cultural colonialism // The Myth of Primitivism. London&NY: Routledge, 2005. P. 5–19.
14. Hamid S. Cultural Appropriation: A Conversation [Electronic Resource] // Cargo. URL: <https://cargocollective.com/sanaahamid/Cultural-Appropriation-A-Conversation> (Date of Access: 01.12.2021).
15. Kramvig B., Flemmen A. B. Turbulent Indigenous Objects: Controversies Around Cultural Appropriation and Recognition of Difference // Journal of Material Culture. 2019. Vol. 24. № 1. P. 64–82. DOI: 10.1177/1359183518782719.
16. Moon L. Chinese dress at US prom wins support in China after internet backlash [Электронный ресурс] // South China Morning Post. URL: <https://www.scmp.com/news/china/society/article/2144207/qipao-us-prom-wins-support-china-after-internet-backlash> (Date of Access: 12.01.2022).
17. Paese Gabrielle. Ballet appropriation? Kendall Jenner's Vogue Espana shoot sparks debate [Electronic Resource]. URL: <https://www.vogue.com/story/ballet-appropriation> (Date of Access: 01.12.2021).
3. UN. (2007) *Deklaratsiya Organizatsii Ob"edinennykh Natsiy o pravakh korennykh narodov* [United Nations Declaration on the Rights of Indigenous Peoples]. [Online] Available from: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/indigenous_rights.shtml (Accessed: 01.12.2021).
4. Zhukovskaya, L.I. (2018) The Problem of Cultural Appropriation of Lexems Mentalitet (Mindset) And Mentalnost (Mentality) In the Linguistic Objectivation of the Concept "Mentalitet (Mindset) / "Mentalnost (Mentality)" in Modern Russian Speech. *Znak: problemnoe pole mediaobrazovaniya*. 4 (30). pp. 60–67. (In Russian).
5. Kulinicheva, E. (2020) "Kul'turnaya apropriatsiya" kak priem v sovremennoy olimpiyskoy uniforme: osobennosti ispol'zovaniya i problemy retseptsii ["Cultural Appropriation" as a Technique in the Modern Olympic Uniform: Features of Use and Problems of Reception]. *Teoriya mody: odezhd, telo, kul'tura*. 55. pp. 281–302.
6. UNESCO. (2003) *Mezhdunarodnaya konventsiya ob okhrane nematerial'nogo kul'turnogo naslediya* [International Convention for the Safeguarding of the Intangible Cultural Heritage]. [Online] Available from: <https://ich.unesco.org/en/what-is-intangible-heritage-00003> (Accessed: 12.01.2022).
7. Radbil', T.B. & Ratsiburskaya, L.V. (2017) Derivative Innovations on the Basis of Adoption Elements in Modern Russian: Linguoculturological Aspect. *Mir russkogo slova – The World of Russian Word*. 2. pp. 33–39. (In Russian).
8. Sebryuk, A.N. (2019) Linguistic Discrimination and Linguistic Appropriation as the Examples of Double Consciousness in the U.S. *Vestnik NGU. Ser.: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya – Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*. 1. pp. 134–148. (In Russian). DOI: 10.25205/1818-7935-2019-17-1-134-148
9. Habermas, J. (2001) *Moral'noe soznanie i kommunikativnoe deystvie* [Moral Consciousness and Communicative Action]. Translated from English. St. Petersburg: Nauka.
10. Anyangwe, E. (2018) There is no such thing as 'harmless' cultural appropriation, and we must call it out if we hope to fight systemic oppression. *Independent*. [Online] Available from: <https://www.independent.co.uk/voices/cultural-appropriation-prom-dress-chinese-kezi-ah-daum-a8331326.html> (Accessed: 12.01.2022).
11. Brown, M.F. (2003) *Who Owns Native Culture?* Cambridge: Harvard University of Chicago Press.
12. Cedar, T. et al. (2021) Dialogue on Ethics, Ethics of Dialogue: Microgenetic Analysis of Students' Moral Thinking. In: Maine, F. & Vrikki, M. (eds) *Dialogue for Intercultural Understanding*. Springer. pp. 103–117. DOI: 10.1007/978-3-030-71778-0_8
13. Coutts-Smith, K. (2005) Some general observations on the problem of cultural colonialism. In: Hiller, S. (ed.) *The Myth of Primitivism*. London; NY: Routledge. pp. 5–19.
14. Hamid, S. (2021) *Cultural Appropriation: A Conversation*. [Online] Available from: <https://cargocollective.com/sanaahamid/Cultural-Appropriation-A-Conversation> (Accessed: 01.12.2021).
15. Kramvig, B. & Flemmen, A.B. (2019) Turbulent Indigenous Objects: Controversies Around Cultural Appropriation and Recognition of Difference. *Journal of Material Culture*. 24 (1). pp. 64–82. DOI: 10.1177/1359183518782719
16. Moon, L. (2018) Chinese dress at US prom wins support in China after internet backlash. *South China Morning*

Resource] // ESPN. URL: https://www.espn.com/espnw/voices/story/_/id/17650216/ballet-appropriation-kendall-jenner-vogue-espana-shoot-sparks-debate (Date of Access: 12.01.2022).

18. Pearson P. Cultural appropriation and aesthetic normativity // *Philos. Stud.* 2021. Vol. 178. P. 1285–1299. <https://doi.org/10.1007/s11098-020-01475-2>

19. Pinheiro C. M. G., Ribeiro I. M. The dangers in advertising analysis. The problem of false deceptive and the need of ethical advertising // *Альманах теоретических и прикладных исследований рекламы.* 2012. № 2 (4). С. 18–23.

20. Ritschel Ch. Mexico accuses fashion brands including Zara and Anthropologie of cultural appropriation [Electronic Resource] // *Independent.* URL: <https://www.independent.co.uk/life-style/zara-mexico-cultural-appropriation-anthropologie-b1857871.html> (Date of Access: 12.01.2022).

21. Spellings S. Mexican Government Accuses Carolina Herrera of Cultural Appropriation [Electronic Resource]. URL: <https://www.thecut.com/2019/06/mexico-accuses-carolina-herrera-of-cultural-appropriation.html> (Date of Access: 01.12.2021).

22. Young Sarah. 12 November 2020 Cardi B apologises for hindu-inspired photoshoot after being accused of cultural appropriation [Electronic Resource]. URL: <https://www.independent.co.uk/life-style/fashion/cardi-b-apology-hindu-cultural-appropriation-b1721628.html?r=77469> (Date of Access: 12.01.2022).

23. Ziff B. H., Rao P. V. *Borrowed Power: Essays on Cultural Appropriation.* NJ: Rutgers University Press, 1997.

Post. [Online] Available from: <https://www.scmp.com/news/china/society/article/2144207/qipao-us-prom-wins-support-china-after-internet-backlash> (Accessed: 12.01.2022).

17. Paese, G. (2016) *Ballet appropriation? Kendall Jenner's Vogue Espana shoot sparks.* [Online] Available from: https://www.espn.com/espnw/voices/story/_/id/17650216/ballet-appropriation-kendall-jenner-vogue-espana-shoot-sparks-debate (Accessed: 12.01.2022).

18. Pearson, P. (2021) Cultural appropriation and aesthetic normativity. *Philosophical Studies.* 178. pp. 1285–1299. DOI: 10.1007/s11098-020-01475-2

19. Pinheiro, C.M.G. & Ribeiro, I.M. (2012) The dangers in advertising analysis. The problem of false deceptive and the need of ethical advertising. *Альманах теоретических и прикладных исследований рекламы.* 2 (4). pp. 18–23.

20. Ritschel, Ch. (2021) Mexico accuses fashion brands including Zara and Anthropologie of cultural appropriation. *Independent.* [Online] Available from: <https://www.independent.co.uk/life-style/zara-mexico-cultural-appropriation-anthropologie-b1857871.html> (Accessed: 12.01.2022).

21. Spellings, S. (2019) Mexican Government Accuses Carolina Herrera of Cultural Appropriation. *The Cut.* [Online] Available from: <https://www.thecut.com/2019/06/mexico-accuses-carolina-herrera-of-cultural-appropriation.html> (Accessed: 01.12.2021).

22. Young, S. (202) Cardi B apologises for hindu-inspired photoshoot after being accused of cultural appropriation. *Independent.* [Online] Available from: <https://www.independent.co.uk/life-style/fashion/cardi-b-apology-hindu-cultural-appropriation-b1721628.html?r=77469> (Accessed: 12.01.2022).

23. Ziff, B.H. & Rao, P.V. (1997) *Borrowed Power: Essays on Cultural Appropriation.* NJ: Rutgers University Press.

Полная библиографическая ссылка на статью:

Московчук Л. С. Культурная апроприация как этическая проблема в контексте сохранения культурного наследия / Л. С. Московчук // *Наследие веков.* – 2022. – № 1. – С. 54–62. DOI: 10.36343/SB.2022.29.1.005

Full bibliographic reference to the article:

Moskovchuk, L. S. (2022) Cultural Appropriation as an Ethical Problem in the Context of Cultural Heritage Preservation. *Nasledie vekov – Heritage of Centuries.* 1. pp. 54–62. (In Russian). DOI: 10.36343/SB.2022.29.1.005

MUSEION: ВЫСТАВКИ, ФОНДЫ, КОЛЛЕКЦИИ

MUSEION: EXHIBITIONS, FUNDS, COLLECTIONS

ВОРОНИНА Ирина Владимировна

кандидат педагогических наук,
старший научный сотрудник отдела учета музейных фондов
Государственного историко-мемориального
музея-заповедника «Сталинградская битва»,
Волгоград, Российская Федерация

Irina V. VORONINA

Cand. Sci. (Theory and Methods of Training and Education),
State Historical and Memorial Preserve The Battle of Stalingrad,
Volgograd, Russian Federation,

virina6@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-6756-9192

УДК: 069.4:[069:355.422](470.45-25)194/201
ГРНТИ: 13.51.09
ВАК: 24.00.03

DOI: 10.36343/SB.2021.29.1.006

**Формирование фондовых
коллекций музея-заповедника
«Сталинградская битва»:
история, основные направления
и перспективы**

**The Formation of the Collection
of the State Historical and Memorial
Preserve The Battle of Stalingrad:
History, Main Directions
and Prospects**

В статье исследован процесс формирования фондовых коллекций музея-заповедника «Сталинградская битва» и выявлены их особенности. В результате анализа учетной документации, архивных данных, каталогов представлены основные этапы формирования фондов музея, установлены определяющие направления их комплектования за весь срок его деятельности (с 1936 г.), отмечены периоды наиболее активного пополнения фондовых коллекций. Выявлены виды и разновидности экспонатов, формирующих состав каждого из музейных фондов, описаны их существенные отличительные характеристики. Определены два направления комплектования фондов музея-заповедника (тематическое и типологическое). Установлено, что процесс фор-

мирования коллекций определялся политикой советского государства; прослежено влияние государственных структур и представителей общественности на этот процесс. Рассмотрены особенности фондовых коллекций, предложены способы оптимизации деятельности в сфере комплектования фондов.

Ключевые слова: музей-заповедник «Сталинградская битва», история музея, комплектование, музейный фонд, музейная коллекция, музейный предмет, культурные ценности, классификация.

Одной из важнейших задач каждого музея является формирование музейного собрания. Решение данной задачи связано с комплексным исследованием различных аспектов формирования уже имеющегося фонда, которое включает в себя анализ истории его создания, соотнесение с отечественным и мировым музейным опытом, выявление динамики развития и определение пути дальнейшего пополнения, перспективных направлений продвижения коллекций в целях развития музея и удовлетворения потребностей посетителей.

Актуальность исследования процесса формирования коллекций музея-заповедника «Сталинградская битва» обусловлена решением таких практических задач, как оптимизация деятельности в области комплектования, экспонирования, популяризации музейных коллекций. Основные направления формирования коллекций музея-заповедника «Сталинградская битва» связаны с осмыслением уже имеющегося фонда, с оценкой его состава, определением пути дальнейшего комплектования и использования в музейных практиках.

К настоящему времени сложились определенные предпосылки решения проблем, связанных с историей формирования фондов музея-заповедника «Сталинградская битва». Обширный корпус исследований охватывает значительный спектр проблем, связанных с музеем: история его создания (В. С. Гурьянова [5]), развитие экспозиции (Е. И. Чельшева [23] [24]), фондовая работа по отдельным направлениям (В. С. Зайцева и Л. Т. Кожакарь [6] [7] [8], О. Н. Иванюк [9] [10] [11], О. В. Кузина [14], Г. А. Митрофанова [16]).

Характеризуя степень изученности проблемы на основе оценки представленно-

го материала, можно сделать вывод об устойчивом интересе к процессу формирования музейного фонда. Несмотря на всю ценность указанных работ, необходимо отметить, что недостаточно изученной остается проблема комплексного исследования процесса формирования фондовых коллекций музея-заповедника «Сталинградская битва».

Целью настоящего исследования, таким образом, является определение основных направлений и путей формирования коллекций музея-заповедника «Сталинградская битва».

Данная цель реализовывалась на основе анализа основных учетных документов музея-заповедника «Сталинградская битва» (книг поступлений, коллекционных описей, инвентарных книг по коллекциям, актов приема-передачи предметов на постоянное хранение и др.), архивных документов, научно-справочной документации — каталогов музея-заповедника «Сталинградская битва», в которых отражен состав, содержание фондов, дано представление о музейном собрании, истории его возникновения и комплектования («Револьверы и пистолеты в коллекции музея-заповедника “Сталинградская битва”» [13], «Великое сражение на Волге в объективе фотоаппарата» [2], «Коллекция графики музея-заповедника “Сталинградская битва”» [12], «Плакаты периода Великой Отечественной войны в фондах музея-заповедника “Сталинградская битва”» [17], «Мир, признательный Сталинграду. Подарки из зарубежных стран в коллекции музея-заповедника “Сталинградская битва”» [15]).

Круг задач исследования предполагает анализ собрания музейных предметов, систематизированных по видам хранения, а также

определение возможных путей дальнейшего комплектования и использования музейных коллекций.

Для решения поставленных задач использовались историографический, историко-сравнительный, историко-типологический и историко-системный методы.

Историографический метод позволил обнаружить и изучить значимый пласт информации, находящийся в архивных документах и касающийся вопросов истории формирования коллекций музея-заповедника «Сталинградская битва».

Историко-сравнительный метод использовался при научной атрибуции предметов, для анализа тенденций в сфере коллекционирования оружия, военной техники и приборов, форм одежды, знамен, медалей, фото-, кинодокументов, карт, комплексов личных вещей и документов в различных отечественных и зарубежных собраниях военно-исторических музеев.

Историко-типологический метод дал возможность систематизировать коллекции, сформулировать особенности рассматриваемых военно-исторических коллекций, на основании чего проведена их классификация и разделение по типам.

Историко-системный метод позволил обобщить выявленный материал, связать разнородные сведения из разнообразных источников и сделать выводы, позволяющие подготовить систему реконструкции истории формирования коллекций музея-заповедника «Сталинградская битва».

Результаты данного исследования определены будут способствовать уточнению принципов и методов, которые были использованы в процессе комплектования фондов музеев военно-исторической направленности в советский и постсоветский периоды.

В процессе исследования предполагается провести анализ этапов комплектования фондов музея-заповедника «Сталинградская битва», при этом в качестве отправной точки взят 1936 г. (год основания Музея обороны Царицына им. товарища Сталина). Далее необходимым представляется раскрыть основные результаты работы по выявлению новых экспонатов, достигнутые в 1936–1937 гг.; про-

анализировать документы, касающиеся истории музея, в частности, эвакуации музейных ценностей, их сохранности в период Великой Отечественной войны. На следующем этапе необходимо показать процесс формирования современного музейного собрания, начало которого совпадает с окончанием Сталинградской битвы, охарактеризовать периоды наиболее интенсивного пополнения музейных коллекций, описать собрание музейных предметов, систематизированных по видам хранения. На завершающем этапе следует дать характеристику направлениям, по которым осуществляется комплектование фондов, и предложить ряд мер, нацеленных на совершенствование процесса пополнения музейного хранилища.

В музее-заповеднике «Сталинградская битва» разрабатываются и ведутся два направления комплектования фондов: тематическое и типологическое (систематическое).

С учетом потребностей экспозиционно-выставочной работы тематическое комплектование фондов музея-заповедника «Сталинградская битва» подчинено теме военной истории страны, требующей для своего раскрытия или показа группирования самых разнотипных предметов, отражающих историю Сталинградской битвы, ее влияние на дальнейший ход Великой Отечественной и Второй мировой войны в целом, на судьбу послевоенного устройства мира; восстановление города и его промышленности после битвы; предметы, связанные с историей Гражданской войны на юге России и историей локальных войн.

Типологическое (систематическое) комплектование тесно связано с фондовой работой музея-заповедника «Сталинградская битва» и направлено на пополнение коллекций предметами, объединенными общими типологическими признаками и отражающими своеобразие того временного периода, в котором они существовали, неотъемлемой частью которых они являлись.

В истории развития советских музеев, по мнению К. Е. Рыбака [21], можно выделить несколько периодов, когда в музейные хранилища страны за небольшое время поступало или выбывало из них значительное количество музейных предметов. Проанализируем

основные этапы комплектования музейных коллекций музея-заповедника «Сталинградская битва» в 1936–2021 гг.

Музей-заповедник ведет свою историю от созданного в 1936 г. музея обороны Царицына им. товарища Сталина [19], открытие которого состоялось 3 января 1937 г. [20]. Экспозиция разместилась в особняке, построенном в 1903 г. и принадлежавшем царицынским купцам Репниковым. Создание музея, носящего имя Сталина, имело политическую подоплеку. Доминирующим фактором развития музейного дела в 1930-е гг. была коммунистическая идеология, пронизывавшая все его элементы: комплектование фондов, построение экспозиций, содержание и формы музейной работы. Как отмечают исследователи (Т. А. Богатова [1], В. А. Полякова [18]), основной целью создания музея обороны Царицына им. товарища Сталина было с помощью специфических форм работы — экспозиций, выставок, научно-просветительской деятельности — утвердить неизбежность советского строя, а также превознести заслуги И. В. Сталина в Гражданской войне. Процесс формирования музейных коллекций был также обусловлен политикой советского государства.

В 1936–1937 гг. активно велись работы по выявлению новых экспонатов, которые доставлялись из Москвы, Астрахани, Волгоградского краеведческого музея. Был собран и показан исторический материал, посвященный эпохе гражданской войны и боям за Царицын в 1918–1920 гг. Президиумом горсовета были переданы в музей награды города: орден Красного Знамени и Знамя ВЦИК с грамотами к ним. В состав первых музейных коллекций вошли предметы участников обороны Царицына в годы Гражданской войны: И. К. Хорошева, Г. Ф. Пчелина, А. Б. Травянова, переданные их родственниками.

Часть фондов, сформированных в данное время, было обесценено односторонностью освещения событий конкретных судеб, а также присутствием однотипного материала: документов, фотографий, портретов и бюстов И. В. Сталина, его ближайших соратников, ответственных писем трудящихся Сталинграда, посланных ими в связи с открытием музея в адрес И. В. Сталина, К. Е. Ворошилова и др. Ве-

щей в начальный период было немного, преобладали скульптуры, бюсты. Только к 1941 г. в залах появились пушки: морская и трофейная полевая, а также подборка плакатов.

Осенью 1941 г. музей был эвакуирован в Заволжье, в Гмелинку [4]. Годы войны стали трагическими не только для советского народа, но и для памятников культуры. Здание музея оказалось в эпицентре уличных боев, было частично разрушено.

Из фонда, находившегося в эвакуации, осталось немного: картины, воспроизводящие батальные сцены обороны Царицына, в том числе эскизы полотна панорамы «Оборона Царицына» авторства Н. Г. Котова и П. С. Добрынина, картины с изображением И. В. Сталина и К. Е. Ворошилова на различных участках фронта под Царицыном, а также малое количество подлинных предметов: шашка в ножнах азиатского типа образца 1913 г., шпory и патронташ С. М. Буденного; орден Красного Знамени РСФСР № 13074 и сумка полевая И. К. Хорошева, комиссара Громославского полка Морозовско-Донецкой дивизии; орден Красного Знамени РСФСР № 2962 Г. Ф. Пчелина, командира взвода связи 4-й кавалерийской дивизии 1-й Конной Армии; шашка казачья офицерская в ножнах образца 1881/1910 гг. П. А. Сухорукова, участника обороны Царицына, бывшего командира эскадрона, командира полка, адъютанта командира 6-й Чапаевской дивизии 1-й Конной армии; винтовка системы Мосина образца 1891/1910 гг. драгунская № 67861, калибра 7,62 мм А. Б. Травянова; шашка казачья нижних чинов образца 1881/1910 гг. с темляком А. Б. Травянова, бумажник и пуля, которой был пробит бумажник О. И. Городовикова, командира кавалерийской бригады 1-й Конной армии в годы Гражданской войны.

Общее представление о сохранности музейных предметов, прибывших из эвакуации, дает акт, датированный 5 августа 1947 г.: «общее состояние... хорошее, так как ни одного экспоната к списанию за порчею не оказалось», но указывается и на то, что «требует перед подачей в экспозицию обязательную... реставрацию».

Анализ актов приема музейных предметов в постоянное пользование музея-

заповедника «Сталинградская битва» позволил сделать вывод о том, что оценить комплектование фондов музея с 1937 по 1949 гг. во всей полноте не представляется возможным из-за отсутствия необходимых источников. Акты передачи музейных предметов, отчеты музеев за определенные годы отсутствуют.

Первые из сохранившихся учетных документов, датированных 1937–1938 гг., — это акты о приеме от художников произведений, выполненных по заказу дирекции музея. Так, например, акт о приемке от художников Н. Г. Котова и П. С. Добрынина панорамы (эскиза) «Оборона Царицына» сообщает нам, что картина доставлена в сохранности, работа признается удовлетворительной по качеству и «выполнена без отклонения в содержании по отношению к оригиналу и, следовательно, может быть выставлена в экспозицию в стенах Музея Оборона».

В учетной документации музея сохранилась опись (датированная 17 марта 1937 г.) экспонатов и документов, которые получены в Калачевском районе и переданы на хранение в музей. В данной описи перечислены документы, фотографии, награды и оружие Г. Ф. Пчелина, командира взвода связи 4-й кавалерийской дивизии 1-й Конной Армии; И. К. Хорошева, комиссара Громославского полка Морозовско-Донецкой дивизии; А. Б. Травянова, участника обороны Царицына в годы Гражданской войны. Некоторые из этих предметов в настоящее время экспонируются в залах Мемориально-исторического музея (шашка казака нижних чинов образца 1881/1910 гг. с темляком А. Б. Травянова, сумка полевая И. К. Хорошева).

Полное представление о составе фонда дает акт № 7 от 12 августа 1950 г., о проведении первой инвентаризации. Приказом директора музея № 24 от 21 ноября 1949 г. была назначена комиссия во главе с главным хранителем Н. М. Шевцовой, призванная провести учет и формальную приемку имеющихся фондов. Согласно этому акту, «прием фондов проходил по фактическому наличию с последующей регистрацией в инвентарных книгах. Сличение имеющихся фондов не производилось в связи с тем, что в музее до этого никакого учета фондов не существовало». Также в документе зафиксировано, что в результате про-

веденной переписи были заинвентаризованы негативы по обороне Царицына — 1794; предметы, относящиеся к периоду обороны Царицына, — 24, среди них: Знамя ВЦИК, которым г. Царицын был награжден в 1919 г. за героическую борьбу с контрреволюцией, орден Красного Знамени, врученный пролетариату г. Царицына в 1924 г., 75-миллиметровая морская пушка «Канэ» с буксирного парохода «Советский», участвовавшего в боях за Царицын, знамя бывшего Казачьего полка И. И. Жирова и часть знамени 38-го казачьего полка; фотографии по обороне Царицына — 262; документы — 115; негативы с фотографий ТАСС с эпизодами Великой Отечественной войны — 58.

К 1950 г. относится и первая директива, полученная музеем из Комитета по делам культурно-просветительных учреждений при Совете Министров РСФСР, о необходимости завершения проверки музейных фондов и предоставлении акта в Управление музеев.

Современное музейное собрание начало формироваться сразу же после окончания Сталинградской битвы. В фондах музея-заповедника хранится удостоверение от 29.11.1942 г. военного корреспондента Коротеева Василия Игнатьевича № 2911–2 за подписью председателя СГКО, члена Военного совета Сталинградского фронта А. С. Чуянова, которое давало право собирать исторический материал для будущего музея [22]. Таким образом, ценные коллекции комплектовались «по горячим следам».

Первые акты приема датированы 1943 г. В учетной документации музея сохранилась расписка директора музея А. И. Хмелькова о приеме в феврале 1943 г. от воинской части, участвовавшей в Сталинградской битве, расположенной в районе площади 9-го января, пулемета системы «Максим», обнаруженного в руинах дома рядом с Домом Павлова. Регулярные поступления начались с 1949 г., когда было восстановлено довоенное здание музея на улице Гоголя, 10 (современный Мемориально-исторический музей) [3]. Помимо различного вида вооружения всех воевавших сторон, предоставляемого трофейными командами, в 1940-е гг. поступают дарения от иностранных делегаций, посетивших город, передаваемые на хранение в музей советски-

ми властными структурами и руководством сталинградских предприятий.

В 1950–60-е гг. сотрудниками музея проводились экспедиции по местам боев, встречи с участниками Сталинградской битвы и выдающимися советскими полководцами. Благодаря этому музей пополнили коллекции документов, наград, оружия и личных вещей Г. К. Жукова, К. К. Рокоссовского, А. М. Василевского, В. И. Чуйкова, М. С. Шумилова, А. И. Родимцева, а также многочисленные предметы с мест ожесточенных боевых действий: осколки и гильзы от снарядов, фрагменты вооружения, детали боевой техники.

К 1960-м гг. относятся и самые крупные списания музейных предметов, связанные с развенчанием культа личности И. В. Сталина.

Следующий пик музейных поступлений пришелся на конец 1970-х — начало 1980-х гг., время, когда шло строительство современного музейного комплекса на улице Чуйкова, 47. Помимо сбора предметов музейного значения в семьях ветеранов, этот период комплектования характеризуется целенаправленными поступлениями из других военно-исторических музеев страны, в частности Центрального музея Вооруженных Сил, Центрального музея артиллерии, инженерных войск и войск связи. Из воинских частей передается выведенное из боевого применения вооружение, боевая техника, снаряжение и обмундирование периода Великой Отечественной войны. Происходило пополнение фонда изобразительных источников графическими и живописными работами авторов панорамы «Разгром немецко-фашистских войск под Сталинградом», художников студии имени М. Б. Грекова. В рамках комплекса, возведенного на берегу Волги в центре Волгограда, к началу 1980-х гг. включающего здание панорамы «Разгром немецко-фашистских войск под Сталинградом» (открыта 8 июля 1982 г.) и музей «Сталинградская битва» (открыт 6 мая 1985 г.), было сооружено и новое хранилище музея.

Исключая то непродолжительное время, в которое музей Оборона находился в республиканском подчинении, он, по сути, был городским с упором на военную историю XX века Царицына, Сталинграда, Волгограда, период комплектования распространялся на экспона-

ты, датируемые первой половиной прошлого столетия. В начале 1990-х гг. в фонды музея поступают коллекции документов, наград и личных вещей участников вооруженных конфликтов в Афганистане, а с 1995 г. — в Чечне.

Крупные поступления нового тысячелетия — часть собрания музея «Оборона За-волжья» и фонд бывшего музея Качинского высшего военного авиационного училища летчиков.

Комплектование фондов осуществляется в основном за счет дарений частных лиц, что связано с мемориальным характером большей части музейных предметов и патриотической направленностью культурно-просветительной деятельности. За прошедшие годы также осуществлялась целенаправленная закупка культурных ценностей для пополнения собрания музея в рамках комплектования систематических коллекций живописи, вещевого и оружейного фондов предметами, объединенными общими типологическими признаками и отражающими период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., период Гражданской войны на юге России, в которых они существовали. Основной задачей комплектования фондов является пополнение исторически сложившихся коллекций, восполнение имеющихся в них лакун.

В настоящее время фондовое собрание, включающее более 96 тысяч единиц хранения основного фонда и 70 тысяч единиц научно-вспомогательного, подразделяется на письменные источники, вещевые источники, коллекции фонда оружия, нумизматики, изобразительных источников, кино-, фоно-, фотосточников и негативов.

Внутри фонда письменных источников и документов, объединяющего около 50 тысяч единиц хранения, выделены фонды документов Сталинградского и Царицынского периодов, документов Волжской Военной флотилии, речников Нижне-Волжского речного пароходства, коллекции листовок периода Великой Отечественной войны, документов противника, фонд дарственной и редкой книги, фонд периодических изданий, картографическая коллекция, коллекция документов земляков — участников локальных войн и вооруженных конфликтов.

Фонд вещевых источников (более 5 тысяч единиц хранения) объединяет коллекции обмундирования и снаряжения, предметов быта военного времени, коллекции приборов и инструментов, мебели, знамен и вымпелов. Особую ценность представляют мемориальные предметы, принадлежавшие военачальникам периода Сталинградской битвы: Г. К. Жукову, А. М. Василевскому, М. С. Шумилову, В. И. Чуйкову, А. И. Родимцеву и другим.

Оружейный фонд музея [13] (более 5 тысяч единиц хранения) подразделяется на коллекции стрелкового и холодного оружия, коллекцию боеприпасов, а также включает крупногабаритное вооружение, минометы, противотанковые средства, военнотехническое имущество и связь. Стрелковое оружие объединяет коллекции автоматов, винтовок, карабинов как отечественных, так и производства Германии, Польши, Франции, Японии, Италии; коллекции пистолетов и револьверов, куда входит как мемориальное оружие, принадлежавшее военачальникам: «Маузеры» В. И. Чуйкова, М. С. Шумилова, «Астра» И. М. Чистякова, «Штейер-Пипер» С. М. Буденного, так и образцы производства СССР, Испании, Германии, Чехии, Франции; коллекцию пистолетов-пулеметов Шмайссера, Фольмера, Томпсона, Бергмана, Шпагина; пулеметы ручные и станковые производства СССР, Германии, Чехии, Австрии, Италии, Англии. Коллекция «Холодное оружие» включает в себя: коллекцию кортиков, среди них трофейные армейские кортики А. И. Ерёмченко, А. С. Жадова, А. С. Чуюнова; кортики РККА И. А. Плиева, Н. Н. Воронова, Д. Д. Рогачёва и др.; коллекцию кинжалов: бедуны, кинжалы SS и SA (Германия), трофейные; коллекцию сабель и шашек, в том числе наградное и мемориальное оружие военачальников; коллекцию штыков Германии, Чехии, СССР, Франции. Коллекция «Боеприпасы всех видов» включает в себя образцы артиллерийских и стрелковых боеприпасов и их элементы производства СССР, Германии, Чехии, Италии. Коллекцию «Крупногабаритное вооружение, минометы и противотанковые средства» составляют танки, артиллерия, боевые машины, бронекатер БК-13, а также минометы-лопатки, минометы ротные, батальонные, полковые СССР, Германии, Франции;

противотанковые средства: противотанковые ружья СССР и Германии; гранатометы, в том числе одноразовые и автоматические. Коллекция «Военно-техническое имущество и связь» представлена такими предметами, как: саперные лопаты, огнеметы, ампуломет, миноискатели, различные мины производства СССР, Германии, Италии и др.; полевые радиоприемники Германии, армейские радиостанции, телеграфные аппараты 1940-х гг.; каски СССР, Германии, Румынии, Италии.

Фонд нумизматики объединяет фалеристику, бонистику, собственно нумизматику, мемориальные медали и составляет более 7 тысяч единиц хранения. В коллекции фалеристики представлены как советские государственные награды, так и награды иностранных государств, в том числе и противника советской армии в Сталинградской битве.

Фонд кино-, фото-, фоноисточников и негативов [2] (86 тысяч единиц хранения) включает в себя коллекции фотографий, негативов, фильмов, фотоальбомов, фонозаписей. Наиболее ценные: коллекции негативов и фотографий фронтовых корреспондентов: Г. А. Зельмы, Г. А. Липскерова, Э. Н. Евзерихина, А. В. Егорова, Я. И. Рюмкина, П. А. Трошкина, Г. З. Санько и др. Очень разнообразна коллекция фотоальбомов. Одни из них рассказывают о судьбе отдельного человека, другие об истории города, истории боевого пути дивизии, полка. В целом они интересны для исследователя как иллюстративный материал по Сталинградской битве. Общее количество фильмов — 174, из них основного фонда 65 единиц хранения: выступления участников Сталинградской битвы и труженников тыла, записанные в 1968–1974 гг., киноматериалы о строительстве и открытии Волго-Донского судоходного канала, истории создания панорамы «Разгром немецко-фашистских войск под Сталинградом» художниками студии им. М. Б. Грекова. Большая часть киноматериалов научно-вспомогательного фонда — копии, переданные Красногорским архивом для использования в экспозиционной работе: фильмы «Сталинград», «Возрождение Сталинграда», кинодокументы о Сталинградской битве.

Фонд изобразительных источников [12], [17] (8,5 тысяч единиц хранения) представ-

лен коллекциями живописи и графики, плакатов и афиш, открыток и конвертов, марок, календарей, скульптуры. В коллекции графики интересны рисунки военного времени, в основном выполненные карандашом — наиболее мобильный и удобный способ в тяжелых фронтовых условиях. Но есть также акварели и совсем немного живописных этюдов. В коллекции музея хранятся рисунки военных художников, участников Сталинградской битвы: Е. И. Комарова, И. А. Лукомского, Ю. В. Ворогушина, И. А. Михраняц, К. И. Финогенова, С. М. Годына, П. И. Баранова, М. С. Косых. В коллекции печатной графики интересны плакаты военного периода 1941–1945 гг. Коллекция филокартии представлена открытками, которые отражают облик города начала XX века и предвоенный период. Среди живописных полотен можно выделить работы П. А. Кривоногова, М. И. Авилова, Ю. К. Галькова, В. Я. Литвинова, художников студии М. Б. Грекова. Уникальный и ценный экспонат — панорама «Разгром немецко-фашистских войск под Сталинградом» студии военных художников им. М. Б. Грекова.

Фонд «Подарки» [15] выделен в отдельную группу по способу поступления. Подарочный фонд насчитывает более 7 тысяч предметов, печатных изданий и сувенирной продукции из 65 стран мира, а также бывших республик Советского Союза, от граждан и государственных деятелей, врученных городу в качестве символов признательности и уважения мировой общественности к защитникам Сталинграда и победе, одержанной в Сталинградской битве. Фонд «Подарки» включает прекрасные произведения искусства, грамоты, послания видных государственных и общественных деятелей, книги и альбомы с автографами известных людей, изделия декоративно-прикладного искусства, образцы национальной одежды, скатерти и салфетки, украшенные вышивкой; широко представлены предметы из фарфора, фаянса и керамики: вазы, декоративные блюда, кувшины с многоцветной росписью в виде орнамента и сюжетных изображений; интересны разнообразные предметы из стекла и хрусталя: вазы, блюда, кубки, украшенные гравировкой, фигурными лепными деталями, в том числе всемирно

известных чехословацких заводов. Среди подарков есть декоративные блюда и пластины, выполненные из металла и украшенные искусной чеканкой, ларцы и шкатулки из дерева, декорированные инкрустацией, резьбой, выжиганием. Наряду с изумительными изделиями профессиональных мастеров встречаются вещи, выполненные с любовью простыми людьми. Большинство подарков имеет отношение к героическому прошлому города, поэтому все они — от высокохудожественных произведений до самых простых и непритязательных поделок неизвестных людей из далеких стран — представляют историческую и общественную ценность. Данные предметы стали символами уважения и признания героического подвига Сталинграда. Наиболее ценные из них: меч, переданный в дар королем Великобритании Георгом VI, Эфиопский щит, скатерть из города Ковентри, Норвежское знамя, Грамота Ф. Рузвельта, Памятная доска Шарля де Голля.

Анализ материалов из фондов музея-заповедника «Сталинградская битва» (книги поступлений, инвентарные книги, акты приема музейных предметов в постоянное пользование) показал основные пути комплектования музейных коллекций музея-заповедника «Сталинградская битва» в 1936–2021 гг.:

- пополнение музейных фондов за счет материалов личных коллекций участников и очевидцев событий;
- в результате поисковой и исследовательской деятельности сотрудников музея;
- пополнение фондов музеев предметами из воинских частей; предметами, переданными трофейными командами, иностранными делегациями, посетившими город, советскими властными структурами и руководством сталинградских предприятий;
- пополнение фондов музеев предметами из военно-исторических музеев страны, в частности Центрального музея Вооруженных Сил, Центрального музея артиллерии, инженерных войск и войск связи;
- пополнение фондов музеев предметами, найденными поисковыми отрядами на месте ожесточенных боев;
- пополнение фонда изобразительных источников графическими и живо-

писными работами художников студии имени М. Б. Грекова, авторов панорамы «Разгром немецко-фашистских войск под Сталинградом»;

— включение части собрания музея «Обороны Заволжья» и фонда бывшего музея Качинского высшего военного авиационного училища летчиков;

— пополнение фондов музеев за счет других источников.

Массив музейных экспонатов хронологически привязан к периоду с начала XX в. до 1980-х гг. и включает, помимо коллекций, относящихся к Сталинградской битве и ее участникам, музейные предметы, документирующие события Гражданской войны на юге России, восстановление города и возрождение народного хозяйства, историко-бытовую коллекцию, связанную с судьбами мирного населения в условиях боевых действий, вещи и документы земляков — участников Великой Отечественной войны, участников локальных войн и вооруженных конфликтов, а также объекты художественного осмысления этих событий.

Для оптимизации деятельности в области комплектования представляется целесообразным:

— рассмотреть вопрос о финансировании служебных командировок для сотрудников музея с целью поиска и сбора предметов музейного значения в семьях участников Сталинградской битвы;

— проработать вопрос сотрудничества с общероссийским общественным движением по увековечению памяти погибших при защите Отечества «Поисковое движение России», в частности с Волгоградским региональным отделением «Поискового движения России», с целью пополнения фондовых коллекций музея за счет предметов, найденных при проведении полевых экспедиций на местах боев, а также участия в экспедициях сотрудников музея;

— расширить сотрудничество с торговыми площадками, на которых представлены антикварные предметы периода Первой и Второй мировых войн, учитывая порядок приобретения предметов военного антиквариата на аукционах и процедуру включения

данных предметов в Музейный фонд Российской Федерации;

— продолжить планомерное проведение экспертизы выявляемых культурных ценностей силами наиболее опытных специалистов музея, профинансировать внешнюю экспертизу.

В результате анализа деятельности музея-заповедника «Сталинградская битва» по комплектованию фондов было выделено два основных этапа ее эволюции: ранний (1936–1943) и послевоенный (1944 — настоящее время). Критерием такой периодизации выступит изменение тематической направленности экспозиции, которая до Великой Отечественной войны отражала события, связанные с обороной Царицына в годы Гражданской войны и несла на себе отпечаток культа личности Сталина. В последующий период из-за реорганизации в 1943 г. Музея обороны Царицына им. товарища Сталина в Музей обороны Царицына–Сталинграда им. товарища Сталина (сейчас музей-заповедник «Сталинградская битва») музей расширил тематическое направление и посвятил свою деятельность сохранению памяти о героическом подвиге советского народа в Сталинградской битве.

Особенностями коллекций является значительное количество предметов, относящихся к фонду «Письменные источники», обширное собрание кино-, фото-, фоноисточников и негативов. Специфика процесса формирования фондов музея была обусловлена культурной политикой советского государства, при этом прослеживалось влияние государственных структур и представителей общественности.

В данном исследовании впервые систематизирован значимый пласт информации, отраженной в архивных документах и в учетной документации, дающий достаточно полное представление об истории формирования коллекций музея-заповедника «Сталинградская битва». Анализ выявленного материала позволил связать сведения разнообразных источников и сделать выводы, позволяющие реконструировать процесс формирования фондовых коллекций музея.

Перспективным направлением дальнейших исследований является конкретизация

результатов изучения процесса формирования фондов музея-заповедника, в частности выявление и анализ индивидуальных осо-

бенностей процессов сложения музейных коллекций, систематизированных по видам хранения.

Irina V. VORONINA

Cand. Sci. (Theory and Methods of Training and Education),
State Historical and Memorial Preserve The Battle of Stalingrad,
Volgograd, Russian Federation,
virina6@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-6756-9192

The Formation of the Collection of the State Historical and Memorial Preserve The Battle of Stalingrad: History, Main Directions and Prospects

Abstract. The study aims to analyze the process of formation and to identify the features of the funds of the State Historical and Memorial Preserve The Battle of Stalingrad, to determine the ways for the further development of work on their acquisition. In this case, museum catalogs, accounting documentation (books of receipts, inventory books, acts of acceptance of museum objects), archival documents were used as sources. The methodology was compiled by historiographic, historical-comparative, historical-typological and historical-system methods. Two directions of acquisition of the preserve's funds (thematic and typological) are determined. The results of work on the identification of new exhibits, achieved in the pre-war period, when the institution was known under the name The Museum of Defence of Tsaritsyn Named After Comrade Stalin, and the influence of the evacuation during the Great Patriotic War on the composition of the collections is shown. The beginning of the process of completing the modern museum collection is associated with the end of the Battle of Stalingrad. The types of exhibits that came into storage after the restoration of the pre-war museum building are highlighted. The results of the first inventory of funds (1950) are described. The periods of the most active replenishment of collections are noted. The main ways of acquiring collections for the entire period of the museum's activity (1936–2019) have been established, the types and varieties of exhibits that form the composition of each of the museum funds have been identified, and their significant distinctive characteristics have been described. The directions of acquisition of funds are determined, optimal ways of further acquisition and use of museum collections are proposed. The author highlights the stages of development of work on the acquisition of the museum's funds depending on the change in the thematic focus of the exposition, which before the Great Patriotic War reflected the events related to the defence of Tsaritsyn during the Civil War (1918–1920) and Stalin's personality cult. In the post-war period, the museum expanded its thematic direction and devoted its activities to preserving the memory of the heroic deed of the Soviet people in the Battle of Stalingrad. The features of the collections are a significant number of exhibits related to the written sources fund, an extensive collection of film and photographic documents. The process of forming the museum's funds was determined by the cultural policy of the Soviet state; the influence of state structures and members of the public on the formation of the museum collection was also traced.

Keywords: State Historical and Memorial Preserve The Battle of Stalingrad, history of museum, acquisition of funds, museum collection, museum item, cultural values, classification.

Использованная литература:

1. Богатова Т. А. Музей: путь длиной в 60 лет // Музей: история и современность: материалы науч.

References:

1. Bogatova, T.A. (1997) [Museum: a journey of 60 years]. *Muzey: istoriya i sovremennost'* [Museum: History and

-практ. конф., посвящ. 60-летию музея-панорамы «Сталинградская битва». Волгоград: Комитет по печати и информации, 1997. С. 5–15.

2. Великое сражение на Волге в объективе фотоаппарата: коллекция работ фотокорреспондента Георгия Зельмы из собрания фотодокументов Музея-заповедника «Сталинградская битва»: каталог / Государственный историко-мемориальный музей-заповедник «Сталинградская битва». Волгоград: Альфа, 2018.

3. Выписка из протокола № [639] [1948] § 28 заседания бюро Сталинградского обкома ВКП(б) Об организации музея обороны Сталинграда имени И. В. Сталина // Государственный историко-мемориальный музей-заповедник «Сталинградская битва». Архивная копия. Ф. 3. Оп. 1. Д. 2. Л. 18.

4. Выписка из решения Исполнительного комитета Сталинградского областного совета депутатов трудящихся № 01_376рс от 24 октября 1941 г. Об освобождении помещений для размещения воинских частей // Государственный историко-мемориальный музей-заповедник «Сталинградская битва». Ф. 3. Оп. 1. Д. 2. Л. 11.

5. Гурьянова В. С. Отражение революционных событий 1917 г. в основной экспозиции музея обороны Царицына–Сталинграда им. товарища Сталина (1937–1954 гг.) // Революция 1917 года в России: события и концепции, последствия и память: материалы междунар. науч.-практ. конф. (г. Санкт-Петербург, 11–12 мая 2017 г.). СПб.: Дмитрий Буланин, 2017. С. 160–163.

6. Зайцева В. С. Визит делегации Монгольской Народной Республики в Волгоград в апреле 1965 г. (по материалам музея-заповедника «Сталинградская битва») // Военно-исторические аспекты жизни Юга России XVII–XXI вв.: вопросы изучения и музеефикации: материалы III Междунар. науч.-практ. конф., приуроч. к 80-летию начала Великой Отечественной войны 1941–1945 годов (г. Волгоград, 1–2 октября 2021 г.). Волгоград: Сфера, 2021. С. 374–381.

7. Зайцева В. С., Кожокар Л. Т. Коллекция фотоальбомов в собрании музея-заповедника «Сталинградская битва» // Военно-исторические аспекты жизни Юга России XVII–XXI вв.: вопросы изучения и музеефикации: материалы междунар. науч.-практ. конф., приуроч. к 75-й годовщине Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. (г. Волгоград, 14–15 ноября 2019 г.). Волгоград: Сфера, 2019. С. 289–296.

8. Зайцева В. С., Кожокар Л. Т. Коллекции фотографий и негативов в собрании музея-заповедника «Сталинградская битва»: история формирования, проблемы хранения // Фотография в музее: сб. докладов междунар. конф. (г. Санкт-Петербург, 15–18 апреля 2014 г.). СПб.: Росфото, 2014. С. 91–92.

9. Иванюк О. Н. Коллекция фотодокументов в отделе научно-исторической документации и библиотечных фондов музея-заповедника «Сталинградская битва» // Военно-исторические аспекты жизни Юга России XVII–XXI вв.: вопросы изучения и музеефикации: материалы II Междунар. науч.-практ. конф., приуроч. к 75-летию окончания Второй мировой войны (г. Волгоград, 1–2 октября 2020 г.). Волгоград: Сфера, 2020. С. 295–299.

10. Иванюк О. Н. Переписка с ветеранами Великой Отечественной войны: обзор документальных источни-

Modernity]. Conference Proceedings. Volgograd: Komitet po pechati i informatsii. pp. 5–15. (In Russian).

2. State Historical and Memorial Preserve The Battle of Stalingrad (2018) *Velikoe srazhenie na Volge v ob'ektive fotoapparata* [The Great Battle on the Volga in the Lens of a Camera]. Volgograd: Al'fa.

3. State Historical and Memorial Preserve The Battle of Stalingrad. Fund 3. List 1. Item 2. Page 18. (1948) *Extract From Protocol No. 639 (28) of 1948 of the Meeting of the Bureau of the Stalingrad Regional Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks: On the Organization of the Stalingrad Defence Museum Named After I.V. Stalin*. (In Russian).

4. State Historical and Memorial Preserve The Battle of Stalingrad Fund 3. List 1. Item 2. Page 11. (1941) *Extract From the Decision of the Executive Committee of the Stalingrad Regional Council of Workers' Deputies of 24 October 1941 No. 01_376: On the Release of Premises for Military Units*. (In Russian).

5. Gur'yanova, V.S. (2017) [Reflection of the Revolutionary Events of 1917 in the Main Exposition of the Museum of the Defence of Tsaritsyn – Stalingrad. Comrade Stalin (1937–1954)]. *Revolutsiya 1917 goda v Rossii: sobytiya i kontseptsii, posledstviya i pamyat'* [Revolution of 1917 in Russia: Events and Concepts, Consequences and Memory]. Proceedings of the International Conference. Saint Petersburg. 11–12 May 2017. Saint Petersburg: Dmitriy Bulanin. pp. 160–163. (In Russian).

6. Zaytseva, V.S. (2021) [The Visit of the Delegation of the Mongolian People's Republic to Volgograd in April 1965]. *Voенно-istoricheskie aspekty zhizni Yuga Rossii 17–21 vv.: voprosy izucheniya i muzeefikatsii* [Military-Historical Aspects of the Life of the South of Russia in the 17th–21st Centuries: Issues of Study and Museumification]. Proceedings of the 3rd International Conference. Volgograd. 1–2 October 2021. Volgograd: Sfera. pp. 374–381. (In Russian).

7. Zaytseva, V.S. & Kozhokar, L. T. (2019) [Collection of Photo Albums in the Collection of the Preserve The Battle of Stalingrad] *Voенно-istoricheskie aspekty zhizni Yuga Rossii 17–21 vv.: voprosy izucheniya i muzeefikatsii* [Military-Historical Aspects of the Life of the South of Russia in the 17th–21st Centuries: Issues of Study and Museumification]. Proceedings of the International Conference. Volgograd. 14–15 November 2019. Volgograd: Sfera. pp. 289–296. (In Russian).

8. Zaytseva, V.S. & Kozhokar, L.T. (2014) [Collections of Photographs and Negatives in the Collection of the Preserve The Battle of Stalingrad: History of Formation, Problems of Storage]. *Fotografiya v muzee* [Photography in the Museum]. Proceedings of the International Conference. Saint Petersburg. 15–18 April 2014. Saint Petersburg: Rosfoto. pp. 91–92. (In Russian).

9. Ivanyuk, O.N. (2020) [Collection of Photographic Documents in the Department of Scientific and Historical Documentation and Library Funds of the Preserve The Battle of Stalingrad]. *Voенно-istoricheskie aspekty zhizni Yuga Rossii 17–21 vv.: voprosy izucheniya i muzeefikatsii* [Military-Historical Aspects of the Life of the South of Russia in the 17th–21st Centuries: Issues of Study and Museumification]. Proceedings of the 2nd International Conference. Volgograd. 1–2 October 2020. Volgograd: Sfera. pp. 295–299. (In Russian).

ков, хранящихся в отделе научно-исторической документации и библиотечных фондов музея-заповедника «Сталинградская битва» // Военно-исторические аспекты жизни Юга России XVII–XXI вв.: вопросы изучения и музеефикации: материалы III Междунар. науч.-практ. конф., приуроч. к 80-летию начала Великой Отечественной войны 1941–1945 годов (г. Волгоград, 1–2 октября 2021 г.). Волгоград: Сфера, 2021. С. 381–386.

11. Иванюк О. Н. «Bohaterowie Stalingradu»: коллекция подарков из Польской Народной Республики в фондах музея-заповедника «Сталинградская битва» // Военно-исторические аспекты жизни Юга России XVII–XXI вв.: вопросы изучения и музеефикации: материалы междунар. науч.-практ. конф., приуроч. к 75-й годовщине Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. (г. Волгоград, 14–15 ноября 2019 г.). Волгоград: Сфера, 2019. С. 297–300.

12. Коллекция графики музея-заповедника «Сталинградская битва»: каталог / Государственный историко-мемориальный музей-заповедник «Сталинградская битва». Волгоград: Альфа, 2017.

13. Коротков И. В. Революеры и пистолеты в коллекции музея-заповедника «Сталинградская битва»: каталог / Государственный историко-мемориальный музей-заповедник «Сталинградская битва». Волгоград: Волга-Паблицер, 2013.

14. Кузина О. В. Почтовая открытка как источник информации (о коллекции филокартии из фонда военно-исторической библиотеки музея-заповедника «Сталинградская битва») // Военно-исторические аспекты жизни Юга России XVII–XXI вв.: вопросы изучения и музеефикации: материалы III Междунар. науч.-практ. конф., приуроч. к 80-летию начала Великой Отечественной войны 1941–1945 годов (г. Волгоград, 1–2 октября 2021 г.). Волгоград: Сфера, 2021. С. 353–359.

15. Мир, признательный Сталинграду. Подарки из зарубежных стран в коллекции Музея-заповедника «Сталинградская битва». Волгоград: Альфа, 2020.

16. Митрофанова Г. А. Подарки из Индии в коллекции музея-заповедника «Сталинградская битва» // Военно-исторические аспекты жизни Юга России XVII–XXI вв.: вопросы изучения и музеефикации: материалы III Междунар. науч.-практ. конф., приуроч. к 80-летию начала Великой Отечественной войны 1941–1945 годов (г. Волгоград, 1–2 октября 2021 г.). Волгоград: Сфера, 2021. С. 393–398.

17. Плакаты периода Великой Отечественной войны в фондах музея-заповедника П 37 «Сталинградская битва»: каталог / Государственный историко-мемориальный музей-заповедник «Сталинградская битва». Волгоград: Альфа, 2015.

18. Полякова В. А. О создании музея и его деятельности в 1937–1942 гг. // Музей: история и современность: материалы науч.-практ. конф., посвящ. 60-летию музея-панорамы «Сталинградская битва». Волгоград: Комитет по печати и информации, 1997. С. 16–33.

19. Постановление бюро Сталинградского крайкома ВКП(б) от 17.10.1936, протокол № 260 § 4 Об организации в г. Сталинграде музея обороны Царицына им. тов. Сталина // Государственный историко-мемориальный музей-заповедник «Сталинградская битва». Архивная копия от 20.01.1987. Ф. 3. Оп. 1. Д. 2. Л. 3.

10. Ivanyuk, O.N. (2021) [Correspondence With Veterans of the Great Patriotic War: A Review of Documentary Sources Stored in the Department of Scientific and Historical Documentation and Library Funds of the Preserve The Battle of Stalingrad]. *Voенно-istoricheskie aspekty zhizni Yuga Rossii 17–21 vv.: voprosy izucheniya i muzeefikatsii* [Military-Historical Aspects of the Life of the South of Russia in the 17th–21st Centuries: Issues of Study and Museumification]. Proceedings of the 3rd International Conference. Volgograd. 1–2 October 2021. Volgograd: Sfera. pp. 381–386. (In Russian).

11. Ivanyuk, O.N. (2019) [“Bohaterowie Stalingradu”: A Collection of Gifts From the Polish People’s Republic in the Funds of the Preserve The Battle of Stalingrad]. *Voенно-istoricheskie aspekty zhizni Yuga Rossii 17–21 vv.: voprosy izucheniya i muzeefikatsii* [Military-Historical Aspects of the Life of the South of Russia in the 17th–21st Centuries: Issues of Study and Museumification]. Proceedings of the International Conference. Volgograd. 14–15 November 2019. Volgograd: Sfera. pp. 297–300. (In Russian).

12. State Historical and Memorial Preserve The Battle of Stalingrad (2017) *Kollektsiya grafiki muzeya-zapovednika “Stalingradskaya bitva”* [Collection of Graphics of the Preserve The Battle of Stalingrad]. Volgograd: Al’fa.

13. Korotkov, I.V. (2013) *Revolvery i pistolety v kolleksii muzeya-zapovednika “Stalingradskaya bitva”* [Revolvers and Pistols in the Collection of the Preserve The Battle of Stalingrad]. Volgograd: Volga-Publisher.

14. Kuzina, O.V. (2021) [Postcard as a Source of Information]. *Voенно-istoricheskie aspekty zhizni Yuga Rossii 17–21 vv.: voprosy izucheniya i muzeefikatsii* [Military-Historical Aspects of the Life of the South of Russia in the 17th–21st Centuries: Issues of Study and Museumification]. Proceedings of the 3rd International Conference. Volgograd. 1–2 October 2021. Volgograd: Sfera. pp. 353–359. (In Russian).

15. State Historical and Memorial Preserve The Battle of Stalingrad (2020) *Mir, priznatel’nyy Stalingradu. Podarki iz zarubezhnykh stran v kolleksii Muzeya-zapovednika “Stalingradskaya bitva”* [The World Grateful to Stalingrad. Gifts From Foreign Countries in the Collection of the Preserve The Battle of Stalingrad]. Volgograd: Al’fa.

16. Mitrofanova, G.A. (2021) [Gifts from India in the Collection of the Preserve The Battle of Stalingrad]. *Voенно-istoricheskie aspekty zhizni Yuga Rossii 17–21 vv.: voprosy izucheniya i muzeefikatsii* [Military-Historical Aspects of the Life of the South of Russia in the 17th–21st Centuries: Issues of Study and Museumification]. Proceedings of the 3rd International Conference. Volgograd. 1–2 October 2021. Volgograd: Sfera. pp. 393–398. (In Russian).

17. State Historical and Memorial Preserve The Battle of Stalingrad (2015) *Plakaty perioda Velikoy Otechestvennoy voyny* [Posters of the Period of the Great Patriotic War]. Volgograd: Al’fa.

18. Polyakova, V.A. (1997) [On the creation of the museum and its activities in 1937–1942]. *Muzey: istoriya i sovremennost’* [Museum: History and Modernity]. Proceedings of the Conference. Volgograd: Komitet po pechati i informatsii. pp. 16–33. (In Russian).

19. State Historical and Memorial Preserve The Battle of Stalingrad. Fund 3. List 1. Item 2. Page 3. (1987) *Decree of the Bureau of the Stalingrad Regional Committee of the All-*

20. Постановление бюро Сталинградского крайкома ВКП(б) от 28.12.1936, протокол № 279 § 5 Об открытии музея обороны Царицына им. тов. Сталина // Государственный историко-мемориальный музей-заповедник «Сталинградская битва». Архивная копия от 20.01.1987. Ф. 3. Оп. 1. Д. 2. Л. 8.

21. Рыбак К. Е. Способы и этапы комплектования музейного фонда: законная экспроприация в Советской России (1917–1920-е годы) [Электронный ресурс] // Наследие веков. 2020. № 1 (3). URL: <http://heritage-magazine.com/index.php/HC/article/view/326/290> (дата обращения: 24.12.2021).

22. Удостоверение № 2911-2 в том, что военный корреспондент Коротеев Василий Игнатьевич является особоуполномоченным Сталинградского ГКО по сбору трофеев для музея обороны Сталинграда // Государственный историко-мемориальный музей-заповедник «Сталинградская битва». МЗСБ КП 27416.

23. Чельшева Е. И. О книжных памятниках как особом феномене социокультурной жизни и тематической коллекции изданий периода Великой Отечественной войны, хранящихся в библиотеке музея-заповедника «Сталинградская битва» // Военно-исторические аспекты жизни Юга России XVII–XXI вв.: вопросы изучения и музеефикации: материалы междунар. науч.-практ. конф., приуроч. к 75-й годовщине Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. (г. Волгоград, 14–15 ноября 2019 г.). Волгоград: Сфера, 2019. С. 308–311.

24. Чельшева Е. И. Отчеты о командировках 1950-х годов – актуальный источник по истории послевоенного музея (по материалам научного архива музея-заповедника «Сталинградская битва») // Военно-исторические аспекты жизни Юга России XVII–XXI вв.: вопросы изучения и музеефикации: материалы II Междунар. науч.-практ. конф., приуроч. к 75-летию окончания Второй мировой войны (г. Волгоград, 1–2 октября 2020 г.). Волгоград: Сфера, 2020. С. 322–327.

Union Communist Party of Bolsheviks of 17 October 1936 no. 260 (4): On the Organization in Stalingrad of the Tsaritsyn Museum of Defence Named After Comrade Stalin. (In Russian).

20. State Historical and Memorial Preserve The Battle of Stalingrad. Fund 3. List 1. Item 2. Page 8. (1987) *Decree of the Bureau of the Stalingrad Regional Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks of 28 December 1936 no. 279 (5): On the Opening of the Tsaritsyn Museum of Defence Named After Comrade Stalin.* (In Russian).

21. Rybak, K.E. (2020) *Sposoby i etapy komplektovaniya muzeynogo fonda: zakonnaya ekspropriatsiya v Sovetskoj Rossii (1917–1920-e gody)* [Methods and stages of acquisition of the museum fund: legal expropriation in Soviet Russia (1917–1920s)]. *Nasledie vekov — Heritage of Centuries*. 1(3). [Online]. Available from: <http://heritage-magazine.com/index.php/HC/article/view/326/290> (Accessed: 24.12.21).

22. State Historical and Memorial Preserve The Battle of Stalingrad. *Certificate no. 2911-2: war correspondent Vasily Ignatievich Koroteev is a special representative of the Stalingrad GKO for collecting trophies for the Stalingrad Defense Museum.* MZSB KP 27416. (In Russian).

23. Chelysheva, E.I. (2019) [On Book Monuments as a Special Phenomenon of Sociocultural Life and a Thematic Collection of Publications From the Period of the Great Patriotic War]. *Voенно-istoricheskie aspekty zhizni Yuga Rossii 17–21 vv.: voprosy izucheniya i muzeefikatsii* [Military-Historical Aspects of the Life of the South of Russia in the 17th–21st Centuries: Issues of Study and Museumification]. Proceedings of the International Conference. Volgograd. 14–15 November 2019. Volgograd: Sfera. pp. 308–311. (In Russian).

24. Chelysheva, E.I. (2020) [Reports on Business Trips of the 1950s – A Relevant Source on the History of the Post-War Museum]. *Voенно-istoricheskie aspekty zhizni Yuga Rossii 17–21 vv.: voprosy izucheniya i muzeefikatsii* [Military-Historical Aspects of the Life of the South of Russia in the 17th–21st Centuries: Issues of Study and Museumification]. Proceedings of the 2nd International Conference. Volgograd. 1–2 October 2020. Volgograd: Sfera. pp. 322–327. (In Russian).

Полная библиографическая ссылка на статью:

Воронина И. В. Формирование фондовых коллекций музея-заповедника «Сталинградская битва»: история, основные направления и перспективы / И. В. Воронина // Наследие веков. – 2022. – № 1. – С. 63–75. DOI: 10.36343/SB.2022.29.1.005

Full bibliographic reference to the article:

Voronina, I. V. (2022) The Formation of the Collection of the State Historical and Memorial Preserve The Battle of Stalingrad: History, Main Directions and Prospects. *Nasledie vekov – Heritage of Centuries*. 1. pp. 63–75. (In Russian). DOI: 10.36343/SB.2022.29.1.005

ЧУВИЛЬКИНА Юлия Викторовна

аспирант Российского научно-исследовательского института
культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачева
Москва, Российская Федерация

Yulia V. CHUVILKINA

Postgraduate Student, Likhachev Russian Research Institute
for Cultural and Natural Heritage,
Moscow, Russian Federation,

chuvilkina.julia@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-1801-2785

УДК: [7.071.1:347.782]:[316.733+069.013](575.1)"192/199"

ГРНТИ: 13.91.00

ВАК: 24.00.03

DOI: 10.36343/SB.2022.29.1.007

Вклад художественной династии Волковых в развитие культуры Узбекской ССР (1920–1990-е годы)

The Contribution of the Volkov Artistic Dynasty to the Development of the Culture of the Uzbek SSR (1920s–1990s)

Проанализированы основные аспекты деятельности представителей художественной династии Волковых, оказавшей непосредственное влияние на становление и развитие культуры Узбекской ССР. Материалами явились произведения живописи, аудиозаписи воспоминаний, результаты изысканий искусствоведов и историков культуры. Отражена фактография деятельности местных художественных объединений, установлена роль А. Н. Волкова в их создании и развитии. Исследованы усилия А. Н. Волкова, направленные на формирование в Узбекистане собственной художественной интеллигенции. Раскрыта творческая и организаторская деятельность сыновей А. Н. Волкова. Автор заключает, что культура Узбекской ССР формировалась под воздействием различных региональных художественных центров России и стран ближнего зарубежья. Созидательная работа Волковых обеспечивала синтез местного колорита со стилистическими тенденциями соцреализма и авангарда, дополненных влиянием русских художественных объединений.

Ключевые слова: Нукус, Узбекистан, музей, коллекция, Савицкий, Волков, художник, династия, Бригада Волкова, Мастера Нового Востока.

Каждая великая культура в процессе своего развития неизбежно оказывает влияние на те культуры, которые составляют ее окружение. Подобное влияние может иметь раз-

личный характер, варьируясь от этнической ассимиляции, сопровождающейся обеднением соседствующей культуры, сокращением составляющих ее элементов, до интегративных

процессов, для которых характерно взаимное обогащение культур, проявляющееся в усложнении и приращении их структурных элементов. Русская культура и присущие ей духовные ценности представляют собой уникальную совокупность явлений, факторов и институтов, складывавшуюся на протяжении жизни многих поколений наших соотечественников. Геополитическое расширение границ Российского государства сопровождалось параллельным распространением русской культуры на новых территориях, которое в XIX в. постепенно интегрировало национальные окраины, при этом особую роль играли просветительское движение и распространение русского языка. Следующий важный этап взаимодействия русской культуры и соседних культур пришелся на первые послереволюционные десятилетия, когда молодое советское государство развернуло масштабные процессы культурного строительства, взяв курс на создание в молодых национальных республиках собственных кадровых ресурсов для науки и культуры, а также организацию системы их подготовки на местах.

Импульс, заданный в тот период, во многом определил культурное развитие целых регионов, которое, невзирая на социально-политические перипетии конца XX в., поступательно продолжается и в настоящее время. Государства, возникшие после дезинтеграции Советского Союза, проводят самостоятельную культурную политику, однако какое бы значение в ней ни играли элементы, связанные с суверенной этнической составляющей, объективно невозможно отрицать значение русской культуры для формирования и последующего развития национального культурного пространства. Представляется, что для государств Центральной Азии данный тезис имеет особую актуальность. Исследование деятельности известных подвижников, которая способствовала распространению русской культуры в национальных республиках, представляется актуальной, поскольку позволяет не только популяризировать прогрессивные усилия выдающихся соотечественников, но и сделать невозможным нивелирование значения русского культурного наследия и русского языка, которое иногда допускается ин-

теллектуальными и политическими элитами постсоветских государств.

Становление живописной культуры Узбекистана относится к началу XX в. Толчком к ее зарождению явилось присоединение туркестанских земель к Российской империи и последовавшие за ним попытки переустройства Средней Азии, повсеместное образование населения, приток русской интеллигенции на территорию Узбекистана. Большое влияние на развитие живописи оказывает в то время создание художественных училищ и творческих объединений. В первой половине XX в. в Средней Азии преподавали живопись такие художники, как М. И. Курзин, М. С. Вогман, П. П. Беньков, В. М. Еремян, П. В. Ган, З. М. Ковалевская, Н. Г. Карахан. Одной из наиболее значительных фигур в истории художественной жизни Узбекистана является Александр Николаевич Волков, русский советский художник, основатель творческой династии, по праву считающийся одним из основоположников современного искусства Средней Азии.

Жизнь и творчество А. Н. Волкова достаточно успешно изучаются уже более пятидесяти лет. Так, выпущены каталоги выставок [3] и альбомные издания [2] [12], снабженные вступительными статьями искусствоведов и историков живописи. Наиболее значительным исследованием, посвященным жизни и творчеству мастера, можно считать монографию М. И. Земской (1975) [9], которая, наряду с иллюстрациями и списком основных живописных работ, содержит стихотворные произведения художника, перечень выставок с его участием и библиографию, актуальную на момент издания книги. Творчество талантливой живописца остается востребованным объектом для изучения и в последние десятилетия [4] [6] [7]. Авторы нередко исследуют его в контексте деятельности творческих объединений, являвшихся неотъемлемой составляющей художественной жизни 20-х гг. прошлого века [8] [10] [11] [13]. Не остался без внимания вклад А. Н. Волкова в дело создания Государственного музея искусств Республики Каракалпакстан имени И. В. Савицкого [15]. Между тем до сих пор довольно слабое внимание уделено педагогической деятельности живописца и его роли как основателя художе-

ственной династии, поскольку после смерти мастера его подвижнический труд был продолжен сыновьями, также нашедшими собственный путь в искусстве.

Данное исследование ориентировано прежде всего на анализ деятельности представителей художественной династии Волковых (в первую очередь ее основателя — А. Н. Волкова) в аспекте их влияния на становление и развитие культуры Узбекской

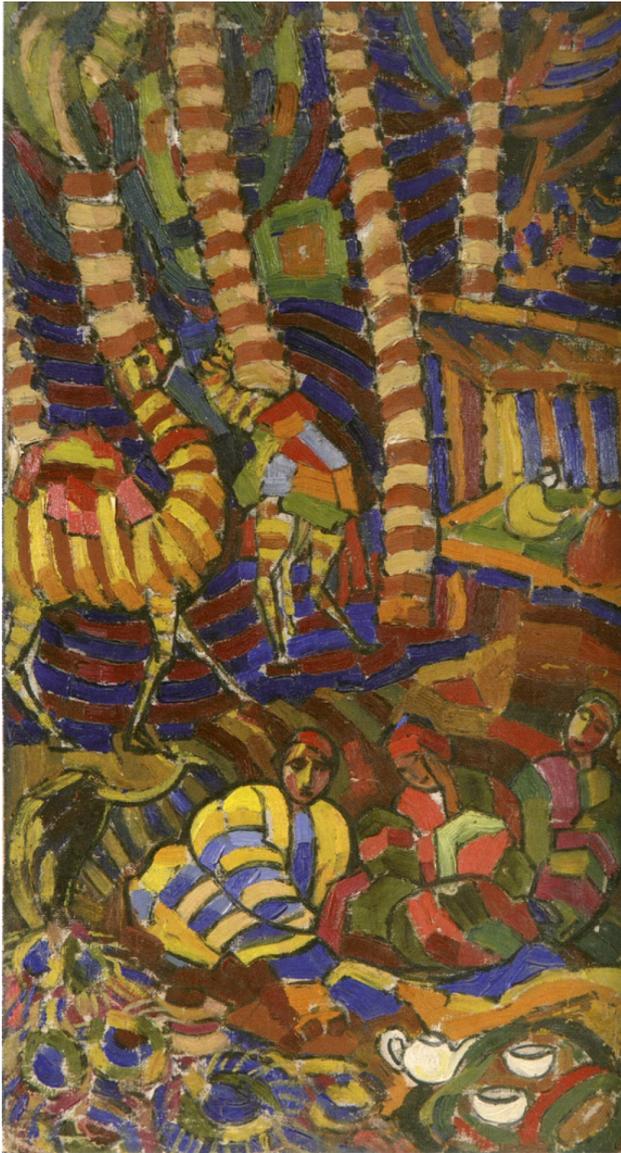

Рис. 1. Волков А.Н. «Отдых в пути». 1910-е. Холст, масло. Собрание Государственного музея Искусств Республики Каракалпакстан имени И.В. Савицкого

Fig. 1. Volkov A.N. Rest on the Way. 1910s. Canvas, oil. Collection of the Karakalpakstan State Museum of Art named after I.V. Savitsky

ССР, что предполагает рассмотрение не только их творческого труда, но и отдельных аспектов педагогической работы. Источниками при этом явились художественные произведения, аудиозаписи воспоминаний, результаты изысканий искусствоведов и историков культуры. Примененный научный подход базируется на комплексном использовании методов исторических исследований (историко-описательный, сравнительно-исторический и историко-системный методы) и инструментов, свойственных научным изысканиям в сфере искусствоведения (методы формального анализа произведений искусства, проблемно-логический метод и т.д.).

Изучение биографий представителей династии Волковых будет способствовать научному осмыслению проблемы участия русской художественной интеллигенции в процессах культурного строительства, разворачивавшихся в Узбекистане и других национальных республиках Советского Союза.

Александр Николаевич Волков родился в 1886 г. в семье врача туркестанского линейного батальона. В 1908 г. будущий известный живописец поступил в Высшее художественное училище при Академии художеств, в мастерскую В. Е. Маковского, а с 1910 г. стал посещать художественную школу М. Д. Бернштейна. В этой школе в то время консультировали и преподавали Н. К. Рерих, И. Я. Билибин и другие известные русские художники. В 1912 г. А. Н. Волков приехал в Киев, где познакомился с фресками М. А. Врубеля во Владимирском соборе и Кирилловской церкви, что подвигло молодого живописца поступить в Киевское художественное училище, где его педагогом стал Ф. Г. Кричевский [3, с. 3].

В ранние периоды творчества А. Н. Волков обращался к таким видам монументального искусства, как фреска и витраж. Реалистический этап деятельности художника — с 1913 по 1917 гг. — сменился резким упрощением и примитивизацией (Рис. 1). Поворот к беспредметной живописи в творчестве происходил под влиянием принципов объединений «Бубновый валет» и «Голубая роза», художественных взглядов М. Ф. Ларионова и Н. С. Гончаровой. После 1925 г. художник возвращается к предметной живописи (Рис. 2).

Рис. 2. Волков А.Н. «Верблюды в пустыне». 1925. Бумага, акварель, лак
 Fig. 2. Volkov A.N. Camels in the Desert. 1925. Paper, watercolor, varnish

Одним из важных явлений в художественной жизни Узбекской ССР становится образование объединения «Мастера Нового Востока» (1926–1930/1932). В группу художников вошли А. Н. Волков, М. З. Гайдукевич, В. Н. Гуляев, И. И. Икрамов, М. И. Курзин, С. А. Мальт, В. П. Маркова, А. В. Николаев (Устумин), В. Л. Рождественский, П. О. Рябчиков, Н. С. Туркестанский [1]. Художники и их семьи, прибывающие в Среднюю Азию в начале XX в., являются выходцами из Петербурга, Москвы, Дальнего Востока, Урала и Сибири. Столкновение культур и мировоззрений людей, рожденных и воспитанных в различных религиях и традициях, становится поводом для мощного синтеза в искусстве и порождает новые направления в творчестве [9, с. 19].

Зарождение художественного объединения «Мастера Нового Востока» произошло благодаря участникам группы художников «Новая Сибирь» М. И. Курзину и В. Н. Гуляеву. В общество «Новая Сибирь» входили художники из Томска, Красноярска, Барнаула, Бийска, Минусинска [10]. Среди художественных объединений, существующих в начале XX в. в Сибири, значительными являлись «Новая

Сибирь» и Новосибирский филиал Ассоциации художников революционной России (АХРР). Они появились в одно и то же время, однако их программные ценности отличались. «Новая Сибирь» выступала за то, что «...подлинный советский художник должен в первую очередь искать для нового содержания новую форму» [11], в то время как в АХРР считали, что подобные эксперименты приведут к формализму в творчестве. Ключевой для нашего дальнейшего исследования является

также установка сообщества «Новая Сибирь» «изучать, использовать искусство туземных народностей» [11], что фактически означало интерес к «художественной этнографии и краеведению», обращение в работах к традициям, обычаям азиатских народов Сибири.

Закономерным продолжением данной идеи в творчестве В. Н. Гуляева и М. И. Курзина являлась попытка расширить горизонты «художественного исследования», изучить другие регионы. Удаленность и новизна Средней Азии стали идеальным местом для новых творческих исканий данных художников и со временем вылились в идею развития художественной культуры данной территории [13, с. 112]. В период существования объединения участники «Мастеров Нового Востока» поддерживали связь с Сибирью, происходил обмен художественным опытом. В 1929 г. группа проводит две выставки: в Ташкенте и Новосибирске.

Несмотря на то что «Мастера Нового Востока» ориентировали свое творчество на эксперименты с использованием экспрессионизма, футуризма, примитивизма и поиски нового «национального стиля», группа сохра-

Рис. 3. Волков А.Н. «Дедушка и внук». 1926. Бумага, темпера, лак. Собрание Государственного музея Искусств Республики Каракалпакстан имени И.В. Савицкого
 Fig. 3. Volkov A.N. Grandfather and Grandson. 1926. Paper, tempera, varnish. Collection of the Karakalpakstan State Museum of Art named after I.V. Savitsky

Рис. 4. Курзин М.И. «Старое и новое». 1930. Картон, гуашь. Собрание Государственного музея Искусств Республики Каракалпакстан имени И.В. Савицкого
 Fig. 4. Kurzin M.I. Old and New. 1930. Cardboard, gouache. Collection of the Karakalpakstan State Museum of Art named after I.V. Savitsky

нила одной из своих установок «воплощение посредством искусства современных революционных идей». Соединив в своих рядах выходцев из Сибири, Москвы, Казахстана и уроженцев Средней Азии, объединение «Мастера Нового Востока» породило новые течения в искусстве и послужило отправной точкой для формирования направлений живописной школы Узбекской ССР [8].

Однако творчество художников не могло не вызывать разногласий с точки зрения соответствия требованиям государственной культурной политики того времени. Внутри художественного объединения также существовали творческие противоречия: М. И. Курзин и А. Н. Волков по-разному видели дальнейшее развитие группы. В полотнах А. Н. Волкова данного периода существует переключки с работами М. И. Курзина (Рис. 3, 4). Общим для мастеров было увлечение экспрессионизмом и стремление к лаконичности в живописной манере. Но в отличие от А. Н. Волкова, который прежде всего был поэтом живописных красок Узбекистана, сибиряк М. И. Курзин воспринимал азиатскую страну преимущественно сатирически [12, с. 16]. Пребывание в одном объединении тяготило художников. В частности, и по этой причине объединение «Мастера Нового Востока» в 1930 г. перестало существовать и слилось с самаркандской Ассоциацией работников изобразительного искусства (АРИЗО), объединившейся под руководством М. И. Курзина.

Дальнейшее взаимодействие А. Н. Волкова и М. И. Курзина происходило в рамках преподавательской деятельности в художественном училище. Каждый из них имел собственную мастерскую и воспитывал учеников, перенимавших его манеру живописи.

В 1930-х гг. одним из популярных тематических направлений в живописи

становится зарисовка деятельности колхозов, совхозов и районных индустриальных новостроек (Рис. 5) [6].

В 1931–1932 гг. А. Н. Волков создал художественное объединение «Бригада Волкова», в которое входили У. Т. Тансыкбаев, Н. Г. Карахан, А. Ф. Подковыров, П. П. Щеголев, Б. К. Хамдами. Они принимали участие в оформлении Ташкента во время революционных праздников. Художники писали этюды, совершали творческие экспедиции за город и в горы. Наиболее интересные по своему сюжету произведения А. Н. Волкова этого времени связаны с жизнью сельского Узбекистана. Не раз в странствиях по узбекским кишлакам внимание художника привлекали дети. «Чирчик — строевский цикл» в творчестве мастера продолжается на протяжении 1930-х гг., в данный период он создает также «Сельмашский цикл», посвященный ташкентскому заводу сельскохозяйственных машин [12, с. 18].

Как уже отмечалось выше, Александр Николаевич Волков является одной из ключевых фигур в развитии живописи Узбекской ССР, при этом деятельность поэта и художника он сочетал с педагогической. Еще в 1926 г. А. Н. Волков преподавал в собственной художественной студии при Музее искусств. Его учениками в данный период являлись: Б. Хамдами, Л. Насреддинов, Х. Рахимов, Ш. Хасанова и др. [13, с. 339].

С 1929 по 1941 гг. А. Н. Волков преподавал живопись в Ташкентском художественном техникуме. В 1932–1934 гг. Ленинградская академия художеств отправляет в национальные республики художников, верных тради-

Рис. 5. Волков А.Н. «Экскаваторы». 1934. Холст, масло. Собрание Государственного музея Искусств Республики Каракалпакстан имени И.В. Савицкого

Fig. 5. Volkov A.N. Excavators. 1934. Oil on canvas. Collection of the Karakalpakstan State Museum of Art named after I.V. Savitsky

циям реализма, с целью внедрения идеологически правильных художественных программ в образовательные учреждения культуры. Борьба с формализмом в искусстве означала отделение художников от местных фольклорных традиций [14]. Нелегкая задача поиска баланса между политическими требованиями и классическим художественным образованием легла на плечи русских художников, ассимилировавшихся в Средней Азии в начале века и посвятивших жизнь преподаванию на художественных факультетах Узбекской ССР (Рис. 6).

Сын художника, Александр Александрович Волков, вспоминает: «Когда отец преподавал в училище, идет он как-то по коридорам здания, навстречу ему расстроены студенты. Он спрашивает у них: “В чем дело?” Ребята отвечают ему: “Курзин сказал, что из нас не может быть мастеров станковой живописи,

Рис. 6. Волков А.Н. «Студентки». 1935. Холст, масло. Собрание Государственного музея Искусств Республики Каракалпакстан имени И.В. Савицкого

Fig. 6. Volkov A.N. Students. 1935. Oil on canvas. Collection of the Karakalpakstan State Museum of Art named after I.V. Savitsky

потому что мы узбеки и можем заниматься только декоративным искусством. И поэтому мы уходим, зачем нам оставаться, если ничего не получится». Отец говорит: «Я беру ваш класс, и мы докажем Курзину, что вы можете быть художниками». Эти ребята стали первым выпуском отца, который, к сожалению, практически весь погиб на войне или был репрессирован» [5]. Влияние А. Н. Волкова испытывали также такие узбекские художники, как В. И. Бурмакин, Е. Н. Кравченко [4, с. 215], Ю. И. Талдыткин, Д. Ю. Умарбеков, М. М. Тохтаев, графики Ю. И. Стрельников, М. А. Кагаров, скульптор Д. С. Рузыбаев [4, с. 217], туркменский художник К. О. Оразнепесов.

В послевоенные годы творчество А. Н. Волкова было объявлено формалистским, а художник лишен возможности преподавания в училище. Положение семьи в и без того тяжелые послевоенные годы было трудным. От Александра Николаевича отвернулись практически все коллеги-художники и бывшие ученики. Однако среди друзей семьи нашли люди, стремившиеся восстановить имя художника и сохранить его творчество. После смерти А. Н. Волкова монографию о нем издал Р. Х. Такташ, а его стихи исследовал и описывал Э. Г. Бабаев [2, с. 49–51]. В 1960-е гг. творчество художника стараниями М. В. Раубе-Горчилиной и З. П. Комиссаренко было

представлено коллекционеру Г. Д. Костаки [15, с. 195].

Творческая династия художника А. Н. Волкова продолжается его сыновьями Валерием Александровичем и Александром Александровичем Волковыми, а также внуком Андреем Александровичем. Сыновья художника в 1970-х гг. создали свою собственную, вторую «Бригаду Волкова», существовавшую до 1990-х гг. А. А. Волков вспоминает: «С 1971 года до развала Союза каждый год почти бывали в Нукусе и вообще в Средней Азии. Каждый год мы уезжали туда на месяц-полтора в путешествие. Уже своей второй “бригадой”, которую мы назвали в честь бригады отца. В эту бригаду входили: мой старший брат [Валерий Волков.— Ю. Ч.], я, мой друг Дамир Рузыбаев, действующий скульптур, и Евгений Кравченко, живописец. Если говорить концептуально, то... мы как бы группировались отдельно от официальной жизни по своим принципам живописным, которые, конечно, мы несли от отца и от его круга художников» [5].

Влияние семьи Волковых на развитие культуры выражается не только в создании художественных произведений и педагогической деятельности. Сыновья А. Н. Волкова, Валерий Александрович и Александр Александрович, участвуют в создании Государственного музея искусств Республики Каракалпакстан им. И. В. Савицкого, помогая создателю музея формировать коллекцию живописи. По словам А. А. Волкова, семья художников состояла в дружеских отношениях с Игорем Витальевичем Савицким:

«Он уже в Москве коллекционировал, но как любитель. Коллекция его началась с народного искусства, он собирал вещи в кишлаках. Лежит, например, во дворе грязный ковер, по нему ходят бараны... он говорит: “Продайте мне его”. Ему отвечают: “Да он ничего не стоит, бери”. И он первое время вывозил находки в Москву. А потом только он понял, что очень плохо, что это искусство уходит. У него была выставка, очень наглядная, где он выставил ювелирные украшения: узбекские, туркменские, киргизские, казахские и каракалпакские. И когда висит вся стена украшений — ты видишь, что узбекское отличается от туркменского, например. В массе это виднее, чем когда

отдельные экспонаты. И он убедил, что нужно собирать, потому что не было такого ни в Ташкентском музее, ни в местном прикладном... никаких следов этой культуры. Ни ковров, ни деревянных скульптур...

Когда он оказался в Каракалпакии, ему дали уголок в краеведческом музее, где он выставлял только народное искусство. Никаких картин он не выставлял. Художники приходили в музей на подработку. Стенд какой-нибудь сделать. Там были способные люди. И. В. Савицкий загорелся идеей, что он будет нести им культуру, в живописи. А для того чтобы нести культуру в живописи... они же не могли попасть в Москву. Где они могли увидеть что-то? Он убедил местное начальство, что если он привезет образцы европейской культуры — это поможет местным художникам учиться на месте. Не обязательно уезжать в Москву. Начал собирать он в Ташкенте. Никакой Москвы он не собирал тогда. Начало коллекции, первый инвентарный номер, это работа Волкова [А. Н. Волкова.— Ю. Ч.]. С Волкова начался музей. Затем он кинулся к вдове Курзина, вдове Усто-Мумина работы взять. Представьте, приходит какой-то человек, приносит бумажку, обычную, для машинки, и пишет: “Я директор такой-то, беру и обещаю оплатить на закупку работы...”. Кто он такой? Они говорят: “Не дадим мы работы. Вот если Волик, так звали брата [Валерий Волков.— Ю. Ч.], даст работы отца и к нам придет, то мы дадим. А так нет”. Савицкого там сначала [в Нукусе.— Ю. Ч.] встречали в штыки, потому что он как бы нарушал баланс жизни, они [салонные художники в Каракалпакии.— Ю. Ч.] там писали свои работы для колхозов и совхозов. А тут человек, который другое искусство привозит. Физически я иногда потом помогал ему в Москве приносить работы, иногда ходил с ним по мастерским.

В 1972 году мы сделали выставку по приглашению Савицкого в музее. Везли туда свои работы: я, Валерий [Волков.— Ю. Ч.], Кравченко [Евгений.— Ю. Ч.] и по дороге Дамир [Рузыбаев.— Ю. Ч.] подключился. Вот мы садимся в поезд, проходящий, он идет через Душанбе, в Нукусе тогда не было станции. Он шел через станцию Хаджилли, это в двадцати километрах от Нукуса. Поезд отстает от расписания.

Когда он придет — неизвестно, а он [поезд.— Ю. Ч.] должен стоять всего три минуты. Просыпаемся мы в три часа ночи, от того что поезд стоит, проводник спит. Стоит поезд не на вокзале, не на платформе, а просто в степи, где нет ни фонарей, ничего. Мы быстренько разгрузили наши картины, поезд уехал. И никого. Степь, ночь, месяц довольно холодный, даже летом там климат континентальный. Но с первыми лучами солнца появился улыбающийся Савицкий с грузовиком, и мы все это отвезли в Нукус. Вот так он возил. Причем он покупал три билета иногда, а иногда один билет, в купе загружал все это, несмотря на протесты пассажиров, но он как-то ухитрялся так уговорить всех, что его ни разу никто не выставил из купе с картинами» [5].

На вопрос о том, не планировал ли Игорь Витальевич Савицкий собирать московских художников изначально, еще до своего участия в Хорезмской археологической экспедиции, А. А. Волков отвечает:

«Может у него и была какая-то тайная мысль, все-таки он учился у Ульянова, он знал хорошо эту школу... но как ему удалось убедить правительство Узбекистана или Каракалпакии, что нужно этих художников покупать, — я не знаю, потому что не было никаких привязок [обоснований для комплектования этих художников.— Ю. Ч.]... На самом деле это же совершенно безумная идея: нигде такого не было. У него была идея собрать это вместе. Найти эту точку, на вывоз, куда везти. И он понял, что в Ташкентском музее он не сможет этого сделать. Ему не дадут. И в Москве ему не дадут» [5].

Александр Николаевич Волков оказал значительное влияние на развитие художественной культуры Узбекской ССР. Создатель

станковых живописных произведений, витражей, фресок, театральных декораций, поэт, участник значительных художественных объединений — все свое творчество он посвятил жизни современной ему страны. Однако его вклад в развитие живописи не ограничился только творчеством. Долгие годы А. Н. Волков отдал педагогической деятельности, со всей серьезностью подойдя к задаче зарождения и развития собственной живописной школы Узбекистана.

Идея создания в Каракалпакии музея, хранящего не только образцы местной этнографии, но и произведения русских и узбекских художников 1920–1930-х гг., не могла оставить семью мастера безразличной. Сыновья художника, В. А. и А. А. Волковы, включились в деятельность по комплектованию фондов музея, ускорив процесс собирания коллекции И. В. Савицким — создателем музея. Получившая развитие под влиянием русской интеллигенции культура Узбекской ССР несет на себе отпечатки различных региональных художественных центров России и стран ближнего зарубежья. Причудливый синтез местного колорита со стилистическими тенденциями социалистического реализма, авангарда, влияние русских художественных объединений «Бубновый валет», «Голубая роза», «Новая Сибирь» дают возможность обозначить роль русской культуры в дальнейшем развитии живописи Узбекистана. Значимыми участниками в данном процессе можно назвать семью живописцев Волковых. Династия художников, продолжающих традиции отца, в настоящее время по-прежнему выполняет миссию сохранения российского художественного и культурного наследия.

Yulia V. CHUVILKINA

Postgraduate Student, Likhachev Russian Research Institute
for Cultural and Natural Heritage,
Moscow, Russian Federation,
chuvilkina.julia@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-1801-2785

***The Contribution of the Volkov Artistic Dynasty
to the Development of the Culture of the Uzbek SSR (1920s–1990s)***

Abstract. The aim of the article is to analyze the activities of representatives of the Volkov artistic dynasty (primarily its founder, Alexander N. Volkov) in terms of their influence on the formation and development of the culture of the Uzbek SSR. The sources for the analysis were works of art, audio recordings of memoirs, the results of research by art historians and cultural historians. The applied methodological approach is based on the integrated use of historical research methods (historical-descriptive, comparative-historical, historical-systemic methods) and tools inherent in research in the field of art history (methods of formal analysis of works of art, problem-logical method). The artistic environment of Central Asia in the 1920s–1930s is characterized. The factography of the activities of local art associations (Masters of the New East and Volkov's Brigade) is revealed; Volkov's role in their creation and development is established. The author emphasizes the inextricable link between the works of the artists who were part of these associations and the Russian artistic tradition. The author explores Volkov's teaching activities and reveals his influence on the formation in Uzbekistan of a community of young artists who received professional education on the basis of art faculties that opened in the educational institutions of the republic in the 1930s. The author also describes the difficulties of pedagogical activities in this period, which were caused by the need to find a balance between political requirements and the traditions of Russian classical art education. The creative and organizational activities of Alexander N. Volkov's sons are described: the sons continued the work of their father's life in the 1960s–1990s. The author presents the transcript of the audio recording of the memoirs of the artist's son, Alexander A. Volkov, about the participation of the dynasty's representatives in the formation of the collection of the Karakalpakstan State Museum of Arts named after I.V. Savitsky. The author concludes that the creative and pedagogical activity of the Volkov dynasty fully reflects the influence of Russian culture on the development of the artistic tradition in Uzbekistan. Its essential basis was the synthesis of local color with the stylistic tendencies of socialist realism and avant-garde, supplemented by the influence of Russian art associations Knave of Diamonds, Blue Rose, New Siberia. Thus, the culture of the Uzbek SSR was formed under the influence of various regional art centers in Russia and in its neighboring states, and with the direct participation of gifted enthusiasts who took on the difficult mission of ensuring the processes of cultural construction.

Keywords: Nukus, Uzbekistan, museum, collection, Savitsky, Volkov, artist, dynasty, Volkov's Brigade, Masters of the New East.

Использованная литература:

1. Александр Волков // Общественный каталог музея им. И. В. Савицкого. URL: <http://nukus.open-museum.net/author/profile/97/> (дата обращения: 02.02.2022).
2. Александр Волков. Солнце и караван / вступ. ст. Дж. Боулт, пер. С. Шкунаева, И. Горст. М.: Слово, 2007.
3. Александр Николаевич Волков, народный художник Узбекской ССР. 1886–1857: [Каталог выставки] (г. Москва, март-май 1967 г.). М.: [Б. и.], 1967.
4. Волков А. Сокровища Нукуса. После выставки // Панорама искусств. Альманах № 2. М.: Ситипринт, 2018. С. 199–224.
5. Воспоминания Александра Александровича Волкова от 01.12.2021 г.: [аудиозапись] // Личный архив Волкова А. А.
6. Денисова Л. М. Александр Волков. «Дни кочевья» // Диалог искусств. 2007. № 6. С. 106–111.
7. Денисова Л. М. Культурное пространство: к истории собирательства // Золотая палитра. 2009. № 1. С. 40–45.
8. Еремян Р. «Мастера Нового Востока» как часть мирового художественного процесса // Московский

References:

1. Nukus.open-museum.net. (2022) *Aleksandr Volkov* [Alexander Volkov]. [Online] Available from: <http://nukus.open-museum.net/author/profile/97/> (Accessed: 02.02.2022).
2. Bowlt, J.E. et al. (2007) *Aleksandr Volkov. Solntse i karavan* [Alexander Volkov. The Sun and the Caravan]. Moscow: Slovo.
3. Anon. (1967) *Aleksandr Nikolaevich Volkov, narodnyy khudozhnik Uzbekskoy SSR. 1886-1857* [Alexander Nikolaevich Volkov, People's Artist of the Uzbek SSR. 1886–1857]. Exhibition catalogue. Moscow: [s.n.].
4. Volkov, A. (2018) *Sokrovishcha Nukusa. Posle vystavki* [Treasures of Nukus. After the Exhibition]. In: *Panorama iskusstv. Al'manakh* [A Panorama of Arts. Almanac]. Vol. 2. Moscow: Sitiprint. pp. 199–224.
5. Personal Archive of A.A. Volkov. (2021) *Memoirs of Alexander Alexandrovich Volkov of 01 December 2021*. [Audio recording]. (In Russian).
6. Denisova, L.M. (2007) *Aleksandr Volkov. "Dni kochev'ya"* [Alexander Volkov. Days of Nomadism]. *Dialog iskusstv*. 6. pp. 106–111.

союз художников. URL: <http://artanum.ru/analitics/content.php?id=8&gid=52> (дата обращения: 30.01.2022).

9. Земская М. И. Александр Волков. Мастер «Гранатовой чайханы». М.: Советский художник, 1975.

10. Муратов П. Д. Художественная жизнь Сибири 1920-х. Л.: Художник РСФСР, 1974.

11. Позднеев А. Г. Сибирские художники на первом съезде // Детективная история изобразительного искусства Сибири. Музейный блог. URL: <http://novartor.ru/?p=819> (дата обращения: 31.01.2022).

12. Такташ Р. Х. Волков Александр Николаевич: [Альбом репродукций]. Ташкент: Изд-во литературы и искусства, 1982.

13. Турутина С. М., Лошеньков А. Б., Дьяченко С. П. Авангард, остановленный на бегу / под ред. М. Н. Григорьевой. Л.: Аврора, 1989.

14. Хромченко С. М. Советский миф в искусстве Востока. Государственный музей искусства народов Востока. Международная ассоциация искусствоведов. 24–25 мая 1995 г. // Вопросы искусствознания. 1995. № 1–2. С. 582–588.

15. Чудецкая А. «Искусство Савицкое» // Панорама искусств. Альманах № 2. М.: Ситипринт, 2018. С. 173–198.

7. Denisova, L.M. (2009) Kul'turnoe prostranstvo: k istorii sobiratel'stva [Cultural Space: To the History of Gathering]. *Zolotaya palitra*. 1. pp. 40–45.

8. Eremyan, R. (2008) "Mastera Novogo Vostoka", kak chast' mirovogo khudozhestvennogo protsessa [Masters of the New East as Part of the Global Artistic Process]. [Online] Available from: <http://artanum.ru/analitics/content.php?id=8&gid=52> (Accessed: 30.01.2022).

9. Zemskaya, M.I. (1975) *Aleksandr Volkov. Master «Granatovoy chaykhany»* [Alexander Volkov. Master of the Pomegranate Teahouse]. Moscow: Sov. khudozhnik.

10. Muratov, P.D. (1974) *Khudozhestvennaya zhizn' Sibiri 1920-kh* [Artistic Life of Siberia in the 1920s]. Leningrad: Khudozhnik RSFSR.

11. Pozdneev, A.G. (2020) *Sibirskie khudozhniki na pervom s'ezde* [Siberian Artists at the First Congress]. [Online] Available from: <http://novartor.ru/?p=819> (Accessed: 31.01.2022).

12. Taktash, R.Kh. (1982) *Volkov Aleksandr Nikolaevich* [Alexander Nikolaevich Volkov]. [Album of reproductions] Tashkent: Izd. lit-ry i is-va.

13. Turutina, S.M., Loshen'kov, A.B. & D'yachenko, S.P. (1989) *Avangard, ostanovlennyy na begu* [Avant-Garde Stopped on the Run]. Leningrad: Avrora.

14. Khromchenko, S.M. (1995) *Sovetskiy mif v iskusstve Vostoka. Gosudarstvennyy muzey iskusstva narodov Vostoka. Mezhdunarodnaya assotsiatsiya iskusstvedov. 24–25 maya 1995 goda* [Soviet Myth in the Art of the East. State Museum of Oriental Art. International Association of Art Critics. 24–25 May 1995]. *Voprosy iskusstvoznaniya*. 1-2. pp. 582–588.

15. Chudetskaya, A. (2018) "Iskusstvo Savitskoe" [The Savitsky Art]. In: *Panorama iskusstv. Al'manakh* [A Panorama of Arts. Almanac]. Vol. 2. Moscow: Sitiprint. pp. 173–198.

Полная библиографическая ссылка на статью:

Чувилькина Ю. В. Вклад художественной династии Волковых в развитие культуры Узбекской ССР (1920–1990-е годы) / Ю. В. Чувилькина // Наследие веков. – 2022. – № 1. – С. 76–86. DOI: 10.36343/SB.2022.29.1.007

Full bibliographic reference to the article:

Chuvilkina, Yu. V. (2022) The Contribution of the Volkov Artistic Dynasty to the Development of the Culture of the Uzbek SSR (1920s–1990s). *Nasledie vekov – Heritage of Centuries*. 1. pp. 76–86. (In Russian). DOI: 10.36343/SB.2022.29.1.007

КНИЖНОЕ РЕВЮ: РЕЦЕНЗИИ И ОБЗОРЫ

BOOK REVIEWS

КАЗАКОВА Анна Юрьевна

доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник
отдела социологии и социальной психологии
Института научной информации по общественным наукам
Российской Академии наук,
Москва, Российская Федерация

Anna Yu. KAZAKOVA

Dr. Sci. (Social Structure, Social Institutions and Processes),
Institute of Scientific Information for Social Sciences,
Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation,

kazakova.a.u@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-8685-9515

УДК: [351.853.2:712.01]:069(438)(049.32)
ГРНТИ: 13.51.91
ВАК: 24.00.03

DOI: 10.36343/SB.2022.29.1.008

Зеленая история: польский опыт музеефикации памятников садово-паркового искусства

Рец. на книгу:

Kuśmierski, J. Hortuseum. Muzealizacja europejskich
ogrodów w XXI wieku [Музеефикация европейских
садов в XXI веке]. Ścinawka Górna: Zamek Sarny
Sudety, 2020. 67 s. ISBN 978-83-959914-0-0

Green History: Polish Experience of Musealisation of Landscape Art Heritage

Book Review:

Kuśmierski, J. (2020), *Hortuseum. Muzealizacja
europejskich ogrodów w XXI wieku*. [Musealisation of
the European Gardens in the Twenty-First Century]
Ścinawka Górna: Zamek Sarny Sudety. 67 s.
ISBN 978-83-959914-0-0

Рецензия призвана познакомить отечественного читателя с практически не развитой в России формой актуализации культурного потенциала исторических садов и парков, которая представляет собой их превращение в объекты самостоятельного музейного показа. Работа польского специалиста по музеефикации зеленых насаждений анализируется с точки зрения возможностей компаративного анализа состава, использования и сохранности садового культурного наследия как национального, так и регионального уровней; роли, доли и места памятников садово-паркового искусства и исторически ценных озелененных территорий в культур-

ной политике государства и потребностей населения (туристических, оздоровительных, рекреационных, досуговых, образовательных и иных), перспектив исследования взаимоотношений между элитарной и массовой культурой садоводства и ландшафтного дизайна.

Ключевые слова: объекты культурного наследия, памятники садово-паркового искусства, использование, музеефикация, садовые музеи.

В течение двух истекших лет, следом друг за другом, благодаря издательской деятельности Фонда реконструкции дворцово-паркового комплекса «Дворец Косули» (Dwór Sarny), расположенного в деревне Съчинавка Гурна в Нижней Силезии (Республика Польша), вышли в свет две небольшие книги польского автора Яцека Кусьмерского. Гибридное слово «хортузей» (Hortuseum) в заглавии первой образовано от всем понятного «музея» и принятого у садоводов сокращения «hort.» (от лат. hortulanorum), которое в ботанике указывает на садоводческое

происхождение названия. Спонсором ее издания в 2020 г. стал Европейский маршрут исторических садов, описанию которого через год автор посвятил новую книгу [29]. Выход этой книги приурочен к важному событию – сертификации Садового маршрута Советом Европы в октябре 2020 г., что не только свидетельствует о признании особой культурной ценности исторических садов, парков и других зеленых насаждений, но и способствует росту международного престижа и туристической привлекательности территорий, на которых они расположены.

Сведения об авторе

Яцек Кусьмерский (Jacek Kuśmierski) – представитель редчайшей профессии, лежащей на пересечении истории и музейного дела, ботаники и ландшафтной архитектуры: реставратор и консерватор зеленых насаждений, имеющих историческую ценность. Являясь действующим музейным сотрудником, членом Международного совета музеев (ICOM) и Общества ландшафтной архитектуры, автор включен в работу Европейского маршрута исторических садов и Европейского Центра садового искусства имени Эдуарда Петцольда (Съчинавка Гурна, Силезское воеводство, Польша). В условиях острого дефицита специалистов такого узкого профиля важной частью своей профессиональной деятельности Я. Кусьмерский считает курирование практикантов Вилянувского королевского дворца, изучающих ландшафтную архитектуру [28].

Профессиональные и научные интересы самого автора определились еще в аспирантуре Ягеллонского университета (Краков, Польша) по направлению «Культурная дипломатия». Нарботки диссертации «Музеефикация садов: генезис, формы и перспективы развития», обновленные и дополненные позднейшими материалами, легли в основу рецензируемой книги.

Новизна работ Я. Кусьмерского бесспорна и для Польши, и для России. Сотрудник Европейского Центра садового искусства – первого в Польше учреждения, полностью посвященного изучению и охране исторических садов, – стал и автором первых в Польше и весьма малочисленных в Европе работ, комплексно

освещающих проблемы охраны, реконструкции и ревалоризации озелененных территорий, являющихся одновременно памятниками природы и памятниками истории, культуры, архитектуры. В России огромное количество исследований посвящено усадебной культуре, столичной [23] и провинциальной [10]; приго-

родам Санкт-Петербурга [9], курортным паркам Крыма [16] и Кавказа [1]; монастырским ансамблям [12]; культурной ценности [19] и социальным функциям [2] исторических мест, национальных парков, заповедников, особо охраняемых природных территорий. Есть работы, где особо рассматриваются техники ландшафтного дизайна [22] и декоративного садоводства [25], их значение как средств выражения стиля эпохи [5], композиции историко-культурных комплексов [11], как инструментов повышения привлекательности, экологичности, архитектурно-ландшафтной целостности [7], потенциала социально-экономического развития городской и сельской среды [21], укрепления исторической памяти и сплоченности [17], территориальной идентичности [13] и качества жизни населения [3] [24].

Вместе с тем специализированные описания исторических садов и парков как самостоятельных объектов музеефикации, музейного и туристического показа в современной отечественной науке редки. По запросу «сады и парки» автора настоящей рецензии в НЭБ «eLIBRARY.RU» обнаружилось 13109 работ различных жанров, содержащих данное словосочетание (с возможными морфологическими вариантами) в любом разделе текста. Однако при дальнейшем анализе выяснилось, что в найденных результатах слово «музеефикация» используется в полном тексте всего 178 работ, а научных материалов, которые содержали бы это слово в заглавии, аннотации или ключевых словах, – лишь 17. Почти все публикации – журнальные статьи или короткие сообщения в сборниках материалов конференций. Только одна работа по своему объему и жанру – учебное пособие Т. Г. Гребенниковой [8], изданное на кафедре археологии, этнографии и музеологии Алтайского государственного университета, – претендует на полное и комплексное описание научного объекта. Хотя оно издано еще в 2013 г., общеметодологический характер исключает потерю ею актуальности. Важнее то, что в единственной (и самой маленькой) главе пособия, посвященной истории изучения и принципам классификации природного наследия, исторические сады и парки не выделяются в отдельную категорию,

особые техники и приемы работы с ними не рассматриваются. Сказанное обуславливает полезность знакомства российских специалистов с позитивными примерами зарубежного опыта, особенно с учетом почти полного отсутствия сравнительных исследований. Уникальные исключения составляют внутривидовое сравнение в монографии М. В. Нащокиной «Русские сады» [15] и межстрановое – в небольшой статье Ю. Ван «Горное убежище от летнего зноя» [4], в материалах недавней тематической конференции, организованной Царскосельским музеем-заповедником [18].

Работы Я. Кусьмерского, по объему соответствующие скорее брошюре, чем монографии, за счет богатого научно-справочного аппарата и обилия иллюстративного материала, содержательно и графически обработанного в большинстве случаев самим автором, открывают широкие перспективы именно для такого сравнительного анализа, поскольку материал не ограничивается только Польшей. Важнейшими практическими наработками, вынесенными в Приложения к первой работе («Hortuseum»), являются две карты, подготовленные с помощью сетевого сервиса свободного создания векторных карт Вемапс (<https://vemap.com>): Исторические сады Европы в списке Всемирного наследия ЮНЕСКО (S. 42–43) и Музеи садов и садоводства в мире (S. 48–49). Аналогично составленные карты в Приложениях к работе 2021 г. [29, s. 44–51] представляют объекты, пилотные проекты которых были профинансированы в рамках Европейского года исторических садов (1993), и объекты, внесенные в Европейский маршрут исторических садов [27].

Обращает на себя внимание их чрезвычайно неравномерное территориальное распределение, которое едва ли можно поставить в зависимость от мягкости климата. Такая же неравномерность наблюдается и в территориальном размещении памятников садово-паркового искусства в Российской Федерации, где традиционно аграрные и курортные регионы (Краснодарский край, Алтайский край, Карачаево-Черкесская и Кабардино-Балкарская Республика) с чрезвычайно благоприятными для садоводства условиями намного отстают от северных регионов и зон рискованного зем-

леделия. Первую пятерку регионов по абсолютному количеству памятников садово-парковой культуры составляют (по убыванию) Санкт-Петербург, Московская область, Республика Дагестан, Ленинградская, Новгородская область; по доле же памятников садово-парковой культуры в составе всех объектов культурного наследия региона – Санкт-Петербург, Ленинградская область, Калужская область, Московская область и Республика Дагестан.

Обращает на себя внимание и абсолютно непропорциональное размерам территорий соотношение «зеленых» памятников в России и Польше. Согласно информации на сайте Министерства культуры РФ 1, всего их насчитывается 2 487 единиц, т. е. 1,7 % от общей численности всех памятников. По данным, приведенным Я. Кусьмерским в уже цитированной статье 2019 г., в Польше количество внесенных в реестр зеленых насаждений равно 7 449 единицам, что составляет 10,51 % всего реестра недвижимых объектов культурного наследия. Министерством РФ как удовлетворительное оценивалось состояние 64 российских объектов, то есть 2,6 %. Я. Кусьмерский же говорит о 31,8 % объектов в Польше, характеризующихся средней степенью сохранности исторических форм.

Очевидно, что причину столь резких различий следует искать не в климате, почве, сельскохозяйственной пригодности территорий, а в культурной политике. Несмотря на то, что исторические насаждения, взятые под охрану государства, имеют двойной режим правовой защиты, который «устанавливается законодательством в области охраны окружающей среды, а также законодательством о природном и культурном наследии» [20, с. 128], музеефикация значительно лучше противостоит загрязнению, деградации, снижению природного разнообразия и полному исчезновению зеленых насаждений, чем формальное ужесточение законов. Неслучайно на картах Я. Кусьмерского Россия представлена

лишь дважды: историческим центром Санкт-Петербурга (куда были включены также «священные объекты» в дворцовых пригородах) и Музеем плодового садоводства Среднего Урала (Сад Казанцева) в Екатеринбурге [14], который постоянно подвергается атакам застройщиков и бизнесменов, зарящихся на лакомый кусок земли в самом центре города [6].

«Hortuseum» и «Europa zjednoczonych ogrodów», объединенные и темой, и проблемой, не дублируют, но дополняют друг друга. Структура первой работы подчинена задачам характеристики генезиса музеефикации исторического сада, форм, в которых она может выступать, и дальнейших перспектив ее развития, в чем автор видит прежде всего «шанс сохранения исторической и художественной ценности садов» (задний форзац книги). Вторая книга посвящена вопросам продвижения культурного наследия на международном уровне: потенциал Европейского Садового маршрута как средства развития международного туризма, вклад Европейского Союза в культурную политику государства [29, с. 56].

«Hortuseum» открывается предисловием, в котором автор обосновывает важность изучения садового искусства как одного из интегративных элементов комплекса европейского культурного наследия, и введением, где определяется специфика исторического сада как живого музея, объединяющего пространство природы и пространство культуры. Во введении приводится и краткий обзор истории перехода от сада как дополнительного выставочного пространства при музее к саду как самостоятельной музейной коллекции растений. Этот переход в конце концов завершается включением зеленых насаждений в состав культурного наследия, что совпало с расширением форм существования музея от здания до целого ландшафта: «Стремление сберечь и представлять памятники непосредственно по месту их расположения вылилось в формат музея под открытым небом, экомузея и сетевого музея, соединяющего разнотипные, пространственно разобщенные, коллекции. Суть коллекции также подверглась переосмыслению: объектная ориентация сменилась идейной, и благодаря этому музеефицировать стало возможным любой вид

¹ Актуальному в 2015 г., на момент работы автора рецензии по гранту РГНФ и Правительства Калужской области, проект № 15-13-40601 е(р) «Социальные факторы сохранности исторической памяти как основы территориальной идентичности локальных городских сообществ».

материального и нематериального наследия, в том числе садоводческого» (S. 10) (Перевод наш – А. К.).

Важной частью введения является характеристика состояния изученности темы: эта историография отчасти определяет новизну и образовательный потенциал работы польского ученого. Начало изучения сада как музея он датирует второй половиной 80-х гг. XX века и связывает его с именами британского историка ландшафтов Джона Диксона Ханта, польско-французского историка европейской культуры Кшиштофа Помяна, французского искусствоведа Антуана Шнаппера, музеолога Паулы Финдлен из университета Беркли, Калифорния, американского историка искусства Клаудии Лаззаро, польского искусствоведа Малгожаты Шафранской, итальянского специалиста по семиотике Джузеппе Ольми. Кроме исторического, Я. Кусьмерский отмечает также направление, связанное с техниками консервации и музееведением (Януш Богдановский, Малгожата Шафранская и другие), выделяя в качестве важнейшего этапа проблематизацию возможности музеефицировать сад, обозначенную французским историком искусства, специалистом по садово-парковому искусству XVIII в. Моникой Моссер в работе 2017 г. В этом же ключе Я. Кусьмерский обращается и к наследию Д. С. Лихачева в области определения садово-парковых стилей, ссылаясь на польское издание «Поэзии садов». Помимо работ отдельных авторов, в качестве важных вех формирования теоретических основ музеефикации сада Я. Кусьмерский называет проходившие в течение последних пяти лет в Европе тематические конференции, семинары и выставки.

Генезис садов-музеев в главе «Процесс музеефикации садов» выводится из успехов английского ландшафтного движения XVIII в., первыми проявлениями которого были протесты против модификаций ранее разбитых садов, а со второй половины XIX в. – все более частые практики охраны и консервации вопреки реставраторским практикам «улучшения», которые продвигал французский архитектор Эжен Виоллеле-Дюк. Центральными же фигурами движения за сохранность исторических садов Я. Кусьмерский считает шотландского

проектировщика Джона Клодиуса Лаудона, влиятельного искусствоведа и критика Джона Рескина, а также лидера художественного движения «Искусства и ремесла», основателя Общества охраны исторических зданий Уильяма Морриса. В начале XX в., как показывает автор в разделе «Сад как культурная ценность», стала усиливаться институционализация охраны памятников садово-паркового искусства, закреплявшая на уровне законодательства особый охраняемый режим для исторических садов сначала в Италии (1902), а далее во Франции (1913), Польше (1918), России (1921) и Австрии (1923). Еще раньше возникли первые общественные организации, преследующие те же цели: Национальный Фонд в Англии (1895) и Шотландии (1931), а также французский Исторический Дом (1924). Переломными стали 1930-е гг.: «Причиной послужило рождение идеи творческого сохранения и садовой археологии. Первую инициировал Рудольф Эстерер в лекции 1929 года о защите Родины и новых взглядах на строительство. Немецкий архитектор выдвинул смелый тезис о том, что сохранение памятника должно быть направлено не только на сохранение объекта, но и на его оживление, на доступность пониманию масс. Эти взгляды нашли свое отражение в современных реконструкциях исторических прототипов садовых площадок» (S. 18). В 1931 г. возникли международные нормы исторической консервации (Афинская Хартия). Практическое воплощение новые представления и утвержденные нормы получили во второй половине XX в., когда происходила реставрация и ревалоризация огромного количества памятников, сопровождавшаяся дальнейшей институционализацией отрасли, ее научно-теоретическим и методологическим осмыслением.

Важнейшей частью работы является раздел «Виды садового наследия», среди которых автор выделяет следующие.

«Природное наследие:

1. Неживые формы – структурирование территории, водоснабжение, грунт.
2. Живые формы – дикие растения и грибы, живущие в саду животные и другие организмы, формирующие его метаболизм.
3. Системы организмов, экосистемы и ландшафты.

Материальное культурное наследие:

1. Запланированные стационарные поверхностные, линейные и точечные объекты, в том числе сады и парки, представляющие разные стили и особенности.

2. Объекты в месте размещения, например, уличная и садовая мебель, скульптурные светильники, керамика, гидравлика, садовый дизайн, живые фигуры из растений.

3. Объекты за пределами места размещения, например, книги по садоводству, документы, рисунки, планы, иконография, трафареты, семена и корневища, садовые инструменты, техника, измерительные приборы и другие артефакты, связанные с садовым искусством.

Нематериальное культурное наследие:

1. Широко понимаемая садовая культура, например, традиции и методы посевов, отбор сортов, садоводство как ремесло, инженерная мысль.

2. Формы проведения времени в саду.

3. Память о связанных с садами событиях и персонажах.

4. Семантика сада, эволюция идеи и содержания образа.

5. Философия природы и способ интерпретации живого» (S. 21) (Перевод наш – А. К.).

Центральная глава книги – «Формы музеефикации садов». В ней автор оговаривает современное понимание музеефикации, которая не сводится к поиску, обнаружению и переносу в музей интересного в том или ином контексте предмета. «Новая музеология» расширяет дефиниции музея и коллекции, позволяя включать в них любые артефакты и явления природы. Осуществившаяся «музеефикация мира» сделала музеи хранилищами знаний и памяти, чему в немалой степени способствовала оцифровка коллекций и виртуализация музеев. Следствием поворота общественного сознания к прошлому, к феномену исторической и социальной памяти стали следующие проявления «музеефикации мира»: «рост числа и социальной значимости музеев, перевод памятников в состав музейных фондов, высокая посещаемость выставок, охват различными формами охраны отдельных памятников и целых территорий. В более широком смысле признаками музеефикации являются также массовое коллекционирова-

ние любых свидетельств прошлого, природоохранные меры, исторические реконструкции и профессионализация музейной деятельности. ...Можно заключить, что процесс музеефикации садов проявляется двумя путями: *ex situ* через формирование коллекций, садовых музеев и организацию выставок, а также *in situ*, когда комплексы насаждений получают статус охраняемых объектов или превращаются в живые музеи, тематические парки и лаборатории, опытные станции, где проходят подготовку новые поколения специалистов» (S. 23) (Перевод наш – А. К.). Спецификации перечисленных форм автор посвящает основную часть главы.

Подводя итоги в заключительной части работы, Я. Кусьмерский подчеркивает, что включение садов в сферу музейного дела укрепляет собственные позиции музеев, давая им новый толчок к развитию и повышению престижа в обществе. Растительность станет для них не только средой и декором, но и непосредственным объектом труда, профессиональной заботы и источником привлекательности для туристов. Благодаря садам и садовым коллекциям музеи усилят свою роль центров научной интерпретации наследия, открытых источников народного просвещения и образовательных площадок, ведущих практическую подготовку историков, садоводов, реставраторов, агрономов и селекционеров, дизайнеров и архитекторов.

Работы Я. Кусьмерского адресованы прежде всего музейным работникам, которые «увечивают память о садах, в числе прочего, путем собирания и обработки музейных коллекций, их экспозиции, а также кураторской и образовательной деятельности» (S. 7) (Перевод наш – А. К.). Но очевиден высокий образовательный потенциал рассматриваемых трудов и широкие перспективы междисциплинарных исследований. Как только мы перестаем рассматривать сад, музей, коллекцию как изолированный объект и соотносим его – в духе подхода автора – с окружающим ландшафтом, возникает вопрос о его социальном смысле, которым и следует измерять, в конечном счете, культурную ценность. Чем определяется привлекательность садового музея для посетителя, в чем его пред-

почтительность по сравнению с обычными – «неисторическими» – прогулочными площадками, рекреационными зонами, озелененными территориями? Насколько важен для гуляющих «дух места», аутентичность или утрата исторического облика? Работ, отвечающих на эти вопросы, не слишком много, но отдельные исследования дают основания считать, что горожане ценят историчность места намного выше, чем бытовой комфорт, увеселения и техническую оснащенность, и не готовы жертвовать первозданностью в угоду модернизации [26, с. 75]. Чрезвычайно интересен и, как нам представляется, совершенно не изучен вопрос о соотношении «высокого» садово-паркового искусства и «низкого» – массового, народного – садоводства и огородничества. Влияют ли садово-парковые стили на выбор сельскохозяйственных культур простыми дачниками? Находят ли малые архитектурные формы дворцовых комплексов искаженное отражение в садовом китче в виде керамических гномиков, жаб-фонтанчиков и гипсовых аполлонов бельведерских? Что определяет модель

современной российской дачи – вдохновение опытом известных селекционеров и архитекторов, массмедиа и мода или народная традиция? Насколько близки социальные профили публики садовых музеев, ботанических садов, дворцовых и усадебных парков, посетителей садовых ярмарок и покупателей магазинов для дачников, садоводов и огородников в России в целом и ее отдельных регионах?

Наконец, предложенные Я. Кусьмерским основания классификации садов как объектов культурного наследия могут непосредственно использоваться при определении ориентиров градостроительного развития и в реализации разнообразных урбанистических проектов. Последнее наводит на размышления о судьбах, современном состоянии, социальном использовании и перспективах музеефикации прежде всего провинциальных объектов садово-паркового искусства, которые, если верить перечню объектов культурного наследия РФ, составляют в нем 53 %, уравнивая долю Санкт-Петербурга, Москвы и столичных областей.

Anna Yu. KAZAKOVA

Dr. Sci. (Social Structure, Social Institutions and Processes),
Institute of Scientific Information for Social Sciences,
Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation,
kazakova.a.u@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-8685-9515

Green History: Polish Experience of Musealisation of Landscape Art Heritage

Abstract. The review presents the experience of musealisation of objects of landscape and park cultural heritage summarized in the books of Jacek Kuśmierski, who is a Polish specialist in the field of conservation and restoration of green spaces of historical value. The books were published in 2020 and 2021 by the Foundation for the Reconstruction of the “Dwór Sarny” Palace and Park Complex, located in the village of Ścinawka Górna in Lower Silesia (Republic of Poland). The time was chosen to coincide with the certification in 2020 by the Council of Europe of the European Route of Historical Gardens, in which Kuśmierski sees great international, tourist, nature conservation and culture-preserving importance. Since specialized descriptions of historical gardens and parks as independent objects of musealisation, museum and tourist display are still rare not only in domestic but also in European literature, small works by Kuśmierski have indisputable novelty and practical value. Mapping of historical gardens of Europe and garden museums, classification of types of garden heritage and forms of their musealisation open up broad prospects for comparative research and understanding of the structure, levels, functions of “high” and “low” garden culture in Russia and abroad. The historiography of the

scientific analysis of the problem of musealisation of green spaces and the periods of the formation of the institutional framework of this process in Europe that the author identified determine the theoretical significance of the work. The book is addressed to specialists in museum business. It can also be useful to persons who study the problems of forming a favorable urban environment, the potential of the socioeconomic development of territories, and determines the guidelines of urban development. The preservation of cultural heritage objects and the conditions that can ensure it are independent and extremely urgent problems for Russia. They indicate the value of familiarization with the European experience of protecting historically valuable green spaces for specialists in the field of jurisprudence, state and municipal management. Kuśmierski's works suggest the need to revise the priorities of the state cultural policy in the field of cultural heritage protection. This policy should shift towards the "musealisation of the world". Kuśmierski characterizes "musealisation of the world" as a pan-European sociocultural trend of increasing the value of historical memory, as efforts to ensure the preservation of not only an isolated artifact, but its entire unique ecosystem as a complex of elements of natural, tangible and intangible cultural heritage.

Keywords: objects of cultural heritage, garden and park art, use, musealisation, garden museums.

Использованная литература:

1. Агапова М.Е., Довганюк А.И. Метод «ландшафтотерапии» при организации территории оздоровительных учреждений и курортных парков // Вестник ландшафтной архитектуры. 2021. № 26. С. 3-8.
2. Анисимова Л.В. Археологические объекты в современной городской среде // Архитектон: Известия вузов. 2021. № 3. Порядковый номер 7. DOI: 10.47055/1990-4126-2021-3(75)-7.
3. Белякова Н. А., Чернявская Е.Н. Разработка методики реконструкции дворовых территорий на примере г. Москвы // Вестник ландшафтной архитектуры. 2014. № 3. С. 14-17.
4. Ван Ю. «Горное убежище от летнего зноя» («Бишу Шаньчжуань») в Чэндэ и Царскосельская императорская резиденция: исторические параллели и особенности музеефикации // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. № 9 (71). С. 27-32.
5. Гаврилова О. Н. Реставрация и музеефикация усадебного комплекса графини А. А. Орловой-Чесменской – новое направление развития музея «Витославлицы» // Новгородика-2015. От «Правды Русской» к российскому конституционализму: Материалы V междунар. науч. конф. (Великий Новгород, 24–25 сентября 2015 г.) Великий Новгород: Новгород. гос. ун-т им. Ярослава Мудрого, 2016. С. 218-227.
6. Говзман М.-М. Эдем на пустыре [Электронный ресурс] // Фонд Ройзмана. URL: <https://roizmanfond.ru/publications/edem-na-pustyre.html> (дата обращения: 12.01.2022).
7. Голосова Е.В., Нащокина М.В. Архитектура Главного Ботанического сада им. Н.В. Цицина РАН // Лесной вестник / Forestry Bulletin. 2018. Т. 22. № 3. С. 11-20. DOI: 10.18698/2542-1468-2018-3-11-20
8. Гребенникова Т.Г. История и методология исследования культурного и природного наследия: уч. пос. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2013.

References:

1. Agapova, M.E. & Dovganyuk, A.I. (2021) Metod "landshaftoterapii" pri organizatsii territorii ozdorovitel'nykh uchrezhdeniy i kurortnykh parkov [The Method of "Landscape Therapy" in the Organization of the Territory of Health-Improving Institutions and Resort Parks]. *Vestnik landshaftnoy arkhitektury – Bulletin of Landscape Architecture*. 26. pp. 3-8.
2. Anisimova, L.V. (2021) Arkheologicheskie ob'ekty v sovremennoy gorodskoy srede [Archaeological Objects in the Modern Urban Environment]. *Arkhitekton: Izvestiya vuzov — Architecton: Izvestiya Vuzov*. 3 (7). DOI: 10.47055/1990-4126-2021-3(75)-7
3. Belyakova, N.A. & Chernyavskaya, E.N. (2014) Razrabotka metodiki rekonstruktsii dvorovykh territoriy na primere g. Moskvy [Development of a Methodology for the Reconstruction of Yard Territories on the Example of Moscow]. *Vestnik landshaftnoy arkhitektury — Vestnik of Landscape Architecture*. 3. pp. 14-17.
4. Wang, Yu. (2016) "The Mountain Resort in Chengde" and the Royal Residence Tsarskoye Selo: Historical Parallels and Features of Museumification. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*. 9 (71). pp. 27-32. (In Russian).
5. Gavrilova, O.N. (2016) [Restoration and Musealisation of the Estate Complex of Countess A.A. Orlova-Chesmenskaya – A New Direction in the Development of the Vitoslavlitsy Museum]. *Novgorodika-2015. Ot "Pravdy Russkoy" k rossiyskomu konstitutsionalizmu* [Novgorodika-2015. From Pravda Russkaya to Russian Constitutionalism]. Proceedings of the 5th International Conference. Veliky Novgorod. 24–25 September 2015. Veliky Novgorod: Yaroslav-the-Wise Novgorod State University. pp. 218-227. (In Russian).
6. Govzman, M.M. (2022) *Edem na pustyre* [Eden in the Wasteland]. [Online]. Available from: <https://roizmanfond.ru/publications/edem-na-pustyre.html> (Accessed: 12.01.2022).
7. Golosova, E.V. & Nashchokina, M.V. (2018) Architecture of the Main Botanical Garden Named After N.V.

9. Зимин И. Александровский парк Царского Села XVIII-начало XX в. Повседневная жизнь Российского императорского двора. М.: Центрполиграф, 2017.
10. Иванова А. В. Опыт социокультурного проектирования в музеях-усадебных и дворцово-парковых комплексах // Студенческая наука и XXI век. 2018. № 16-1. С. 190-192.
11. Исаченко Г. А., Исаченко Т.Е. Роль особо охраняемых природных территорий в формировании культурных ландшафтов Санкт-Петербурга // Наследие и современность. 2020. Т. 3. № 4. С. 34-51. DOI: 10.52883/2619-0214-2020-3-4-55-72
12. Медведева А. А. Русские монастырские сады (вопросы ландшафтной организации): Дис... канд. архитектуры. СПб., 2002.
13. Мелитонян А.А. «Память места» как одна из основ комплексного планирования перспективного развития древних городов и сел // Третий форум древних городов. Рязанская область: Сб. материалов науч.-практ. конф., в рамках форума «Проблемы исследования исторической и социально-культурной среды древних городов и сел Рязанской области» (Рязань, 30 июля– 01 августа 2020 г). М.: Изд-во Ипполитова, 2020. С. 231-234.
14. Музей плодового садоводства Среднего Урала. URL: <http://uole-museum.ru/museums/muzej-istorii-plodovogo-sadovodstva-srednego-urala/> (дата обращения: 12.01.2022).
15. Нащюкина М. В. Русские сады. Вторая половина XIX - начало XX века: Монография. М.: Арт-Родник, 2007.
16. Перова Е.Ю. Сады и парки в русской культуре (на примере памятников Крыма) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2019. № 4 (820). С. 347-354.
17. Покровский Н. Е. Историческая память как фактор укрепления сплоченности в малых сообществах: кейс-стади проекта «Усадьба «Хвалевское»» в Вологодской области // Социологический ежегодник, 2017: Сб. науч. трудов / Ред.-сост. Д. В. Ефременко, Н.Е. Покровский. М.: [б.и], 2017. С. 64-79.
18. Сады и парки. Энциклопедия стиля: Материалы XXV Царскосельской научной конференции. В 2-х частях. Часть 2. СПб.: Серебряный век, 2019.
19. Свирида И.И. Естественный ландшафт и сад в русском сознании: от игумена Даниила до Карамзина // Ландшафты культуры. Славянский мир. М.: Прогресс-Традиция, 2007. С. 191-236.
20. Сиволап Т.Е. Проблемы правовой охраны природных объектов в современной России // Право и образование. 2011. № 9. С. 127-138.
21. Спиридонова О.А., Геворкян С.Ш. Зона рекреационного назначения. Адаптация дворянских усадеб – инновационное развитие территорий // Градостроительство. 2018. № 5. С. 18-25.
22. Тихонова М.А., Чернявская Е.Н. Приемы, применяемые ООО «Парковая реставрация» в проектах восстановления объектов ландшафтной архитектуры // Вестник ландшафтной архитектуры. 2019. № 20. С. 60–65.
23. Чернявская Е.Н. Направления трансформации ландшафта исторических усадеб Москвы // Культура и искусство. 2018. № 9. С. 66 –75. DOI: 10.7256/2454-0625.2018.9.27284
- Tsitsin of the Russian Academy of Sciences. *Lesnoy vestnik / Forestry Bulletin*. 22 (3). pp. 11–20. (In Russian). DOI: 10.18698/2542-1468-2018-3-11-20
8. Grebennikova, T.G. (2013) *Istoriya i metodologiya issledovaniya kul'turnogo i prirodnogo naslediya* [History and Methodology of Research of Cultural and Natural Heritage]. Barnaul: Altai State University.
9. Zimin, I. (2017) *Aleksandrovskiy park Tsarskogo Sela 18-nachalo 20 v. Povsednevnyaya zhizn' Rossiyskogo imperatorskogo dvora* [Alexander Park of Tsarskoye Selo. The 18th-early 20th Centuries. Daily Life of the Russian Imperial Court]. Moscow: Tsentrpoligraf.
10. Ivanova, A.V. (2018) *Opyt sotsiokul'turnogo proektirovaniya v muzeyakh-usad'bakh i dvortsovo-parkovykh kompleksakh* [Experience of Sociocultural Design in Estate Museums and Palace and Park Complexes]. *Studencheskaya nauka i 21 vek — Student Science and the 21st Century*. 16 (1). pp. 190–192.
11. Isachenko, G.A. & Isachenko, T.E. (2020) The Role of Specially Protected Natural Areas in the Formation of Saint Petersburg Cultural Landscapes. *Nasledie i sovremennost' – Heritage and Modernity*. 3 (4). pp. 34–51. (In Russian). DOI: 10.52883/2619-0214-2020-3-4-55-72
12. Medvedeva, A.A. (2002) *Russkie monastyrskie sady (voprosy landshaftnoy organizatsii)* [Russian Monastic Gardens (Issues of Landscape Organization)]. Architecture Cand. Diss. Saint Petersburg.
13. Melitonyan, A.A. (2020) [“Memory of a Place” as One of the Foundations of Integrated Planning for the Long-Term Development of Ancient Cities and Villages]. *Tretiy forum drevnikh gorodov. Ryazanskaya oblast'* [The Third Forum of Ancient Cities. Ryazan region]. Ryazan. 30 July – 1 August 2020. Moscow: Izdatel'stvo Ippolitova. pp. 231–234. (In Russian).
14. Sverdlovsk Regional Local History Museum. (2022) *Muzey plodovogo sadovodstva Srednego Urala* [Museum of Fruit Gardening of the Middle Urals]. [Online]. Available from: <http://uole-museum.ru/museums/muzej-istorii-plodovogo-sadovodstva-srednego-urala/> (Accessed: 12.01.2022).
15. Nashchokina, M.V. (2007) *Russkie sady. Vtoraya polovina 19 – nachalo 20 veka* [Russian Gardens. Second Half of the 19th – early 20th centuries]. Moscow: Art-Rodnik.
16. Perova, E.Yu. (2019) Gardens and Parks in Russian Culture (On an Example of Ensembles of Crimea). *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki – Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*. 4 (820). pp. 347–354. (In Russian).
17. Pokrovskiy, N.E. (2017) *Istoricheskaya pamyat' kak faktor ukrepleniya splochnosti v malykh soobshchestvakh: keys-stadi proekta Usad'ba “Khvalevskoe” v Vologodskoy oblasti* [Historical Memory as a Factor in Strengthening Cohesion in Small Communities: Case Studies of the Khvalevskoye Estate Project in Vologda Oblast]. In: *Sotsiologicheskii ezhegodnik* [Sociological Yearbook]. Moscow. pp. 64–79.
18. Anon. (2019) *Gardens and parks. Encyclopedia of Style*. Proceedings of the 25th Tsarskoye Selo Scientific Conference. Part 2. Saint Petersburg: Serebryanyy vek. (In Russian).
19. Svirida, I.I. (2007) *Estestvennyy landshaft i sad v russkom soznanii: ot igumena Daniila do Karamzina* [Nature and the Garden in Russian Conscience: From Father Daniel

24. Чернявская Е.Н., Базарова Э. Л. Тематический парк как феномен современной культуры // Вопросы культурологии. 2014. № 4. С. 51-58.

25. Шатровская А.В., Баулина Е.Н. Реставрация и приспособление дворцовых и усадебных оранжерейных хозяйств пригородов Санкт-Петербурга // Магистерские слушания. Материалы VIII Межрегион. науч.-практ. конф. В 2-х т. СПб.: С-Петербург. Гос. архитектурно-строит. ун-т, 2018. С. 43-46.

26. Шевлякова М.И., Захарова А.О., Аткина Л.И. Социальные предпочтения населения в вопросах развития сада Харитонова (г. Екатеринбург) // Леса России и хозяйство в них. 2016. № 2. С. 69-76.

27. European Route of Historic Gardens. URL: <https://europeanhistoricgardens.eu/en/> (date of access: 12.01.2022).

28. Kuśmierski J. Zawód: konserwator zabytkowej zieleni [Профессия: реставратор исторической зелени. Муниципальная зелень] // Zieleń miejska. 2019. № 4. Pp.18-20.

29. Kuśmierski J. Europa zjednoczonych ogrodów. Rola Europejskiego Szlaku Ogródów Historycznych w realizacji polityki kulturalnej Unii Europejskiej [Европа объединенных садов. Роль Европейского маршрута исторических садов в реализации культурной политики Европейского Союза]. Ścinawka Górna: Fundacja Odbudowy Dworu Sarny, 2021. ISBN 978-83-959914-2-4.

to Karamzin]. In: *Landshafty kul'tury. Slavyanskiy mir* [Landscapes of Culture. Slavic World]. Moscow: Progress-Traditsiya. pp. 191–236.

20. Sivolap, T.E. (2011) Problemy pravovoy okhrany prirodnykh ob"ektov v sovremennoy Rossii [Problems of Legal Protection of Natural Objects in Modern Russia]. *Pravo i obrazovanie – Law and Education*. 9. pp. 127–138.

21. Spiridonova, O.A. & Gevorkyan, S.Sh. (2018) Zone of Recreational Use. Adaptation of Noble Estates – Innovative Development of Territories. *Gradostroitel'stvo – Urban planning*. 5. pp. 18–25. (In Russian).

22. Tikhonova, M.A. & Chernyavskaya, E.N. (2019) Priemy, primenyaemye OOO "Parkovaya restavratsiya" v proektakh vosstanovleniya ob"ektov landshaftnoy arkhitektury [Techniques used by LLC "Park Restoration" in the Projects of Restoration of Objects of Landscape Architecture]. *Vestnik landshaftnoy arkhitektury — Vestnik of Landscape Architecture*. 20. pp. 60–65.

23. Chernyavskaya, E.N. (2018) Napravleniya transformatsii landshafta istoricheskikh usadeb Moskvy [Directions of Transformation of the Landscape of the Historical Estates of Moscow]. *Kul'tura i iskusstvo — Culture and Art*. 9. pp. 66–75. DOI: 10.7256/2454-0625.2018.9.27284

24. Chernyavskaya, E.N. & Bazarova, E. L. (2014) Theme Park as Current Culture Phenomenon. *Voprosy kul'turologii — Issues of Cultural Studies*. 4. pp. 51–58. (In Russian).

25. Shatrovskaya, A.V. & Baulina, E.N. (2018) [Restoration and Adaptation of Palace and Manor Greenhouses in the Suburbs of St. Petersburg]. *8 Mezhhregion. nauch.-prakt. konf.* [The 8th Interregional Conference]. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering. pp. 43–46. (In Russian).

26. Shevlyakova, M.I., Zakharova, A.O. & Atkina, L.I. (2016) Social Preferences of the Population in the Development Matters of Kharitonov's Garden in Yekaterinburg. *Lesa Rossii i khozyaystvo v nikh — Forests of Russia and the economy in them*. 2. pp. 69–76. (In Russian).

27. The European Network of Historic Gardens. (2022) *European Route of Historic Gardens*. [Online]. Available from: <https://europeanhistoricgardens.eu/en/> (Accessed: 12.01.2022).

28. Kuśmierski, J. (2019) Zawód: konserwator zabytkowej zieleni [Profession: Conservator of Historic Greenery]. *Zieleń miejska*. 4. pp.18–20.

29. Kuśmierski, J. (2021) *Europa zjednoczonych ogrodów. Rola Europejskiego Szlaku Ogródów Historycznych w realizacji polityki kulturalnej Unii Europejskiej* [Europe of United Gardens. The Role of the European Trail of Historical Gardens in the Implementation of the Cultural Policy of the European Union]. Ścinawka Górna: Fundacja Odbudowy Dworu Sarny. ISBN 978-83-959914-2-4.

Полная библиографическая ссылка на статью:

Казаква, А. Ю. Зеленая история: польский опыт музеефикации памятников садово-паркового искусства / А. Ю. Казаква // Наследие веков. – 2022. – № 1. – С. 87–96. DOI: 10.36343./SB.2022.29.1.008 – Рец. на кн. Kuśmierski, J. Hortuseum. Muzealizacja europejskich ogrodów w XXI wieku [Музеефикация европейских садов в XXI веке]. Ścinawka Górna: Zamek Sarny Sudety, 2020.

Full bibliographic reference to the article:

Kazakova, A. Yu. (2022) Green History: Polish Experience of Musealisation of Landscape Art Heritage. *Nasledie vekov – Heritage of Centuries*. 1. pp. 87–96. (In Russian). DOI: 10.36343./SB.2022.29.1.008

НАСЛЕДИЕ ВЕКОВ

№1 (29)
2022

НАУЧНЫЙ ЭЛЕКТРОННЫЙ ЖУРНАЛ

ISSN 2412-9798

16+

ЮЖНОГО ФИЛИАЛА ИНСТИТУТА НАСЛЕДИЯ

Сетевое издание

Выходит четыре раза в год

Учредитель: АНО Центр духовного развития и патриотического воспитания
«Родные традиции»

Издатель: Южный филиал ФГБНИУ «Российский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева»

Главный редактор: Горлова И. И., e-mail: ii.gorlova@gmail.com

Адрес редакции: 350063, г. Краснодар, ул. Красная, д. 28, оф. 5

Телефон: +7 (861) 268-22-98

E-mail: heritage.krasnodar@gmail.com

Издание зарегистрировано в Роскомнадзоре.

Регистрационное удостоверение: Эл № ФС 77 - 76198 от 19 июля 2019 г.

Присланные в редакцию материалы публикаций рецензируются в соответствии с Порядком рецензирования рукописей и не возвращаются авторам.

Все права на любые материалы, опубликованные в настоящем издании, защищены в соответствии с российским и международным законодательством об авторском праве и смежных правах.

Использование материалов, размещенных в настоящем издании, допускается при условии обязательного указания точной гиперссылки на журнал «Наследие веков». Гиперссылка делается на оригинальный адрес публикации (URL). При воспроизведении материалов не допускается искажение смысла используемого текста.

Название журнала на русском языке: Наследие веков

Транслитерация названия журнала: Nasledie vekov

Название журнала на английском языке: Heritage of Centuries

При изготовлении обложки был использован фрагмент цифровой копии полотна Б. М. Кустодиева Деревенский праздник (Осенний сельский праздник). Холст, масло. 82x110. 1914. Национальный художественный музей Латвии (Рига).
URL: https://yavarda.ru/images/artmir/sub_3817.jpg

Дизайн сайта <http://heritage-magazine.com>:

Т. В. Коваленко, А. В. Крюков

Верстка html-версии журнала:

А. В. Крюков

Дизайн pdf-версии журнала:

Т. В. Коваленко, А. В. Крюков

Компьютерная верстка pdf-версии журнала:

А. В. Крюков

Дизайн обложки: А. В. Крюков, Т. В. Коваленко

Редактура текстов статей:

М. В. Шаройко

Редактура пристатейных списков литературы на русском языке:

М. В. Шаройко, А. В. Крюков

Редактура пристатейных списков литературы на английском языке: В. В. Кашпур

Редактура аннотаций на английском языке:

В. В. Кашпур

Издание индексируется:

- в Российском индексе научного цитирования (РИНЦ), (договор 714-11/2015).

Страница издания: http://elibrary.ru/title_about.asp?id=56593
- в системе Google Scholar.

Ссылка: https://scholar.google.ru/scholar?start=10&q=heritage-magazine.com&hl=ru&as_sdt=0,5

Распоряжением Минобрнауки России от 12 февраля 2019 г. № 21-р электронный журнал «Наследие веков» включен в **Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.**

Номер сверстан: 30. 03. 2022

Размещен в сети Интернет: 31. 03. 2022

Гарнитура: Cambria

Формат: 210x297 (60x84/8)

Усл. печ. л.: 11,32

Уч.-изд. л.: 8,45

Размер файла: 6,3 Mb

© Наследие Веков

© АНО ЦДРПВ «Родные традиции»

© Южный филиал ФГБНИУ «Российский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева»